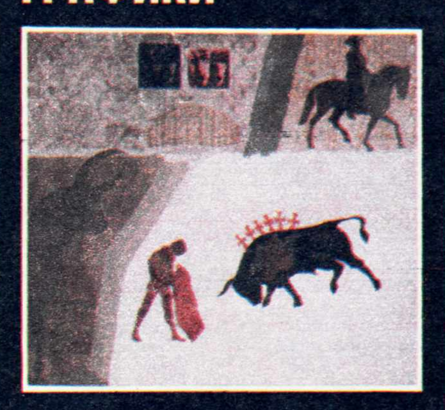
ISSN 0131—0097

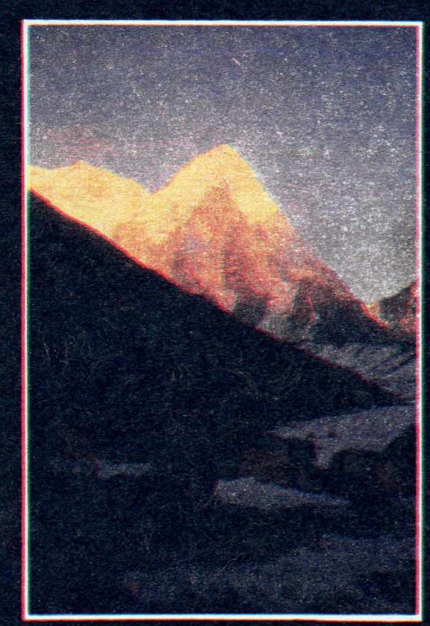
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 50 ДЕКАБРЬ 1989

ФИЛОСОФИЯ ГРАФИКИ

«ЛИТВА МОЯ ПРЕКРАСНАЯ...»

ВЕРШИНЫ И СЛАВА

ЗЕМЛЯ И МЫСЛЬ ВЕЧНЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 50 (3255)

9 — 16 ДЕКАБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
П. М. Абовин-Егидес снова в пензенском колхозе. (См. в номере материал «Философ в колхозе».)
Фото Анатолия БОЧИНИНА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 20.11.89. Подписано к печати 05.12.89. А 10625. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 300 000 экз. Заказ № 1505. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 251-89-83; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Петр Маркович Абовин-Егидес живет во Франции, в Париже издана его книга «Философ в колхозе». Написал Петр Маркович о себе и о пензенском колхозе «Рассвет», что в Тамалинском районе, где он когда-то был председателем правления.

ФИЛОС

Жизнь Петра Марковича испытывала на прочность достаточно жестко — был на заре туманной юности московским студентом, потом добровольцем на фронте, раненым попал в окружение, а когда выбрался к своим, его перехватил СМЕРШ, и повезли раба божьего, солдатика в Воркуту, за колючую проволоку. Досидел, потом доучился. В 1953 году решил бросить город, кафедру, строить социализм в отстающем колхозе.

Но... семья! Весь темперамент и груду доводов обрушил беспартийный и ранее судимый Петр Маркович на жену — коммунистку, и она согласилась на перемену места жительства. Ее, как только чета энтузиастов появилась в Тамале, райком партии послал председательствовать в Варварино; и некоторое время Петр Маркович был при ней, учительствовал.

Беспокойно жил учитель, мечтал бог знает о чем, например, о самостоятельности колхозов, о свободном труде... И как только оттепель помогла ему избавиться от судимости, подал заявление в партию и был принят и тут же — добровольцем, как тогда на фронт — отправлен председателем в дальний угол района, в колхоз «Рассвет», ныне переименованный в «Зарю».

И вот много лет спустя парижанин Абовин-Егидес снова приехал в то же пензенское село...

Эк человека бросает: из Москвы в Воркуту, из колхоза в Париж и обратно... Но сюжет жизни, оказывается, еще жесточе! По дороге из деревни в Париж Петр Маркович побывал снова за колючей проволокой, то бишь за стеной психушки — не рассуждай...

Петр Маркович, конечно, думать не перестал, не излечился; стал с единомышленниками готовить самиздатовский журнал. Петру Марковичу в ультимативной форме предложили: либо выезд на Запад, либо снова суд и... Выбрал подневольную эмиграцию.

И вот он снова в «своем» колхозе... 30 лет спустя.

Фото
Анатолия БОЧИНИНА

ОФ В КОЛХОЗЕ

«ПРАВДА» В НАГРУЗКУ •
НЕ ХОЧУ КОРМИТЬ ВААП •
ПЕНСИЯ ДЛЯ СОЛДАТОК •

■

У народа выработался определенный скептицизм по отношению к возможностям местной власти. В нашем обществе считается совершенно естественным и нормальным, что все серьезные проблемы любого региона страны решаются в центре. Там, в Москве, определяют, куда повернуть наши реки, какие у нас строить заводы и атомные станции, что и сколько мы должны отдавать центру (раньше это называлось Государственный план, а сейчас — Госзаказ) и даже что нам сеять. Местные власти могут лишь предлагать, ходатайствовать, просить. Провозгласив «Вся власть Советам!», Съезд народных депутатов еще не выработал механизма передачи этой власти.

На сессии Верховного Совета при обсуждении вопроса о шахтерских забастовках ряд депутатов выступил с жесткой критикой в адрес местных Советов за их пассивность, бездействие и невнимание к нуждам народа. Такая критика дает популярность, но не вскрывает существа наших невзгод. Большинство проблем, поставленных бастующими, местные Советы решить не в состоянии. Не случайно уже после окончания забастовок представители забастовочных комитетов приехали в Москву, чтобы там контролировать достигнутые соглашения. Что это, как не признание полной беспомощности местной власти!

Но она беспомощна не потому, что там сплошь сидят слабые руководители, а потому, что сама структура командно-административной системы в современных условиях делает ее такой.

Выборы в местные и республиканские Советы должны пройти под флагом борьбы не против аппаратчиков, функционеров и пр., а за реформы управления государством. Но совершенно естественно следует отводить кандидатов, проявивших себя отъявленными бюрократами, или руководителей, зарекомендовавших себя стойкими консерваторами в годы застоя.

Для практической реализации создаваемой структуры управления необходимо подвести под лозунг «Вся власть Советам!» реальное содержание. Это означает передачу функций управления от партийных органов советским.

Население только тогда поверит Советам, когда они смогут решать проблемы области и города, имея для этого реальную политическую и экономическую власть.

Ю. КУДРЯВЦЕВ
Новочеркасск

■

Известно, что в нашей торговле существует способ навязывания покупателю ненужных товаров в виде так называемой «нагрузки» к дефициту. Это не обходит и книжную торговлю.

В нашем городе для реализации этого существует «Народный книжный магазин», где за книгу приходится платить чуть ниже, чем на «черном рынке». Но к этому нас приучили дефицитом на все, и поэтому особого возмущения такое «распространение» литературы не вызывает.

Каково же было удивление, когда в «нагрузку» к книге предлагалась подписка на газету «Правда» на 3 месяца, а так как хотелось купить обе интересные книги, то мне выписали 2 абонемента, оба на первый квартал.

Видимо, подобными мерами наша самая центральная газета старалась добиться увеличения численности своих подписчиков, но это не привело к желаемым результатам.

Ю. ИОАННО
Ейск

■

С интересом ознакомились с публикацией вашего журнала «Золотая рыбка в дырявом неводе». В июне этого года как раз в городе Сарапуле Удмуртской АССР состоялось Всесоюзное совещание «Минерально-сырьевые ресурсы и комплексное их освоение». В этот мало кому известный город на реке Каме съехались геологи, горные инженеры, обогатители, экономисты, словом, специалисты горнопромышленного производства со всей страны. И хотя горная промышленность в этих краях никогда не возникала, интерес специалистов к этому городу был связан с именем видного организатора советской науки, горного инженера, академика, Героя Социалистического Труда Николая Васильевича Мельникова. В этом городе, в семье сапожника, он родился восемьдесят лет тому назад. Всесоюзное совещание было выражением уважения к памяти выдающегося ученого, к жителям Сарапула, которые бережно хранят эту память — в городе создан мемориальный Дом-музей академика Н. В. Мельникова.

Многочисленные участники Всесоюзного совещания воочию убедились в правоте автора очерка о Сарапуле, и мы всецело разделяем его тревогу и боль за судьбу истории и культуры, за будущее наших бывших уездных городов России.

Наши научные изыскания вполне реально могут превратиться в немалые материальные и денежные ценности (разумеется, в результате большого труда соответствующих предприятий), так почему бы часть этих ценностей не использовать для решения конкретных вопросов — в данном случае для помощи и улучшения жилищно-коммунального обеспечения, реставрации архитектурных памятников Сарапула. Участники Всесоюзного совещания решили в связи с этим создать при горисполкоме специальный материальный фонд имени академика Н. В. Мельникова для помощи в решении социально-экономических проблем города. Проект устава и другие документы уже подготовлены, и участники Всесоюзного совещания начинают работу по организации работы этого фонда. Планируются и другие формы накопления фонда. В частности, решено гонорары за публикацию материалов Всесоюзного совещания («Мельниковские чтения») и другие виды прибыли перечислить в этот фонд.

Участвовать в фонде могут любые общественные организации, а также отдельные граждане. Главная задача фонда — оказывать постоянную помощь городскому Совету народных депутатов Сарапула в сохранении, украшении и возрождении города.

Возродить Сарапул, сделать его городом XX столетия, сохранив историко-культурную специфику, дело очень трудное, сложное. Поэтому мы обращаемся через журнал «Огонек» за содействием и помощью фонду ко всем организациям и согражданам, кому дороги память, история, культура, а главное, будущее бывших уездных городов России.

Академики:
М. АГОШКОВ, Е. ШЕМЯКИН, Н. ЛОГАЧЕВ, А. АГАНБЕГЯН, В. РЖЕВСКИЙ и другие ученые, всего 17 подписей

■

Прочитал в 44-м номере «Огонька» статью А. Суханова «Налог с бороды, или Как вызволить из беды авторское право» — о разбойной практике ВААПа. Понимаю возмущение советских авторов ни на чем не основанным грабежом, но в данном случае хоть какая-то псевдологика, но присутствует: они — «подданные», увы, и по сей день бюрократических ведомственных структур. Но за что ВААП берет налоги с меня?

В застойные времена, из года в год живя тяжелым малооплачиваемым трудом, я и помыслить не мог публиковать свою лирику в отечестве. Ее уделом был самиздат, и в качестве такового она попадала на Запад и там находила себе место на страницах эмигрантских изданий. Даром мне это не прошло: 19 января 1982 года в «хрущобе», где мы ютились с семьей, у меня был проведен Московской прокуратурой многочасовой обыск, вломились в 7 утра с шуткой: «Вставайте, Юрий Михайлович! Поэт в России больше чем поэт». Балагур-следователь оказался знатоком современного поэтического творчества: «Поговорим о поэзии, вам пистолет или лезвие?» — и т. д. В итоге изъяли авторские экземпляры моего «Избранного», составленного Бродским и в конце 81-го года вышедшего в американском издательстве «Ардис». А передо мной на Лубянке поставили вопрос ребром: арест по 70-й статье (до 7 лет лагерей строгого режима) или — немедленная эмиграция.

С 1983 года я эмигрант, выпустивший еще три книги в парижских русскоязычных издательствах.

Началась перестройка, пришла пора попытаться публиковаться на родине, послужить творчеством своим в трудную, переломную для нее пору. Западные издатели поняли мои резоны вполне и предоставили право публикаций в СССР, несмотря на свои копирайты. Только за последний год я дважды напечатался в «Знамени», у вас в «Огоньке», в «Звезде», «Волге» и т. д. Скоро собираюсь в Москву...

Но спрашивается: почему моя разлученная со мною семь лет назад дочь Дарья, которую я наконец-то могу поддержать материально, выписав ей доверенность на получение гонораров, должна платить ВААПу налог? Почему со стихов моих берут дань «анонимные» чиновники, с которыми я не связан, разумеется, никакими договорными обязательствами?

Как и любой литератор, перед родным языком, перед российским читателем, живущим хуже и беднее меня, я в неоплатном долгу.

Но ВААПу я ничего не должен, и, слава Богу, будучи человеком бесподданным и свободным, подкармливать его чиновников и меркантильные его нужды считаю для себя унизительным.

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ,
Париж

■

Показуха проникла во все сферы жизни армии, об отдельных из них можно говорить лишь с горечью. Идея показных городков возникла после посещения министром обороны в 1988 году одного из подразделений ПВО. К этому посещению специально готовились, готовились долго и серьезно, не жалея ни денег, ни сил. Будоражили воображение рассказы о стоимости тех или иных объектов: наглядной агитации, строевого плаца, спортивного и караульного городков под открытым небом, «огневой» полосы — и все цифры с тремя, а то и с четырьмя нулями. Ну а общий итог и вовсе впечатляющий.

Прошло совсем немного времени, и идея «показных» подразделений шагнула далеко за пределы республики. Развернулись стройки, начали создавать строительные команды, формируемые зачастую за счет боевых дивизионов, что не могло положительно сказаться на общем ходе боевой и политической подготовки, боевом дежурстве. Длинной рекой потекли денежные средства. Чего, например, стоит обить обширные помещения солдатской казармы полированными деревянными плитами, стоимость которых нам хорошо известна по изделиям мебельных комбинатов. А о практичности таких стен можно тоже поспорить. На сколько хватит их «товарного» вида? На год? На два? Но при этом в распоряжении политработника в дивизионах зачастую есть только старый баян, на котором, как правило, играть никто не умеет, допотопная радиоустановка ПТУ-10, с трудом выделяющая на фоне помех «Маяк», да киноаппарат «Украина-5», чаще всего простаивающий по причине отсутствия кинофильмов.

Вышестоящие начальники держат под строгим контролем сроки и качество выполнения работ по сдаче «объектов» в срок. А приезжая в уже отделанные несколько месяцев назад под «показ» дивизионы, с сожалением видишь уже вышедшие из строя дорогостоящие спортивные тренажеры, большие красные паласы в спальном помещении, скатанные в большой рулон и разворачиваемые только в период приезда комиссий. И, стоя посреди казармы, в этой обстановке приходящей в упадок роскоши, задаешь себе вопрос: кому в конечном счете это все нужно? Солдату? Или тому верноподданному начальнику, готовому выполнить любой приказ, пусть даже самый абсурдный, противоречащий духу перемен в нашем обществе, но зато в срок, невзирая ни на какие «но», уверенному в своей правоте и забывающему о своем долге перед страной, перед народом.

Г. ГРОЗМАНИ,
зам. командира дивизиона по политической части

■

Внимательно прочел статью А. Головкова «Полураспад» в № 34 вашего журнала. Я, Коваленко А. П.,

один из той «чернобыльской шестерки», кто был осужден по ст. 220 п. 2 УК УССР к лишению свободы на 3 года...

23 мая 1989 г. условно-досрочно освобожден. Но до сих пор не могу понять и объяснить родным и близким, друзьям и знакомым, в чем конкретно я был виновен, за что был изолирован от общества, семьи, трудового коллектива. Данное решение Верховного суда СССР считал (на судебном заседании виновным себя не признал) и считаю неверным, так как предъявленное мне обвинение и процесс судебного разбирательства приняли одностороннее направление с обвинительным уклоном. Судом фактически не учтены заявление и показания свидетелей и пострадавших, законные требования моей должностной Инструкции и Положения о цехе. Нет объективности и обоснованности в предъявленном мне (да и другим тоже) обвинении. Судили преступников. До суда — уже преступников.

Мы были осуждены за нарушение правил безопасности на взрывоопасном предприятии. Поэтому в деле о преступлении должны быть копии нормативных актов об отнесении предприятия к определенной категории взрывоопасности. Нет такого документа в нашем уголовном деле, да и не может его быть, так как ни Технологический регламент, ни проект, ни паспорт Госатомэнергонадзора СССР на реакторную установку не относят (и не относили до аварии) Чернобыльскую АЭС и реакторный цех к взрывоопасным.

Справедливо ли правосудие? Что же в основе столь сурового приговора? Железные факты? Неопровержимые доказательства? Или всего лишь голое, плохо завуалированное стремление спасти престиж атомной энергетики, недостатки в конструкции реактора, изобретателей реактора РБМК-1000?

Сейчас пишут и говорят, что возвращения к старому не будет. И хотя все, что произошло с нами, произошло не в 1937 году, а полвека спустя, я все же верю и надеюсь, что наши права будут надежно защищены. Я просто не могу не верить! Правду надо знать. И всю.

А. КОВАЛЕНКО
Киев

P. S. В атомной энергетике с 1965 года, на Чернобыльской АЭС с 1975 года, начальником реакторного цеха работал с августа 1985 года. Во время аварии пострадал — острая лучевая болезнь I степени. С декабря 1988 года инвалид III группы, но пенсию не получаю в связи с привлечением к уголовной ответственности. Когда же будут восстановлены правда и истина?!

■

Прямо скажу, неожиданное продолжение оказалось у моей статьи «Гордость паче унижения» («Огонек» № 43).

Мне, напомню, показалось смешным, что «лирический герой стихов» С. Куняева, рассказывающий, как ему, герою, довелось в одиночку сражаться с пламенем ада и как от него, опаленного, открестились друзья («Но шарахнулись все от меня:— Адским пламенем,— шепчутся,— пахнет!..»),— словом, что все это выглядит сниженной, пародийной аналогией. Ведь это не от кого иного, а от Данте шарахались в ужасе жители Флоренции при виде его смуглого, будто и впрямь обожженного адским огнем лица: «Боже, он был в аду!»

Читаю в малотиражной газете «Московский литератор» (№ 41—42) письмо С. Куняева, содержащее яростные, не всегда приличные и отчасти подсудные оскорбления (я, к примеру, шулер, а «Огонек», разумеется, желтая пресса). Что такое? Оказывается, все дело в том, что стихи-то были посвящены покойному другу Куняева Юрию Селезневу, и прилежно цитирую, стало быть, это «он, а не я герой стихотворения... Именно его... опаляло «адское пламя»...». Итог: или мы с «Огоньком» извинимся за такое свое «шулерство», или же «я буду вынужден ответить ему (мне) на оскорбление пощечиной». Иного выхода в «обстоятельствах «бесправия» нет, утверждает вконец затравленный (в частности мною, человеком без должностей и чинов) редактор «Нашего современника» и секретарь СП РСФСР.

Испугался я, в общем, ужасно и судорожно принялся искать повод для извинения. Ищу, ищу... Размышляю... Увы! Мало того, что самоощущение этих стихов ничуть не отличается от соседних, мною также цитированных и также показавшихся забавными,— кстати, за них автор почему-то не заступился. Мало того, что я не обнаружил в этом самоощущении ровно ничего нового, сказав, по сути, банальность, ибо еще несколько лет назад один из лучших критиков поэзии, Сергей Чупринин, заметил, что самоутверждение у Куняева доходит «до карикатурности», являя «комическую ярость». Но разъясните мне, кто сумеет: разве посвящение кому-то автоматически переносит авторское «я» на объект посвящения? К примеру, есть у Семена Липкина стихотворение, посвященное «С. Б. Рассадину» и начатое: «В этом городе южном я маленький школьник» — но, честное слово, это он, Липкин, а не я, был много десятилетий назад мальчиком-одесситом. Или берем выше: Анна Ахматова, «Памяти М. А. Булгакова». «Вот это я тебе, взамен могильных роз...» Я — тебе! Я, Ахматова,— тебе, Булгакову, и все ясно, все на своих местах.

Нет, ничего у меня с извинением не выходит. Завидую тому же Куняеву — ведь уж он-то, если бы вдруг захотел, и вправду имеет счастливую возможность принести извинения мне, на которого недавно возвел сущую напраслину, произвольно объявив, будто я публикую некие анонимные письма. Хотя нет, я не утопист и его к извинениям не зову.

А впрочем — стоп! Эврика! Нашел, за что извиниться,— за совет, признаю, во всех отношениях непрошеный. Если Куняев станет переиздавать злополучные стихи, пусть назовет их, ну скажем, «Голос друга». А себя объявит, допустим, медиумом. И тогда мы с радостью поймем, что «я» в этом стихотворении («Вызываю огонь на себя... Я иду — победитель огня...» и т. п.) к самому Куняеву отношения не имеет.

Правда, как тогда быть с Юрием Селезневым? Ведь прямая аналогия с Данте Алигьери — это хоть кого поставит в неловкое положение... Но тут уж дело хозяйское.

Станислав РАССАДИН

■

До предпоследнего повышения минимальных пенсий колхозникам моя мать, как жена погибшего мужа в Великой Отечественной войне, получала 5 рублей сверх жалкого минимума. По-всякому называли солдатки эту злосчастную «льготную» (!) надбавку: и гробовой, и смертной, и красноармейской, и фронтовой, и брежневкой,— но всегда с горькой иронией. Обидно до глубины души, что жизнь погибших оценена пятирублевкой. А нынче, с началом гуманизации нашего общества, лишили солдаток и этого сверхподаяния. «Достойный подарок» для несчастных солдаток к 45-летию Победы. А что же будет к 50-летию? Мемориал? Видимо, к тому времени их уже в живых почти никого не останется.

Так неужели последние годы пребывания солдаток на этом свете наше гуманное государство не в состоянии хоть как-то материально выделить в новом пенсионном Законе?

В. ЛЕПЕСИЙ
Москва

После публикации в № 41 подборки писем «За что нас не любят» редакция получила более девяти с половиной тысяч откликов.

Авторы полученных нами писем негодуют, возмущаются, протестуют, выражают несогласие с теми «злыми» посланиями в адрес «Огонька», которые журнал напечатал, размышляют о корнях и причинах неприятия его позиции.

Подавляющее большинство авторов откликов, приславших письма, солидарны с направлением, выбранным редакцией, часть авторов разделяет точку зрения тех, кто нас не любит. И это нормально: всем нравиться нельзя.

Редакция благодарит тех, кто высказался в поддержку «Огонька», кто ждет каждый новый номер журнала.

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

«ЗА и ПРОТИВ»

Журнал «Огонек» и Всесоюзный центр изучения общественного мнения сообщают

В 1989 году ВЦИОМ провел всесоюзный опрос городского населения страны по отношению к окружающей среде. Полученные данные, на наш взгляд, достаточно красноречивы. Следует лишь дать небольшое уточнение. В такой громадной стране, как наша, экологическая ситуация в различных регионах может существенно различаться. Однако, учитывая глобальность проблемы, в данной публикации приводятся цифры не по регионам, а в целом по стране.

ВОПРОС. *В какой мере вас тревожит состояние окружающей среды в вашем городе, поселке, ближайших окрестностях?*

Очень сильно	—51,4%
Довольно сильно	—32,1%
Довольно слабо	— 6,7%
Не тревожит	—4,9%
Затрудняюсь ответить	—4,9%

ВОПРОС. *Если вас тревожит состояние окружающей среды в месте вашего жительства, то в связи с чем?*

Исчезают красивые места	—11,0%
Растрачиваются природные богатства страны	—7,8%
Ухудшается здоровье людей	—52,4%
Нарушается естественный порядок в растительном и животном мире	—13,9%
Сокращаются возможности отдыха на природе	—11,9%
С чем-либо еще	—3,0%

ВОПРОС. *Как изменилось состояние окружающей среды в вашем городе, поселке за последнее десятилетие?*

Значительно ухудшилось	—43,6%
Немного ухудшилось	—25,5%
Не изменилось	—8,9%
Немного улучшилось	—5,6%
Значительно улучшилось	—1,7%
Трудно сказать	—14,7%

ВОПРОС. *Что именно вас не удовлетворяет в вашем городе и его ближайших окрестностях?*

Загазованность воздуха	—14,0%
Загрязнение реки, озера, моря	—9,3%
Повышенный уровень радиации	—3,3%
Антисанитарное состояние территории — мусор, свалки	—9,9%
Изменение климата	—3,1%
Плохая, загрязненная питьевая вода	—5,3%
Вредные химические вещества в овощах и фруктах	—8,7%
Кислотные дожди	—2,2%
Обмеление водоемов, появление пустынь или болот, другие изменения местности	—1,7%
Исчезновение отдельных видов птиц, рыб, животных и растений	—3,0%
Непригодность воды для поливов	—0,6%
Повышенный уровень шума	—5,3%
Отсутствие парков, скверов, озелененных площадок	—3,8%
Исчезновение лесов, их неудовлетворительное состояние	—3,1%
Грязные улицы, обшарпанные здания	—10,9%
Гибель старинных памятников, заброшенность старинных усадеб, парков	—4,0%
Появление большого количества вредных насекомых, других вредителей	—2,7%
Вытаптывание, повреждение, замусоривание парков, мест отдыха	—6,2%
Ухудшение почв, снижение их естественного плодородия	—2,6%
Что-либо еще	—0,5%

ВОПРОС. *Делается ли в вашем городе, поселке что-либо для улучшения окружающей среды?*

Да	—22,9%
Нет	—28,1%
Не знаю	—49,0%

ВОПРОС. *Кто является инициатором улучшения состояния окружающей среды в вашем городе?*

Райком, горком партии	— 6,2%
Неформальные группы, объединения	— 5,8%
Совет народных депутатов, исполком	—7,8%
Отдельные активные граждане	—10,8%
Газеты, радио, телевидение	—13,8%
Санитарные врачи, санэпидстанция	— 6,4%
Кто-либо еще	—1,9%
Затрудняюсь ответить	— 47,3%

* * *

ВЦИОМ проводит изучение общественного мнения по заказам государственных, общественных и кооперативных организаций по интересующим их проблемам.

Наш адрес: Москва, Ленинский проспект, 146, тел. 438-51-77.

Второй съезд

12 декабря более 2 тысяч депутатов вновь войдут в Кремль. Их встретит тот же зал, который они покинули шесть месяцев назад, завершая первый Съезд. В зале теперь будет нововведение: электронная система голосования. Но неизмеримо важнее другое: в зал войдут уже иные депутаты и за кремлевскими стенами уже другое общество. Какова теперь триада: страна — депутаты — Съезд?

Гавриил ПОПОВ, народный депутат СССР

1. КТО РАСКАЧИВАЕТ ЛОДКУ?

Общественная ситуация в период первого Съезда представлялась, по образному выражению О. Сулейменова, лодкой с двумя веслами — правым и левым. При этом левая опасность для корабля перестройки представлялась главной. Радикалов призывали не раскачивать лодку.

Ко второму Съезду ситуация изменилась принципиально.

Резко ухудшилась жизнь людей. Утром рядовому гражданину трудно почистить зубы из-за отсутствия в продаже то пасты, то щетки, а то и того, и другого. Он не может нормально побриться, умыться с мылом. У женщин с косметикой еще хуже — она дороже одежды. О кофе многие регионы знают только то, что Петр внедрял этот напиток насильно. Из свободной продажи исчезли мебель и холодильники, телевизоры и стиральные машины. О колбасе говорить не приходится.

Школьники остаются без тетрадей, больные без лекарств. Положение многих пенсионеров стало невыносимым.

Но и на производстве дела не лучше. Нет сырья, нет станков. Недоработанные проекты замкнули цепь. Сказались и многолетние липовые рапорты, приписки, фиктивные сдачи в срок, перегрузки, бесконечные латания, внедряемые несогласованно на разных участках опаснейшие технологии. Поломки, аварии, простои, сбои. Экономика, как знаменитая шинель Акакия Акакиевича, теперь уже может только рваться, ремонтировать ее уже просто невозможно.

Говоря категориями физики, критическая масса превышена, и начался неуправляемый самораспад системы административного социализма.

Каждый, кто варил молоко, знает момент, когда, зазевавшись, вдруг обнаруживаешь, что молочная пена поднимается сама по себе — что бы ни делать ни с огнем, ни с кастрюлей.

А лесорубам хорошо известен момент, когда подрубаемое дерево начинает покачиваться. Еще два-три, казалось бы, совсем не сильных удара — и дерево с возрастающим ускорением падает.

Что-то сходное происходит сегодня и в экономике, и в стране в целом. Нет торговли — она выродилась в удобную для личного снабжения чиновников и для обеспечения создаваемых бюрократами спекулятивных кооперативов систему «распродаж» на предприятиях и в организациях. Нормальная зарплата не может уже быть основой нормальной жизни. Милиция не в состоянии защитить граждан. Нет министерств — они ничего не решают, а если решат, то ничего не реализуется.

Возникла реальная опасность оказаться под рухнувшим деревом.

В этой критической ситуации и началась перегруппировка сил общества. За стихийной шахтерской забастовкой и за организованной демонстрацией в Ленинграде, за московскими пикетчиками с лозунгами «Долой Абалкина» и речами народных депутатов стоит фундаментальный процесс нового расклада сил.

Нет больше Ноева ковчега сторонников перестройки. Из него выделился **фронт противников перестройки.** Ему противостоят еще до конца не осознавшие этого факта разные отряды тех, кто перестройку поддерживает.

Новый фронт объединяет разрыв с самой идеей перестройки. Вполне логично его требование сменить руководителей партии и государства.

Почему возникла эта ситуация? Вина, конечно, лежит и на нас, радикалах, не сумевших (исключение составляет Прибалтика) ни убедить центр в необходимости ускорить перестройку, ни поднять народ на борьбу за это ускорение. Центр, в свою очередь, неправильно определил левую опасность как главную и бесконечно долго искал варианты, устраивавшие консерваторов. И, наконец, сами консерваторы, соглашаясь только на ту перестройку, которая оставила бы их на своих постах, оказались неспособными разработать соответствующий их установкам вариант перестройки. То, что они предлагали, и то, что центр принимал, неизменно оказывалось не перестройкой, не демонтажем административного социализма, а очередным вариантом его капитального ремонта.

Консервативное крыло и его явные и скрытые поклонники в центре давно осознали, что свой вариант перестройки им не найти, а со всеми другими вариантами перестройки им не по пути. Последним звонком были выборы народных депутатов и первый Съезд. Но долгое время у них не было опоры в массах.

Самое существенное и самое опасное сегодня в том, что теперь у них эта опора появилась. Ее породили именно медлительность и нерешительность в проведении перестройки, обернувшиеся для трудящихся бесконечно затягивающейся операцией без наркоза и обезболивания. И часть трудящихся, наиболее стерпевшихся с жизнью в условиях административного социализма, удалось убедить в том, что эта так называемая беспросветная и бесперспективная «жизнь» все же надежнее, чем опасности перестройки. Затянувшийся старт создал благоприятную почву для того, чтобы начальные перегрузки отождествлять со всем предстоящим полетом.

В принципиально новой ситуации допускающее оправдание прежнее балансирование между консервативными и радикальными, но все же сторонниками перестройки превращается в балансирование между противниками перестройки и ее сторонниками. Такое балансирование между взаимоисключающими подходами опасно перспективой потерять поддержку и тех, и других, оказаться в изоляции.

Ответом на фронт противников может быть только Единый Народный Антибюрократический Фронт ее сторонников. Выход из трудностей — в решительной радикализации перестройки.

Конечно, это усилит нападки противников и может привести к потере еще кого-нибудь из прежнего центра. Но ведь этот разрыв был неизбежен и, главное, противники перестройки сами избрали этот путь, как только сочли обстоятельства благоприятными. Ускорение сплотит и воодушевит все перестроечные силы, позволит существенно облегчить муки родов демократического социализма.

О необходимости радикализировать, углубить и ускорить перестройку речь идет последние два года. Этот курс предлагала группа московских депутатов перед первым Съездом и отстаивала его на самом Съезде. Вокруг этого курса возникла межрегиональная группа.

И все же после первого Съезда от имени Президиума Верховного Совета были предложены в качестве первоочередных чуть ли не 20 законов, среди которых были и законы об изобретательстве, о правах потребителей, о качестве, но только где-то на задворках маячили законы о собственности, об аренде и другие системообразующие законы.

Конечно, сам по себе Закон об изобретательстве нужен. Но этот закон принадлежит к числу второго, а то и третьего поколения решений, целиком зависящих от исходных, главных. Одно дело, если будет централизованно регулируемая рыночная экономика, будет интерес к доходу, к прибыли. Тогда Закон об изобретательстве займет пять страниц. Другое дело, если сохранятся нормативные варианты хозрасчета — тогда и 50 страниц текста могут оказаться (и окажутся) недостаточными. Между тем А. И. Лукьянов, выступая 26 июня на Верховном Совете, убеждал депутатов, что этот закон можно было бы оставить в повестке дня.

Или вопрос о составе Совета Министров СССР. Как определять перечень министерств и искать министров, не решив вопроса о том, что в экономике останется в ведении Союза ССР, а что перейдет к республикам, местным Советам, предприятиям? Согласие Верховного Совета с предложениями Президиума означало молчаливое признание нынешней системы как приемлемой. И только забастовки в Кузбассе и Донбассе, угрозы забастовок в других отраслях позволили М. С. Горбачеву существенно скорректировать концепцию тематики работы Верховного Совета. Выступая 24 июля 1989 года, он сказал: «При всем многообразии вопросов на первый план необходимо вынести те, которые связаны с решением, продвижением нашей экономической реформы... Верховный Совет должен в первоочередном порядке рассмотреть вопросы собственности, землепользования, регионального хозрасчета, предоставления соответствующих прав и полномочий местным органам и так далее».

А массовые акции противников перестройки определили появление того подхода, о котором М. С. Горбачев сказал на ноябрьском студенческом форуме: «...Я хотел бы сказать, что сейчас мы подошли к такому моменту в развитии нынешнего этапа перестройки, когда уже должны поставить вопрос о ее ускорении».

Сейчас в качестве самой актуальной проблемы становится ответ на вопрос: что должно означать на практике ускорение перестройки? И тогда можно будет определить задачи второго Съезда.

2. КОНЦЕПЦИЯ ВТОРОГО СЪЕЗДА

Как и чем можно ускорить перестройку?

Главным является вопрос о новом соотношении между «верхом» и «низом». Выступая на совещании экономистов в ЦК КПСС, я приводил такое сравнение: «Гости сели за стол, опоздав. Хозяйка имела план подачи блюд, вин и т. д. Она попытается раскладывать гостям еду. Но горячее уже стынет, охлажденная водка, напротив, теплеет. Хозяйка нервничает. Что делать? Умная хозяйка в такой ситуации снимает с себя ответственность. Она говорит: «Дорогие гости, кладите себе, что хотите, берите, что нравится, в любой последовательности. Что могла, я сделала — все на столе».

Прежняя концепция перестройки как процесса не только начатого, но и постоянно организуемого, направляемого и контролируемого центром, исчерпана. Дело не в том, может или не может центр разработать и спустить регламенты новой жизни. Дело в том, что сама идея новой системы несовместима с такого рода регламентацией из центра. Сама суть демократического социализма предполагает полную самостоятельность каждого гражданина, трудового коллектива, села и города, республики, их право устраивать свою жизнь так, как и подобает подлинным собственникам, подлинным хозяевам своей жизни. Сама суть демократического социализма в том, что центр не разрабатывает и спускает, а выясняет, обобщает и демократически определяет, чего же хотят подлинные хозяева социалистического общества.

Поэтому радикализировать и ускорять перестройку можно только одним способом: создав все условия для самодеятельности и творчества всех слоев общества.

Это означает дать самостоятельность национальным республикам, сделав равноправными республиками все народы, составляющие на какой-то территории большинство среди населения.

Это означает дать самостоятельность местным Советам всех уровней.

Это означает дать самостоятельность всем трудовым коллективам в выборе форм хозяйствования и даже форм собственности.

Никакую действительную перестройку не осуществят ни ЦК, ни правительство, ни Верховный Совет, ни Съезд народных депутатов СССР. Эта грандиозная задача посильна только всему народу, сотням тысяч его представителей во всех Советах всех уровней.

Съезд должен немедленно, не откладывая, убрать из Конституции все, что может мешать Верховному Совету быстро принимать новые законы. Это надо сделать сейчас, в декабре, не откладывая. Съезд не может обсуждать законы. Съезд не успеет, судя по всему, даже найти новые формулировки статей Конституции. Но он может и должен **убрать** из Конституции все, что уже сегодня выглядит как возможная помеха. А при подготовке новой Конституции, обобщив опыт, можно будет найти формулировки новых статей Конституции.

Верховный Совет, получив «красный свет», должен тоже немедленно, уже в январе, изменить основы законодательства, передав республикам, местным Советам и трудовым коллективам принятие конкретных законов, постановлений, решений.

В свете этого подхода можно сформулировать ключевые проблемы, которые требуют от второго Съезда рассмотрения статей Конституции СССР.

Во-первых, это проблема соотношения прав Союза ССР и республик. Не-

обходимо положение, согласно которому, с одной стороны, законы Союза не могут приниматься без согласия всех республик, а с другой — республики не должны выходить за рамки таких, принятых с их согласия законов. Принцип большинства тут неприемлем, он будет вести к развалу Союза.

Во-вторых, это обеспечение прав граждан всех национальностей, в какой бы из республик Союза они ни проживали.

В-третьих, это проблема общих демократических основ политического устройства во всех республиках, желающих объединиться в Союз. Речь идет о механизме выборов, гласности, подходе к общественным движениям.

В-четвертых, это общий подход к местному самоуправлению, к правам местных Советов.

В-пятых, это общие основы новой экономической системы, основанной на плюрализме форм собственности, самостоятельности товаропроизводителей и рыночной конкуренции.

В-шестых, это создание общего режима деятельности для любых предприятий, независимо от форм собственности.

В-седьмых, это гарантии гражданам страны от существенного ухудшения их положения в начальном периоде перестройки до того, как появятся улучшения, вызванные уже самой перестройкой.

С точки зрения этих ключевых вопросов и должен второй Съезд «просмотреть» всю Конституцию СССР и убрать из нее все, что может помешать Верховному Совету и республикам в их законодательной деятельности. Конечно, зияющая «пустотами» Конституция может быть только временной, но такая Конституция, безусловно, лучше, чем сохранение брежневского регламента администрирования и торможения.

3. ПОВЕСТКА ДНЯ

Как выглядит в свете этого подхода предложенный второму Съезду проект повестки дня?

В ней после дежурного доклада мандатной комиссии стоит доклад Совета Министров СССР о мерах по оздоровлению экономики, этапах экономической реформы и принципиальных подходах к разработке тринадцатой пятилетки.

Достаточно ли этого доклада для того, чтобы обсудить весь комплекс экономических вопросов? На первый взгляд да. Но если внимательно вдуматься, то возникает много вопросов.

Что, собственно, должен решить Съезд? Одобрить чрезвычайные меры, разработанные правительством? Конечно, разумно желание правительства получить одобрение Съезда для «непопулярных» мер. И, конечно, можно было бы правительство в этом поддержать. Тем более что в компенсацию за администрирование и жесткость первого года предложены далее меры, направленные на развитие нормального рынка.

И все же именно по этим мерам возникают такие вопросы. Когда и где администрирование — пусть временное — вело к рынку? Не получится ли прямо противоположное: ситуация в экономике из-за забастовок, национальных конфликтов и других неизбежных следствий уже наступившего развала административной системы будет обостряться и в итоге понадобится или продлить административные ограничения или даже ввести новые? Этот путь в такого рода ситуациях хорошо известен по опыту и Французской революции два века назад, и по нашей собственной революции. Временные ограничения зарплаты, цен и т. д. становились постоянными, превращались в систему.

Что можно сказать о концепции, при которой возможны два исхода, а правительство уповает только на один, приемлемый для него? Не слишком ли оптимистично?

Далее надо учесть, что применять административные меры будет нынешний административный аппарат, никакими навыками действий в деле приближения рынка не обладающий и, более того, не желающий двигаться в сторону экономических методов. Такой аппарат усугубляет опасность пессимистического исхода — это хорошо показала недавняя конференция в Колонном зале, где преобладали представители аппарата, дружно аплодировали любой критике правительственного плана.

И, наконец, и сами меры, и стремление расписать все по этапам, разложить по полочкам говорят о сохраняющемся стремлении вести перестройку только сверху, только под непосредственным руководством, бдительным надзором, несомненно, более мудрым, чем все стоящие внизу. Словом, перед нами все то же нежелание признать заранее неготовность верха вершить все и вся, нежелание признать, что подчиненные без него могут и сами определить свою судьбу, что центр не может лучше них знать их интересы, что центр — не поводырь для слепых, а всего лишь регулировщик, открывающий шлагбаум и позволяющий тем, кто хочет, ехать — и ехать туда, куда они хотят и как хотят.

Эта неготовность отойти от концепции «централизованного ускорения сверху» к концепции «самодеятельного ускорения всех звеньев» приводит к непонятной позиции. Как можно выдвигать комплекс мер и в то же время не ставить вопрос о базисных изменениях в собственности, в землевладении, в аренде? Ведь именно от типа решений этих **базисных** вопросов зависят полностью и судьба реформы и тем более подход к тринадцатой пятилетке.

Если республики станут экономически самостоятельными, если местные Советы перейдут на экономический механизм, если предприятия — арендные, коллективные, кооперативные, семейные — получат полную самостоятельность, то, спрашивается, какой будет будущая пятилетка? И можно ли вообще начать рассуждать о планах правительства на будущее, не зная планов всех этих самостоятельных агентов экономики?

От самой формулировки второго пункта съездовской повестки дня за версту веет нехваткой нового подхода к ускорению перестройки. Невозможно ускорить перестройку в рамках старой концепции: я командую, а ты исполняй.

Если думать о действительном ускорении перестройки, то нужно дополнить его предложениями по изменению статей Конституции, об экономике.

Во-первых, начать надо с обсуждения тех статей Конституции, которые надо из нее убрать, чтобы позволить Верховному Совету, не ожидая третьего Съезда, принять базисные законы по экономике: о собственности, о земле и т. д. Во-вторых, надо обязать Верховный Совет принять эти законы за январь 1990 года, прекратив обсуждение всех других вопросов.

Надо, в-третьих, исходить не из нынешнего режима, а из того, что и республики, и местные Советы, и предприятия станут самостоятельными. Поэтому надо сказать: тринадцатая пятилетка будет не тринадцатой, а первой. Первой пятилеткой нового типа. Ее составит правительство после того, как узнает планы республик и т. д. В него будет входить только то, что входит в компетенцию правительства. Она будет обязательна только для государственного сектора и индикативна для всех других, и так далее, и тому подобное.

И наконец, о чрезвычайных мерах. Нельзя принять идею: сначала администрирование, затем рынок. На администрирование можно идти только в том случае, если ужесточение администрирования на одном участке сразу же ведет к появлению рынка на другом. Иначе усиление администрирования «не оправдано», опасно.

В этой связи я вновь думаю о своем предложении ввести карточки для населения на продовольствие и на ряд предметов потребления повседневного спроса. Карточки, ориентированные на гарантирование только минимума потребления по нынешним ценам, обеспеченные умеренным госзаказом, административно создадут жесткость конструкции на самом взрывоопасном участке экономики и позволят сразу же ввести свободный рынок со свободной конкуренцией и свободными ценами для всего, что производители производят сверх госзаказа. Рынок позволит начать немедленно улучшать свое положение тем трудовым коллективам города и села, которые хотят работать и производят то, в чем кто-то нуждается и за что кто-то готов платить. Рынок сразу же начнет выпалывать и плохо работающих, и занятых не в тех сферах и не тем делом. В то же время сохранность госзаказа на какую-то долю продукции создаст на ряд лет минимальные гарантии и для таких предприятий, позволит им не идти сразу ко дну, а успеть перестроиться.

Словом, вместо спорной идеи укрепить временными административными подпорками здание всей экономики и затем начать общий ремонт я предлагаю административно укрепить только ту часть здания, в которой нам надо пережить период ремонта, а остальную начать переделывать сразу же, не теряя времени и сил на укрепление всей конструкции, коль скоро ее все равно надо менять.

Так обстоит дело с постановкой экономических проблем на Съезде. Следующий пункт повестки дня сформулирован правильно — о внесении изменений и дополнений в Конституцию по вопросам избирательной системы. Эти предложения Верховный Совет принял. Что можно сказать о них?

В целом Верховный Совет сделал полезное для ускорения перестройки дело. Он пошел в правильном направлении — создать условия для активности самих республик, снять ограничения по линии союзной Конституции.

В то же время хотелось бы обратить внимание на два вопроса. Во-первых, статья шестая — о руководящей роли КПСС. Многих, вероятно, удивило, почему десятки членов КПСС, членов Верховного Совета голосовали за то, чтобы обсудить судьбу этой статьи на Съезде, почему предложение получило большинство голосов и было не принято всего из-за недобора до 50 процентов двух-трех голосов. Дело не в том, что эти депутаты против КПСС. Дело в элементарной логике.

Нельзя принимать комплекс изменений, направленных на полную демократизацию выборов, и сохранять статью 6. Если проведена идея демократических выборов: пусть победит кто-то из альтернативных кандидатов,— то как можно сохранить статью, где победа заранее предопределена? Одно из двух: или устранить статью 6, или же надо в разделе о выборах специально указать, что и при выдвижении кандидатов, и при выборах допускаются только кандидаты, признающие руководство КПСС, то есть ввести политический ценз на выборах. Понятно, что все сторонники подлинной демократии и перехода власти к Советам исходят из обязанности КПСС каждые выборы получать мандат народа, что только и может спасти партию от отрыва от масс и от ошибок, и поэтому идею политического ценза отвергают. Соответственно, они требуют снять статью 6. Это вопрос о логике Конституции.

В проектах изменений избирательной системы сохраняется нынешний порядок формирования исполнительной власти. Ее создают Советы, то есть те же органы, которые издают законы. На мой взгляд, неприемлемо, чтобы законодательная власть была подчинена исполнительной. Но неприемлемо и обратное. Исполнительная власть — это **именно власть.** И она тоже должна получить мандат **прямо от народа.** Поэтому надо предусмотреть прямые альтернативные выборы населением руководителей исполнительной власти — мэров (старост) сел и городов, губернаторов (комиссаров) районов и областей. Видимо, пока что выборы президентов республик и президента страны можно поручить Верховным Советам и съездам. Но эти президенты нужны. Без сильной и самостоятельной исполнительной власти нельзя создать эффективную политическую систему.

Внесенные в повестку дня съезда вопросы о регламенте Съезда и Верховного Совета и о статусе народных депутатов, безусловно, важны. Что же касается Закона о конституционном надзоре и соответствующего Комитета, то мне решение представляется преждевременным. Чем будет занят этот комитет, если признается неудовлетворительной сама Конституция? Вполне можно подождать с надзором над Конституцией до решения вопроса о самой Конституции.

А вот что, безусловно, надо было бы обсудить на втором Съезде, так это вопрос о соотношении Союза ССР и союзных республик. Пленум ЦК по национальным отношениям состоялся, позиция ЦК КПСС известна, дальнейшие промедления неоправданны.

Ведь мы не можем принимать базисные экономические законы, не определившись в вопросе о республиках и Союзе. Если они основное решают сами, зачем тратить время Верховного Совета на детальные законы?

Да и вообще вся законодательная деятельность Верховного Совета целиком зависит от того, должен ли Верховный Совет принимать законы, регламентирующие внутреннюю жизнь республик, или законы, касающиеся только Союза, и законы по вопросам, признанным всеми республиками общезначимыми для всех (права человека и т. д.), ограничиваясь в других областях принятием решений в виде рекомендательных для республик основ законодательства.

Каким будет решение — покажет дискуссия. Но ее надо начать немедленно, уже на этом Съезде и сформировать комиссию Съезда по этому вопросу. Без этого трудно будет вести работу по разработке проекта новой Конституции нашего Союза.

Есть еще один вопрос, который надо рассмотреть. Это вопрос о работе между двумя Съездами самого Верховного Совета. Съезд избрал Верховный Совет и несет ответственность за эффективность его работы. Было бы странно, если бы каждый очередной Съезд не заслушивал бы отчет о работе Верховного Совета и не обсуждал бы его работу, не давал бы ему поручение на предстоящий — до следующего Съезда — период. Это тем более необходимо делать в начальный период, когда опыта еще мало и важно сразу же корректировать ситуацию — вплоть до изменения статей Конституции о порядке пополнения Верховного Совета и о нем самом.

Подводя итоги, можно сказать: чтобы повестка дня Съезда позволяла сосредоточить его внимание на главной проблеме — на ускорении перестройки, надо ее уточнить, рассмотрев изменения и дополнения к Конституции не только по избирательной системе, но и по статье 6, а также по статьям, касающимся будущих экономических законов. Нужно внести в нее вопросы о принципах строительства Союза ССР и отчет Верховного Совета. Остальное уже дело не повестки дня, а содержания дискуссий и решений. Мы, члены межрегиональной группы, не уверены, примет ли второй Съезд эти поправки и не повторится ли история первого Съезда. Поэтому только активные, согласованные действия депутатов в Кремле и избирателей по всей стране могут сделать второй Съезд действительным шагом на пути ускорения перестройки и сплочения на этой основе всех ее сторонников.

Необходимо сделать упор не на разногласия в отношении будущего, а на сплочение вокруг объединяющей всех идеи полного демонтажа административного социализма.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО главному редактору журнала «Огонек» КОРОТИЧУ В. А.

КАКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ НУЖНЫ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

Какие армия и флот нужны сегодня Советскому Союзу?

Этот вопрос ныне стал без преувеличения общенародным. На то есть свои причины. Снизилась военная опасность для Советского Союза. Появилась возможность уменьшить военные расходы и численность армии и флота: личный состав сокращается на 500 тыс. человек, из Вооруженных Сил увольняется до 100 тысяч офицеров и прапорщиков, военные расходы в 1990 году по сравнению с 1989 годом уменьшены на 6,4 млрд. рублей (более чем на 8%), а по сравнению с пятилетним планом — на 1990 год — более чем на 12,0 млрд. рублей. Идет полным ходом конверсия оборонной промышленности. На 49% ее мощностей в 1990 году будут производиться предметы народного потребления. Ясно, что такой крутой поворот для Вооруженных Сил не проходит безболезненно.

Естественно, что большинство нашего народа, проявляя заботу об армии и флоте, беспокоится, чтобы в период коренных преобразований системы политической власти в стране, экономических основ нашего общества эти преобразования, потрясающие общество и даже создающие в нем кризисные ситуации, не ударили бы по Вооруженным Силам, не снизили их боевую готовность. Эта тревога законна, тем более, что и внутри армейских коллективов есть недостатки, за которые армию и флот общество справедливо критикует.

Исходя из этой непростой обстановки и возникли вопросы: какие по численности, организационной структуре и боевому составу нужны Советскому Союзу Вооруженные Силы? Как они должны комплектоваться? Не устарело ли комплектование армии и флота на основе всеобщей воинской обязанности, как устарело многое сегодня в нашем обществе?

На эти вопросы необходимо дать ответы.

Я обращаюсь с этим открытым письмом к Вам, как к главному редактору журнала «Огонек». Складывается впечатление (по крайней мере у меня), что редактируемый Вами журнал нередко недостаточно компетентно и корректно рассматривает военные проблемы. На страницах журнала опубликован ряд статей и писем, с которыми нельзя согласиться. Я убежден, что позиция, занятая журналом «Огонек» по отношению к Вооруженным Силам, наносит им большой вред. Все чаще приходится задумываться, почему (неосознанно или сознательно) ведется линия на фактическую дискредитацию Вооруженных Сил СССР редакционной коллегией журнала.

Атаки на армию и флот сначала вызвали у военных руководителей непонимание и недоумение. Слишком все это было необычным для нашей действительности. Только поэтому, наверное, долго не было ответа со стороны военных. Теперь, когда наши и Ваши позиции определились, ничего не остается, как исправить эту оплошность.

Вы неоднократно предоставляли возможность выступить по коренным вопросам строительства армии и флота некоторым авторам журнала, слабо знающим действительное их состояние, нередко вообще не служившим в их рядах. Думаю, у Вас не будет основания отказать в публикации моего письма. Я профессиональный военный, служу в Вооруженных Силах 50 лет, участвовал в Великой Отечественной войне солдатом и офицером. После войны в течение 30 лет, будучи кадровым военным, работал в войсках и в течение 15 лет — в Генеральном штабе на должностях, непосредственно связанных со строительством и применением Вооруженных Сил.

И еще одно. У Вашего журнала по отношению к армии и флоту есть своя позиция. Но у нас, у военных (а взгляды, которые я выскажу, разделяют сотни тысяч, я бы сказал, большинство кадровых военнослужащих), есть своя позиция. Есть, разумеется, и такие военные, которые не разделяют всех моих мнений. Как я понимаю, Ваш общественно-политический журнал обязан публиковать не только тот материал, который отвечает взглядам редакционной коллегии, но и тот, который отражает взгляды и мнения различных слоев общественности, расходящиеся с Вашими.

Но прежде чем рассмотреть поставленные вопросы, нужно определиться, есть ли вообще смысл сегодня иметь крупные Вооруженные Силы Советскому Союзу? Существует ли сегодня военная опасность для нашей страны? Есть ли у нашей страны вероятный противник?

I

Уже говорилось, что достигнуты немалые результаты в снижении напряженности в мире; военная опасность для Советского Союза снизилась. Но она не ликвидирована. Администрация США и руководство других государств блока НАТО до сих пор считают Советский Союз своим вероятным военным противником. Министр обороны США Р. Чейни в сентябре — октябре с. г. вновь говорил о военной угрозе, которую создает Советский Союз для США. Встреча М. С. Горбачева с Дж. Бушем 2—3 декабря с. г. в районе Мальты имеет большое значение для будущего. Она показала: обе стороны переосмысливают обстановку, стремятся понять политику друг друга, сознают, что противоборство между Варшавским Договором и блоком НАТО уходит постепенно в прошлое. К нему возврата быть не должно. Похоже, что США приступают переосмысливать и свою стратегию. Они начинают понимать: «в карете прошлого далеко не уедешь».

Но в практических действиях США и их союзников в военной области по сравнению с нами до сих пор еще есть принципиальная разница.

Мы действуем в соответствии с новой военной доктриной. Проводим реальные преобразования, меняющие облик Варшавского Договора, придающие ему оборонительный характер, сокращаем вооруженные силы нашего военного союза. США и их союзники, признавая очень важными эти наши преобразования и одобряя их, реальных мер к подобному преобразованию своих военных доктрин, принятых десятки лет назад, к снижению военной мощи блока НАТО не принимают. Они по-прежнему не соглашаются начинать переговоры о сокращении военно-морских сил сторон. Получается так, что именно в военной области с их стороны имеют место больше слова, а не дела.

Но каковы же тогда их дела? Как известно, их военный бюджет на 1990 год утвержден в сумме 305 млрд. долларов. Американские вооруженные силы сегодня составляют 3,3 млн. человек, с учетом национальной гвардии (подобные компоненты у нас входят в состав Вооруженных Сил), а блока НАТО — только в Европе 3,6 млн. человек. **Все они вооружены современным оружием и содержатся в высокой степени боевой готовности. Эти вооруженные силы не сокращаются.** США по-прежнему окружают Советский Союз многими сотнями своих военных баз, в том числе на территории Японии, Филиппин, на островах Тихого и Индийского океанов, в странах Африки, Средиземного моря, Западной Европы (карта прилагается, прошу ее опубликовать вместе с моим письмом). 15 авианосных ударных соединений, на которых находится почти 1500 боевых самолетов США, держат в готовности к развертыванию у наших берегов. Администрация США отказывается от переговоров с нами по сокращению военно-морских сил.

Мало того. Мы разработали новую оборонительную военную доктрину, в основе которой заложена оборонная достаточность. В соответствии с ней строим свои Вооруженные Силы и обучаем их. Мы взяли обязательство ни при каких обстоятельствах не начинать войны первыми и не применять первыми ядерного оружия. Но США и блок НАТО уже больше 20 лет руководствуются в Европе стратегиями «гибкого реагирования» и «ядерного устрашения», которыми предусматривается применение ядерного оружия первыми. США и блок НАТО в целом проводят по отношению к Советскому Союзу и нашим союзникам, как социалистическим государствам, политику с позиции силы и на самом высоком уровне прямо говорят об этом. Все, что я изложил, является не вымыслами, а фактами. Если Вы с ними не согласны, попробуйте их опровергнуть. Я готов вступить с Вами в полемику и буду доказывать, что все изложенное в письме является истинной правдой.

Кроме того, хотя сегодня в мире и становится спокойнее, к Советскому Союзу Японией предъявляются, без должных на то оснований, территориальные претензии. В ФРГ периодически поднимаются вопросы о «Рейхе в границах 1937 года». Думаю, его границы тех лет Вам известны. Учащаются призывы к ревизии системы договоров в Европе, определивших существующее сегодня территориальное устройство государств. Советский Союз ни к кому территориальных претензий не имеет. Конечно, сегодня все говорят, что территориальные проблемы должны решаться только мирным путем, и это верно. Мы за это. Но опыт истории подтверждает, что с изменениями обстановки тон территориальных претензий способен резко меняться. Это случалось в прошлом и приводило к крутым поворотам во взаимоотношениях между государствами. Необходимо ли это учитывать? Конечно. Таким образом, борясь за мир, снижение военной опасности, за сокращение вооружений, Советский Союз сегодня должен иметь сильные и современные Вооруженные Силы. Обстановка требует этого.

Но какими же они должны быть? Ответим на этот вопрос.

II.

Здесь важны несколько составляющих, характеризующих Вооруженные Силы.

Первое. О численности армии и флота. Как известно, М. С. Горбачев в своем выступлении в Лондоне в апреле с. г. эту численность назвал — 4258 тысяч человек. В конце 1988 года было принято решение о сокращении наших вооруженных сил в течение 1989—1990 годов на 500 тыс. человек (на 250 тысяч человек сокращение уже осуществлено). На 1 января 1991 года общая численность наших Вооруженных Сил будет составлять 3760 тысяч человек. Возникает, однако, вопрос: много это или мало? Может быть, нужно было сократить более чем на 500 тыс. человек или, наоборот, сокращение на 500 тыс. человек — это недопустимо много? По этому вопросу только ко мне идет множество писем. Видимо, вопрос требует разъяснений.

В середине 1988 года политические и военные руководители нашего государства совместно пришли к выводу, что улучшение международной обстановки, снижение военной напряженности и угрозы войны позволяют сократить наши Вооруженные Силы. Военное руководство получило задание на проработку конкретного количества таких сокращений.

В течение второй половины 1988 года была осуществлена большая исследовательская работа: проведены командно-штабные и штабные учения различных масштабов, расчеты соотношения военных сил на будущее, подвергнут критическому анализу возможный ход переговоров по сокращению вооружений. В этой работе участвовало руководство Министерства обороны, видов вооруженных сил и родов войск, научно-исследовательские институты и военные академии. Необходимые расчеты были проведены в оборонных отраслях промышленности. В результате всей этой большой работы к концу 1988 года и появилась цифра 500 тыс. человек, на которую можно сократить армию и флот. Это сокращение было одобрено руководством нашего государства, а затем утверждено Верховным Советом СССР. Поэтому численность Вооруженных Сил СССР — 3760 тысяч человек на 1 января 1991 года — это результат исследований больших коллективов. Здесь нет места произволу военных, как думают некоторые товарищи. Их действия строго контролируются руководством государства. Любое крупное решение в военной области всегда вырабатывалось коллективно и контролировалось правительством, а сейчас Верховным Советом СССР. Дальнейшее сокращение армии и флота возможно, но лишь в результате переговоров с США и блоком НАТО в целом и только на двухсторонней основе.

Можно, конечно, оспаривать это мнение. Но тогда нужно по-другому оценивать военно-политическую обстановку в мире и провести соответствующие исследования.

Второе. О структуре Вооруженных Сил.

Структура Вооруженных Сил любого государства складывается исторически в зависимости от многих, и особенно военно-политических и геостратегических, условий.

Вооруженные Силы СССР состоят из

пяти видов Вооруженных Сил: ракетных войск, сухопутных войск, войск ПВО, Военно-Воздушных Сил и Военно-Морского Флота. Вооруженные силы США — из трех видов: военно-морского флота, военно-воздушных сил и сухопутных войск. Но не нужно с ходу предъявлять руководству Министерства обороны обвинения в расточительстве и неразумной структуре сил. Давайте разберемся.

По своему геостратегическому положению СССР уникален. Его площадь — 22,4 млн. км ^{2}. Сухопутные границы составляют 20,0 тыс. км, морские — 47 тыс. км. Те, кто сам называет себя нашим вероятным противником — США, блок НАТО в целом,— обладают огромной воздушной мощью. На Западе — страны блока НАТО, на Востоке — США (Аляской и Алеутскими островами) и их союзник Япония своими территориями непосредственно примыкают к территории Советского Союза. Поэтому нам необходима организованная по единому замыслу и соответствующим образом управляемая ПВО страны. США находятся в совершенно других условиях. Их соседи — Канада и Мексика. От нас основная территория США отделена океанами. По существу, их территория фактически защищена от ударов авиации своим географическим положением. Только поэтому мы имеем войска ПВО как отдельный вид Вооруженных Сил. США иметь его просто нет необходимости.

Теперь о ракетных войсках стратегического назначения. Эти войска зародились в 50-х годах. Об их создании как отдельного вида Вооруженных Сил объявил Н. С. Хрущев в 1960 году. Тогда шли споры, иметь их самостоятельными или же включить в состав Военно-Воздушных Сил. Но Н. С. Хрущев намеревался вообще ликвидировать Военно-Воздушные Силы как вид Вооруженных Сил, считая их устаревшими (жизнь доказала — это было большой ошибкой). Задачи, решаемые авиацией в войне, ошибочно полагал возможным возложить на ракетные войска. Поэтому ракетные войска начали развиваться быстрыми темпами, и к середине 60-х годов, когда Н. С. Хрущева уже не стало в руководстве государством, они, как самостоятельный вид, были уже созданы со своими собственными системами управления, материального и технического обеспечения. Средства, и немалые, были затрачены. Подсчеты, проведенные в то время, показали, что менять их структуру было уже нерационально и стоило дороже, чем развивать и совершенствовать существующую структуру. Всем другим требованиям уже существующая тогда структура удовлетворяла.

В настоящее время ракетные войска являются основой наших стратегических ядерных сил и обеспечивают военное равновесие в этих силах с США и безопасность нашей страны.

Есть у Министерства обороны и немалые трудности в оргструктуре, которые зависят от материальных возможностей нашего государства. Для вооруженных сил капиталистических стран всю инфраструктуру создают частные строительные фирмы, услуги которых соответственно оплачиваются. У нас государство это сделать не может. Войска и силы флота дислоцируются по понятным причинам в основном на границах, в удаленных регионах страны, где рабочей силы крайне мало. Поэтому решением правительства у нас созданы военно-строительные части, которые строят для Вооруженных Сил как чисто военные объекты (базы, различные сооружения систем военного управления и материально-технического обеспечения), так и социально-культурные объекты: военные городки для жилья срочнослужащих, дома для жилья офицеров и прапорщиков и все другие объекты соцкультбыта. Мало того. Сотни тысяч военных строителей строят заводы, фабрики, жилье и другие объекты для народного хозяйства, для советских людей.

Министерство обороны делает очень много, старается построить больше квартир офицерам. Но возможности его ограничены фондами на капитальные вложения (цемент, металл, сантехизделия, лес и др.), которые для этого выделяются правительством централизованно. Возможности их выделения ограниченны. Упрекать только руководство Минобороны за то, что оно медленно строит квартиры для офицеров, как это делает журнал «Огонек» (№ 24), несправедливо.

Но есть и недостатки, в которых виновны военные руководители. Действительно, в военно-строительных частях больше всего нарушений воинской дисциплины, «дедовщины». Вот за это правильно предъявляются претензии к Министерству обороны. Офицерский состав над укреплением дисциплины работает много, однако дело движется медленно. Но ведь нужна и помощь. Хотя бы в том, чтобы правильно разобраться в причинах и в существе вопроса, а также правдиво написать об этом. Почему бы это не сделать редактируемому Вами журналу, коль скоро он так остро ставит многие другие проблемы?

Третье. О военном бюджете. Много фантастики написано в журнале «Огонек» о наших военных расходах. Вы, наверное, скажете: раз официальные данные не публиковались, журнал был вынужден публиковать данные хотя бы расчетные. Но не зная существа проблемы, это опасно. На протяжении десятилетий соответствующие организации министерства обороны США систематически и злонамеренно завышали военные расходы Советского Союза. Вот и попался журнал «Огонек» на эти домыслы Пентагона. Прошу Вас прочитать об этом в американском журнале «Интернешнл Секьюрити», в статье профессора Хольцмана «Политика и догадки». И должен Вам заметить, Министерство обороны как раз было больше всего заинтересовано в том, чтобы данные о военных расходах опубликовывать, чтобы народ знал их действительные размеры. Ведь они намного меньше, чем шумели на весь мир американцы, и намного меньше той фантастики, которая публиковалась журналом «Огонек» (№ 19). Данные о военных расходах на 1989 и 1990 годы у нас опубликованы.

Четвертое. Может ли Советский Союз иметь «добровольческую», то есть наемную, армию?

Должен сказать, что никогда раньше такой вопрос у нас в стране не ставился. Всем было очевидно, что защита отечества в наших конкретных условиях — дело всего народа. Так это началось три века назад, при Петре Великом. После Великой Октябрьской социалистической революции в ходе гражданской войны В. И. Ленин методом проб и ошибок (в теории было по-другому) пришел к необходимости для социалистического государства всеобщей воинской обязанности.

Этот принцип принят во всех крупных не только социалистических, но и капиталистических государствах мира (в ФРГ, Франции, Италии, Испании, Турции и др.), кроме США и Великобритании. У них особое положение. США отделены от Европы и Азии океанами. Никакой военной опасности для них на границах нет. Великобритания находится в тылу блока НАТО, ее отделяет от Европы Ла-Манш. Они ясно понимают: внезапная агрессия с суши против них невозможна. Поэтому их устраивает наемная армия. Необходимые резервы на военное время они могут успеть подготовить под прикрытием своих союзников с началом войны.

Почему для Советского Союза «добровольческая», то есть наемная, армия не подходит?

История нашей Родины — Советского Союза — так сложилась, что практически постоянно существует военная опасность. На наших границах и границах наших союзников постоянно развернуты крупные группировки вооруженных сил противостоящих нам военных союзов и государств. Конечно, возникает вопрос, почему обстановка так складывается? Кто же в этом виноват? Оглядываясь назад вновь, мы убеждаемся, что против нашего социалистического государства начиная с 1917 года за рубежом плелись заговоры, готовились и велись войны. Достаточно вспомнить политику Черчилля, Чемберлена и Даладье, Гитлера с его сателлитами, Трумэна и Даллеса. Неоспоримые факты. Все это было. Но было и другое. Были наши ошибочные решения и действия, которые тоже добавляли топлива в костер военной угрозы для мира. Но это другой вопрос, который можно было бы, если есть желание, отдельно обсудить на страницах Вашего журнала. Сегодня важно установить, что угроза военной опасности была. И сегодня, хотя она и уменьшилась, такая реальная военная опасность есть.

Как же должен поступать в этих конкретных реальных условиях Советский Союз? Во-первых, иметь минимально необходимые кадровые Вооруженные Силы в мирное время. Об этом сказано. А во-вторых, иметь в готовности, на случай агрессии против нас, подготовленные мобилизационные резервы и ресурсы. Нужно учитывать, что армия мирного времени в любом государстве всегда в 2,5—3 раза меньше, чем в военное время. Значит, подготовленные резервы нужны нам немалые. А резервы на случай агрессии может готовить только армия, комплектуемая на основе всеобщей воинской обязанности, где систематически меняется личный состав срочной службы. В наемной армии солдат, младший командир служит 10—15 лет без замены. Здесь подготовка военных специалистов в запас невозможна. Вот в чем главная причина, почему в СССР нельзя иметь наемную армию. Военно-политическая и геостратегическая обстановка не позволяет нам пойти по этому пути. Если мы добьемся радикального сокращения вооруженных сил в Европе на взаимной основе с блоком НАТО, оба военных блока реально сократят свои войска, а затем будут по договоренности распущены и блок НАТО, и Варшавский Договор, возникнет совершенно другая военно-политическая ситуация. Тогда может возникнуть и возможность перехода к наемной армии. Но это дело, видимо, не такого уж близкого будущего.

Кроме того, нужно учитывать, что наемная армия стоит гораздо дороже, чем армия, основанная на всеобщей воинской обязанности. Достаточно сказать, что зарплата солдата и младшего командира в наемной армии по крайней мере в 70—80 раз больше, чем у нас сегодня. Кроме того, при переходе на наемную армию из казармы в квартиры нужно будет перевести свыше 1,5 млн. солдат и сержантов, которые имеют свои семьи или создадут их. Нужно будет дополнительно построить эти 1,5 млн. квартир, а также медицинские и торговые учреждения, школы, ясли и детские сады, то есть весь соцкультбыт. Сегодня нашей стране это просто не под силу.

Правда, некоторые молодые ученые решают эту проблему просто: они предлагают в два раза сократить численность Вооруженных Сил СССР и, получив экономию в деньгах, одним махом решить все проблемы. Но тогда пусть они добьются от США и блока НАТО сокращения и их вооруженных сил на 50% и снятия военной угрозы для нашей страны и союзников.

Государственное и военное руководство не может исходить из таких смелых, но фантастических проектов. Они исходят из реальной военно-политической обстановки в мире, из реальных действий США и блока НАТО.

Поэтому решение, принятое сегодня: сократить Вооруженные Силы СССР на 500 тысяч человек, иметь их к 1 января 1991 г. в составе 3760 тыс. человек, а дальше действовать в зависимости от хода переговоров по сокращению вооруженных сил с США и блоком НАТО в Европе — это реалистичное, серьезное и ответственное решение. Может быть, и здесь у Вас есть возражения? Давайте тогда их рассмотрим.

Пятое. С момента рождения Красной Армии и Военно-Морского Флота в них постановлением ЦК РКП(б) по инициативе В. И. Ленина были введены политические органы для руководства партийной работой. Сегодня они обеспечивают проведение в жизнь политической линии КПСС в Вооруженных Силах, сплачивают их личный состав вокруг партии, воспитывают воинов в духе преданности социалистической Родине, содействуют упрочению единства армии и народа. Почему журналом «Огонек» одобряется линия на ликвидацию политических органов? Ведь вне политики армии не может быть. Но кто, кроме КПСС, может серьезно заниматься политическим воспитанием личного состава армии и флота? Разъясните, пожалуйста.

Я не согласен с утверждением журнала (№ 25): «Армия окутана дымовой завесой секретности. Похоже, это удобная ширма закрыть от посторонних глаз недостатки и хвори наших Вооруженных Сил». Считаю это утверждение бездоказательным.

Шестое. Еще об одном, что имеет прямое отношение к армии и флоту,— об отношении к нашему прошлому. Вооруженные Силы — детище народа и государства и одновременно их защитник. Наша история начиная с октября 1917 года в оценке журнала «Огонек» представляется нередко крайне

тенденциозно, в беспросветно черном цвете. Ясно чертится схема — наш социализм, не имеющий положительного прошлого, а именно таким Вы его изображаете, не имеет права в Советском Союзе на настоящее и будущее. С 20-х годов, по Вашей оценке, у нас ничего, кроме сталинизма и застоя, не было.

Я с этим не согласен. В 20—30-е годы действительно имели место крупные деформации вновь строящегося общества, разгул репрессий, организованный и осуществляемый Сталиным и его приспешниками. Народ был обманут, имело место злоупотребление его доверием. Но социализм, несмотря на это, строился. Создавалась экономическая база нового общества. Люди шли на огромные лишения и самоограничения ради лучшего будущего. Воспитывалось новое поколение советских людей — бескорыстных и преданных делу социализма. И оно выросло. Чем объяснить нашу победу в Великой Отечественной войне (Вы о ней неохотно вспоминаете в журнале «Огонек»)? За что дрались и погибали в войне с фашистами, трудились, не считаясь ни с какими жертвами, советские люди? За Родину и социализм. Вы пытаетесь изобразить нас — поколение, выросшее в 20—30-е годы,— серой, безликой и покорной произволу массой. Но это неправда. Серый и покорный человек не дерется так, как мы дрались под Ленинградом и Сталинградом (знаю это не из журналов, мне пришлось там воевать). Мой год рождения — 1923-й. Так вот: из десяти ребят этого года рождения восемь сложили головы на войне. Серый и покорный не может самозабвенно и неистово восстанавливать свою страну так, как это делали мы после Великой Победы. Вы стремитесь представить наше поколение совсем другим, чем оно было на самом деле. Я добиваюсь, чтобы наши дети и внуки знали нас не такими, как Вы пытаетесь нас изобразить, а такими, какими мы были на самом деле.

Народу нужна вся правда. Наряду с тем, что мы, как положено, послужили советским людям, мы наделали и немало ошибок. Несвоевременный переход в управлении экономикой от командно-административных методов к экономическим — это наша ошибка и наша вина. За отставание в развитии политической системы и национальных отношений отвечаем мы, коммунисты того и более старшего поколений. Поворот во внешней политике можно было начинать в середине 70-х, когда мы достигли военного равновесия с блоком НАТО, а не в середине 80-х годов. Это наше упущение. Все это привело к большим потерям для советского народа. Народ должен видеть, где мы его доверие оправдали, а где нет. КПСС не боится этого. Она сама выложила эту правду перед народом и стремится исправить ошибки, идти вперед.

Но Вы-то поступаете не так. По моему мнению, Вы пытаетесь вольно или невольно опрокинуть все, что было сделано нами, и представить всю эпоху от 20-х до 80-х годов лишь в темных тонах.

И еще одно. Получилось так, что журнал «Огонек» девальвирует ценности, которые были нерушимы веками для русской армии и которые были унаследованы Советскими Вооруженными Силами. Хочу сказать молодому читателю: я человек пожилой; некоторые понятия, о которых я поведу спор ниже, молодым могут показаться, к сожалению, в какой-то мере громкими словами. Но для меня они никогда такими не были, они имели для меня конкретное и непреходящее значение. Что это за ценности? Это любовь к Родине, преданность своему знамени, мужество, честь, достоинство. Не все покупается и продается за конвертируемый и неконвертируемый чистоган. Есть ценности, которые честным человеком и патриотом не оцениваются только количеством рублей и долларов. Почему эту тему обходит Ваш журнал? По-моему, только потому, что она не укладывается в те ценности, которые Вы стремитесь привить нашему обществу. Здесь мы с Вами расходимся капитально.

Не могу опустить проблему, на которой Вы уже не раз останавливались в журнале «Огонек»,— возможность совершения в Советском Союзе военного переворота. Журнал (№ 31) спокойно рассуждает о военном перевороте, то есть о выступлении войск под командованием военных руководителей против существующей в нашем обществе социалистической системы с целью ее свержения. Военный переворот может пониматься только так — свержение существующего строя.

Так вот, утверждение о возможности военного переворота в Советском Союзе — злонамеренная, заведомая неправда, распространяемая с целью дискредитации Вооруженных Сил СССР, с целью поссорить армию и советский народ. Военный переворот в Советском Союзе невозможен. В СССР нет таких военных руководителей, которые бы пошли на это, и нет таких военных сил, которые можно было бы использовать для переворота.

1. Высший командный состав армии и флота (руководство Министерства обороны, главнокомандующие, командующие войсками военных округов, групп войск, флотов, армии, соответствующие работники штабов и политорганов) — это люди, прослужившие в Вооруженных Силах 30—50 лет. Министр обороны и большинство его заместителей — участники Великой Отечественной войны. Все эти люди в течение многих десятилетий являются коммунистами. Преданность социалистическому Отечеству, уважение социалистического строя, присяга Родине, советскому знамени для них являются смыслом жизни. Авторитет верховных органов власти нашей Родины для этих людей непререкаем. Утверждать, что эти люди могут возглавить военный переворот, — заведомая неправда. Такие действия противоречат всему их прошлому и настоящему. Эти люди выступают за перестройку и работают на нее.

Генералы, адмиралы и офицеры армии и флота воспитаны как убежденные коммунисты. Огромное большинство этих людей сознательно выполняет свой воинский и партийный долг. Для защиты Родины они готовы пролить свою кровь, если потребуется — отдать жизнь. Понятия «долг», «честь», «преданность Родине», государственной власти у них в уме и в сердце. Они умеют командовать подчиненными соединениями, частями и подразделениями, убеждать, мобилизовывать и организовывать личный состав на защиту социализма и государственных интересов страны.

2. Наши солдаты и сержанты — это сознательные граждане своего Отечества. Разумеется, иногда прямо противоположные взгляды, свойственные нашему обществу сегодня, свойственны и военнослужащим. Но, во-первых, большинство нашего общества — за социализм. Во-вторых, весь уклад армейской службы воспитывает из воина и духовно, и физически защитника социалистического Отечества. Военнослужащий не просто защитник, он убежденный и сознательный защитник социалистической Родины. Использовать его в каких-либо антинародных, антисоциалистических целях не удастся никому.

3. За всю историю нашего общества армия и флот в антисоциалистических действиях никогда не участвовали. Но еще в 1930—1934 годах были репрессированы многие командиры-специалисты, служившие ранее в царской армии. В 1937 году Сталин обвинил группу высших военных руководителей Красной Армии: Тухачевского, Гамарника, Якира, Уборевича, Примакова, Корка, Путну и некоторых других — в подготовке военно-фашистского переворота. Но это была клевета. Все эти военные были преданы своему народу. Тем не менее они были уничтожены. В силу

Окончание на стр. 30.

ЗАБЫТАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ,

ИЛИ ЧТО ЖЕ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПРОИЗОШЛО НА КАНЧЕНДЖАНГЕ

Василий СЕНАТОРОВ

На языке цифр итоги Второй советской гималайской экспедиции выглядят так: 27 советских альпинистов, в том числе два тренера и три высотных кинооператора, совершили за период с 9 апреля по 3 мая в общей сложности 84 человековосхождения на четыре вершины массива Канченджанги. Десять спортсменов прошли при этом полный траверс горы. То есть, стартовав с крайней вершины, преодолели последовательно остальные три, нигде не опускаясь ниже седловины, соединяющей пики между собой. И траверс Канченджанги, и такое массовое восхождение на «высокий восьмитысячник» — так в альпинизме классифицируют гору, превышающую 8,5 километра,— совершены впервые в истории.

За 90 лет, прошедших с первой экспедиции на Канченджангу, здесь побывала 71 альпинистская компания. Только 34 из них могут похвастать тем, что хоть один восходитель побывал хотя бы на одной вершине. В альпинистской практике такую экспедицию считают успешной.

Не знаю, что это — то ли врожденная скромность русского человека, то ли укоренившееся при социализме хроническое недоверие к людям,— но есть в нашем национальном характере некая робость собственных достижений. Особенно присуща эта черта людям интеллигентным и совестливым. Словно боимся мы упреков в подлоге или обмане, если выставляем на суд общественности нечто, созданное вдали от любопытствующих взглядов. Так, не смея поверить в собственную удачу, мы вдруг начали сомневаться: «А вдруг кто-то скажет: чего радуетесь, гора-то ерундовая».

Сэр Джон Хант, руководитель триумфального восхождения на Эверест 1953 года, так оценивал Канченджангу: «Трудности, с которыми столкнутся альпинисты на этой горе, на порядок выше тех, что были на Эвересте». Канченджанга стала своеобразным «моментом истины» и для величайшего альпиниста нашего времени итальянца Рейнхольда Месснера, первого человека, покорившего все 14 восьмитысячников. Готовясь к восхождению на нее в 1982 году, он загадал: если удастся «сделать» эту гору, то ему сдадутся и остальные. Месснер победил. Не ко всем, однако, Канченджанга была так снисходительна. 26 трупов лежат на ее склонах. Мрачную окраску имеет даже название базового лагеря — «Могила Паша», в память о погибшем в 1905 году лейтенанте швейцарской армии. В кулуарах, ведущих к перемычкам между вершинами, ветер до сих пор треплет обрывки палаток предыдущих экспедиций. Занесенные снегом, вмерзшие в лед, они хранят молчание о трагедиях, разыгравшихся под их тряпичными сводами. Последняя случилась здесь в прошлом году в индийской команде. Единственный из ее участников, сумевший подняться до отметки 8300 метров, скончался от истощения на спуске.

Успех советской сборной объясняется скорее тем, что экспедиция была составлена из альпинистов суперкласса. Напомню, это была всего лишь вторая за всю историю советская вылазка в Гималаи. Желание участвовать в ней было колоссально.

Отбор в команду шел два года. Попасть в заветный список из 29 человек было сложнее, нежели верблюду проскочить в игольное ушко.

Костяк ее составили «гималайцы первого призыва» — то есть те, кто был в 1982 году на Эвересте. Так, в числе восходителей оказались Владимир Балыбердин, Сергей Бершов, Казбек Валиев, Михаил Туркевич и Валерий Хрищатый. Еще четверо перешли из «играющего» состава в тренерский. Возглавил экспедицию Эдуард Мысловский, его помощником по хозяйству стал Николай Черный, Валентин Иванов был назначен старшим тренером, а его ассистентом — Сергей Ефимов. Владимир Воскобойников вновь взял на себя функции «специалиста по питанию», иначе говоря шеф-повара, а Леонид Трощиненко стал высотным кинооператором.

Остальные были, что называется, «новичками в Гималаях», хотя отнюдь не начинающими альпинистами. Широка была и география команды: Украина, Москва, Ленинград и многие другие города Российской Федерации. Особенно многочисленная группа пришла в сборную из Алма-Аты.

* * *

На сегодня в альпинизме существуют две тактики. Одна родилась в Европе и носит название «альпийский стиль». Суть ее в том, чтобы штурмовать вершину из базового лагеря, не делая дополнительных ходок для установки вспомогательных лагерей. Другая — результат приспособления к высоким го-

рам и носит название «осадной», или «гималайской». Суть в том, чтобы возвести на горе цепь промежуточных высотных лагерей и совершить само восхождение из последнего — штурмового.

Эта тактика и была положена в основу плана советской экспедиции. Девять промежуточных лагерей на высотах от 6250 до 8250 м были установлены ребятами, более полутонны груза — баллонов с кислородом, палаток, веревок, крючьев, спальных мешков, еды, бензина, примусов, медикаментов — вынесли они наверх. Высокогорные носильщики, скажу сразу, оказались слабыми помощниками команде. И акклиматизировались медленнее, и болели часто, и носили помалу.

Чем выше поднимались «строительные леса» на Канченджанге, тем дольше продолжался очередной выход, тем сильнее худели и чернели ребята. А иногда, не дойдя после большой работы до базового лагеря, подбирали груз, брошенный на полпути носильщиками, и, чертыхаясь, опять тащили его наверх. При этом каждый понимал, что любой дополнительный шаг на таких высотах, словно капелька, точит даже каменное здоровье и уменьшает шансы на то, чтобы попасть в группу траверсантов. По плану оргкомитета экспедиции его предназначалось пройти группе из шести человек.

Реальнее всех этот шанс «сделать гору» группе москвичей. Они обрабатывали центральный из трех маршрутов, расходившихся веером из высотного базового лагеря. Путь шел по крутому снежному кулуару — желобу между скальными выходами. Бесшумные на снегу, а оттого вдвойне опасные, сверху время от времени летели камни. Все четверо: Василий Елагин, Евгений Клинецкий, Владимир Коротеев и Александр Шейнов — впервые в жизни были на восьмикилометровой высоте. Двое — Елагин и Коротеев — шли с кислородом, Женя и Шура решили попробовать без. Разница оказалась значительной — работать наравне с первой двойкой им было не под силу. А необходимо было тащить вверх груз и установить на высоте 8200 штурмовой лагерь. Поэтому на второй день маски надели все.

8 апреля во второй половине дня они начали рубить во льду на 40-градусном склоне площадку под палатку. Полтора часа изматывающего битья ледорубами — и некое подобие ровной площадки готово. Растянув на ледорубах двойной сводчатый «ангар», завалились внутрь и начали топить снег. От абсолютной почти сухости воздуха на высоте организм с дыханием теряет массу влаги. Для полной компенсации потерь в день необходимо выпивать 5—6 литров. Но хорошо, когда удается приготовить по 1,5—2 литра на человека.

Проснулись в скрюченных позах уже в половине шестого и начали сборы. На время сборов отключили кислород, чтобы не запутаться в трубках от баллонов. Сразу дала знать гипоксия — время от времени теряли сознание на долю секунды. Включившись в работу, преодолев апатию, начинаешь забывать о своем состоянии, и тогда приходят силы. Только делается все мучительно медленно: до получаса уходит, например, на то, чтобы обуться.

Погода была благосклонна к альпинистам. Это значит, что ветер не сбивал с ног, как накануне. Взяв по баллону кислорода и еще один, запасной, только в 10.30 утра четверка смогла выступить из палатки в сторону перемычки.

Мы увидели их в подзорную трубу из базового лагеря только без пяти час — красные и синие точки ползли по сужающемуся кулуару среди разрушенных серых скал. Ровно в час — штатное время связки — в эфир вышел Шура Шейнов. Елагин, безнадежно терявший голос последние дни, очевидно, не мог больше говорить.

Они взошли. Они стали первыми советскими альпинистами, покорившими Главную Канченджангу.

Успех москвичей словно катализировал продвижение наверх на других участках. В следующий выход все задались целью, сделав необходимую работу, подняться на вершину.

И началось... 15 апреля группа под руководством Сергея Бершова штурмовала по гребню Южную вершину — самую, пожалуй, коварную из всех четырех. Харьковчане Сергей Бершов и Виктор Пастух, Михаил Туркевич из Донецка и алмаатинец Ринат Хайбуллин проложили новый маршрут на Южную вершину Канченджанги. Два дня спустя сюда же по их следам взойдет группа из Российской Федерации: свердловчанин Евгений Виноградский, Владимир Каратаев из Дивногорска, ленинградец Михаил Можаев и Александр Погорелов из Ростова-на-Дону.

В тот же день, 15 апреля, рация, не выключавшаяся в базовом лагере ни на секунду, принесла весть еще об одной победе. Алмаатинцы Валерий Хрищатый, Анатолий Букреев и ленинградцы Владимир Балыбердин и Сергей Арсентьев совершили однодневное восхождение из высотного базового лагеря на Среднюю вершину. Тринадцать часов с 4.30 утра до 5.30 пополудни топтали они бесконечную вереницу следов по плотному фирну центрального кулуара. Шли не налегке — делали заброску кислородных баллонов в лагерь. Само по себе заметное достижение. Вдвойне замечательное тем, что все они были без кислородных аппаратов.

Не успели мы в базовом лагере переварить эту информацию, как на следующий день поступила новая. Восемь человек взошли на Главную вершину по классическому маршруту: алма-атинская пятерка в составе: руководитель Казбек Валиев, Виктор Делий, Григорий Луняков, Владимир Сувига и Зинур Халитов и трое высотных кинооператоров: ленинградцы Александр Глушковский и Леонид Трощиненко, алмаатинец Юрий Моисеев. И здесь все представители Казахстана, за исключением неважно чувствовавшего себя капитана команды Валиева, поднялись без кислорода.

А затем был траверс. И прошли его две группы по пять человек. Одна — с запада на юг, другая в противоположном направлении. Заметьте, десять человек вместо шести по плану. Хотя пройти его был в состоянии любой из этих 22 ребят. И каждый спал и видел себя в заветном списке...

* * *

Живет вот уже более 20 лет в Катманду англичанка Элизабет Хоулей. Очки, строгое неброское платье — в Западной Европе она вряд ли заставила бы обращать на себя внимание. Иное дело в Катманду, где большинство европейцев ходят либо в подчеркнуто спортивной одежде, либо в ярких тряпочках эпохи хиппи. Эту деловую леди в альпинистском мире знают все и почтительно называют мисс Хоулей «ходячей энциклопедией Гималаев». Она собирает и хранит данные о всех экспедициях, случавшихся в местных горах. Член редколлегии ведущих альпийских журналов мира, она ежегодно подводит в своих статьях итоги минувших сезонов. Не щедрая обычно на похвалы, она оценила содеянное на Канченджанге так: «Очень большое дело. Это задает новые масштабы гималайских восхождений». Затем подумала и добавила: «Но главное, что все прошло на редкость безопасно. Ни одной травмы, ни одного отморожения при таких размахах — это небывалое дело».

С начала этого года в Непале погибли уже восемь альпинистов. В прошлом году, особенно неудачном, смертей было 24. Вернувшись в Катманду, мы встретили в министерстве туризма югославов. Они взошли на Эверест, но потеряли при этом одного товарища. Восхождение на третий полюс мира — всегда победа. Чего больше принесла она этим ребятам из Македонии: радости или горя? Ответа на вопрос они не знают, наверное, сами. А буквально через несколько дней случилась еще одна трагедия. Лавина на западном ребре Эвереста, разделяющем непальскую и китайскую территории, погребла четырех польских восходителей.

Да, так уж сложилось, что альпинизм ассоциируется в массовом сознании с трудностями, опасностями, несчастными случаями. У некоторых авторов, пишущих на эту тему, выработалась даже своеобразная поэтика смерти. Сами-то альпинисты вспоминают погибших товарищей спокойно и с достоинством, не педалируя чувств. Иначе — околоальпинистская публика. В таких компаниях любят мусолить горькие вести. Красивые, технически грамотные восхождения здесь никого не интересуют — ведь чтобы оценить их по достоинству, надо разбираться в предмете. И, к сожалению, недалеко ушли от них в степени понимания и журналисты.

— Неужели ты не понимаешь,— заявил мне в Москве один репортер,— что о вас так мало говорили потому, что не было в экспедиции надрыва: никто не поломался, ничего не отморозил, никого не пришлось спасать.

Мой коллега был разочарован. Я же этому рад. Как участник экспедиции, как товарищ мужественных и смелых людей из сборной СССР. Разговор, кстати, заставил меня задуматься о причудливости виражей нашего сознания. Страшно, что сегодня в стране мало кого интересует повесть, а любимым жанром оказалась драма. В фокусе внимания — катастрофы и аварии, преступления и наказания. Вряд ли можно считать это нормальным.

В базовом лагере мы жадно следили за тем, что происходит в стране. Авария на подводной лодке, разгон демонстрации в Тбилиси... Новости просто били по голове. И мы понимали, что крупинки информации об экспедиции обречены на то, чтобы утонуть в бурном море подобных событий. Это задевало.

Да, быстро мы ко всему привыкаем. Обыденным становится то, что еще вчера казалось невозможным. Несколько поколений советских альпинистов мечтало о Гималаях. Затем был 1982 год — советские люди впервые ступили на главную вершину планеты. Страна следила за эпопеей затаив дыхание. Тем более что дома царили тишь да гладь да божья благодать. Правда, шла необъявленная война в Афганистане. Расцветали протекционизм и коррупция, а в пиджаке дряхлеющего правителя вертели очередную дырочку под Звезду Героя. Прилавки пустели, а газеты либо молчали, либо пели о «рекордных» урожаях.

Прошло семь лет. Ясные, хотя и ложные ориентиры сменились настоящими, но расплывчатыми. О чем говорим? — колбаса, Карабах, закрытые пляжи. Безусловно, все это нужно, без этого не обойтись. Но отчего все чаще посещает мысль, что наши дети растут с сознанием крайней неблагополучности окружающего мира?

Мой сын до того, как я побывал в экспедиции, был твердо убежден, что все приключения закончились в эпоху капитана Гранта. Своими рассказами, слайдами я несколько поколебал эту горькую уверенность. Но мне хочется верить, что, повзрослев, он сможет сам выбирать, где провести свой отпуск: на ялтинском пляже или в походе по Танзании. Необходимо, чтобы у каждого в жизни была возможность совершить свое путешествие.

В Катманду мы встречали немало студентов из США и Западной Европы, отправляющихся на все лето побродить по свету. Полученные от зимних подработок деньги они тратят на то, чтобы посмотреть Таиланд, Мадагаскар или Перу. Непал с его сверкающими вершинами является, как правило, обязательной частью программы знакомства с планетой. Чем хуже наши дети?

Экспедиция на Канченджангу расширила тропку, проложенную в Гималаи в 1982 году. Ей нельзя дать зарасти. Шесть восхождений в Непале заявили на 1990—1991 годы клубы, представленные в команде. Основной вопрос теперь — где взять деньги. Именно с его решения начинается организация любой экспедиции на Западе. Спонсоры, реклама отдельных товаров на экзотическом фоне, публикация книг и статей после восхождения, прокат кинофильмов — вот источники финансирования. В нашем случае все было по-другому.

Есть в системе Госкомспорта СССР, вернее его внешнеторгового объединения «Совинтерспорт», фирма «Совальптур», которая занимается приемом иностранных альпинистов в советских горах. Желающие взойти на тянь-шаньские или памирские семитысячники, покорить кавказские пики тратят деньги в валюте, и немалые. Инструктора, советские альпинисты, получают рубли, и небольшие, несмотря на рисковую работу.

Валютные альплагеря были созданы в 1973 году с целью заработать на планируемую экспедицию в Гималаи. И казалось вроде само собой разумеющимся, что часть зарабатываемых долларов будет и впредь тратиться на альпинистские экспедиции.

Но не тут-то было. Постоянный и надежный источник валюты, каким стали международные альплагеря, очень выгоден Госкомспорту для субсидирования других, не дающих доходов видов спорта. И хотя только за сезон 1987/88 год коммерческий прием принес миллионы инвалютных рублей, за полгода до выезда оказалось, что денег на нашу экспедицию в кассе нет. Все якобы съела Олимпиада. После нескольких месяцев нервного ожидания и борьбы деньги наконец нашлись. Но только на спортивную часть экспедиции. Дать деньги на киносъемочную группу Госкомспорт отказывался. Альпинисты, как известно, делают свое дело не под взором переполненных трибун и не в свете прожекторов. Только фильм мог стать правдивым и полным повествованием о том, что будет происходить в Канченджанге.

Тут и появился ленинградский кооператив «Палитра», вложивший в съемочную группу «Леннаучфильма» 120 тысяч долларов. Почти столько же, сколько отпустил Госкомспорт на всю экспедицию.

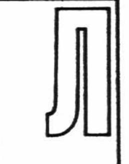
Можно по-разному относиться к кооперативам и методам их работы. Только поверхностным знанием авторского права и отсутствием практического опыта в работе с прессой можно объяснить неумелое поведение «Палитры» по отношению к центральной печати, о чем написала «Литературная газета». Но факт и то, что кооператив делает больше для пропаганды альпинизма, чем все управление пропаганды Госкомспорта СССР. Отснят фильм. В подготовке книги и альбомы об экспедиции. Кооператив не благотворительная организация и, естественно, желает получить назад хоть часть вложенных денег. Но, очевидно, такая постановка дела — правильная в период перестройки и экономической реформы.

Во всяком случае, большинство клубных команд, готовящихся организовать выезды в Гималаи в 1990—1991 годах, ищут спонсоров — кооперативы, советские и совместные предприятия, заинтересованные в рекламе своей продукции,— сами, не полагаясь особо на милость спортивных ведомств. И это тоже, наверное, правильно. В этом случае тренерам не нужно будет, очевидно, с трепетом в голосе запрашивать с горы руководство в центре разрешить идти траверс десяти человекам вместо шести. Только самостоятельность и свобода смогут дать новые рекорды. И в этом смысле альпинизм мало отличается от любого другого вида деятельности в стране.

Фото автора и Василия ЕЛАГИНА.

КАЖДЫЙ СВОЕ ПРОЗРЕНИЕ ПЕРЕЖИВАЕТ ОСОБО

Нина ЧУГУНОВА
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Литовцу ясно, что АЖУОЛАС не псевдоним, а всего лишь более точное, более литовское написание.

Озолас худеет на глазах.

Так говорят мне литовцы в дни литовской сессии.

В один из этих дней депутат от «Саюдиса» Озолас своим выступлением сорвал принятие решения о референдуме.

— И потом еще очень долго объяснялся перед телекамерой!

Он слишком учен. Так говорят мне. Это не нравится. Люди вынуждены прилагать усилия, чтобы привыкнуть к Озоласу и начать его понимать. Вот Ландсбергис!..

Ландсбергис, выходя к толпе, расцветает. Толпа купается в потоке его ясной речи, и эта совершенная речь разом обнимает литовскую душу, и он дышит, как дышат все.

Для Озоласа митинг представляет непонятное препятствие, причину тайного недовольства, короткого удушья, мгновенного горлового спазма. И он не любит говорить на митингах. Но соглашается — митинги были необходимы.

Святее Литвы нет ничего для Озоласа.

(Достает из жилетного кармашка часы на цепочке и щелкает крышкой.)

В тот день мы говорили о различиях времен, как вдруг он перебил себя и рассказал, как вступал в партию, не быв ни пионером в положенные годы, ни комсомольцем. Его спрашивают: сколько у отца было земли? Он не знает. Ему не верят. Он идет звонить в городок под Шяуляем. Возвращается к партийной комиссии уже не только лгун, но и бывший землевладелец. Он внутренне удивляется, что земли было так много. Это происходит в семьдесят третьем году, то есть не слишком давно, чтобы забыть настойчивость, с которой его расспрашивали о досоветской земле.

В самый первый день в залитой солнцем большой комнате с распахнутой балконной дверью на третьем этаже ветхого «дворца «Саюдиса», как было написано в одной газете, он говорит, блеснув очками:

— Ладно! Что ж! Я, пожалуй, смог бы рассказать вам некую ба-наль-ную историю, как некто серый, некто безвестный шел тем же путем, что и Литва, отбрасывающая сейчас с болью, с кровью, с ожесточением... все, что на нее свалилось. Может быть, в банальности моей истории можно наилучше Литву постигшее увидеть. Феномен чистоты, того, что может представлять литовское,— вот поиск чего идет сегодня с ожесточением, а чем это закончится, во что выльется и не надо ли будет, не придется ли... ну, скажем так: взрывать сердце? Одно вижу: линия духа и по-ни-ма-ния, понимания как деятельности духа, побеждает теперь, и я этому тихо радуюсь.

Вот вам образчик размышлений вслух, совсем не сложный.

В ситуации, которую нет нужды описывать, он говорит:

— А ведь я сам из тех, кто стреляет.

Он уверен, что выразился предельно точно, а главное — ясно.

— Ладно! — говорит он, как бы решаясь.— Чтобы показать трагичность нашей повседневности, может быть, как раз надо брать банальную судьбу, и в этом смысле все довольно «удачно», поскольку я не сидел, не воевал в лесу, не был в ссылке или в изгнании, не находился в высших эшелонах власти,— но никогда не был и со всеми совсем.

— Попробуйте показать,— загорается он,— как трудно быть вообще. Ведь человек куда менее свободен, чем он о себе думает. Только вот одно... Я должен вас предупредить...

И он говорит, что он латыш. Литовец с латышской фамилией, которая по-литовски звучала бы так: Ажуолас.

АЖУОЛАС (фрагменты)

Прапрадед был зубовским крепостным и был проигран в карты кем-то из Зубовых, а кому проигран, неизвестно, как неизвестно и то, было ли это на самом деле.

Зубовы, как вы, может, знаете, имели в Литве много поместий, и все они являли собой образец рациональности. Славились просветительной деятельностью.

Он очень хорошо помнит старинный барский дом неподалеку от дедовой усадьбы, прекрасно сложенный, прекрасно сохранившийся. Амбары были каменные. Когда на землю стала наступать мелиорация, уничтожая на своем пути все, мешающее ей, вкупе с иллюзиями насчет того, что потом можно будет что-то исправить, барский дом был разрушен, разметан.

Он успел лишь сфотографировать его. Это было лет десять назад.

Дед воевал в первую мировую, попал в плен, после оказался в Америке. Он был огромный, крепкий, красивый латыш Литвы силы невиданной. В Америке он угробил здоровье на шахте, но заработал деньги на землю. Вот откуда взялась земля, и вот какая ей была плата. Та же плата была, как видно, и за возвращение на родину. Дед умер рано от шахтерской чахотки, успев к купленной земле прикупить еще и леса уже из сыном заработанных денег.

Земля была, как всюду здесь, не особенная. Под плодородным тонким слоем шел камень, известняк. Дед приканчивал себя, корчуя лес и выволакивая камни.

Озолас родился на этом пейзаже. Сын флегматика, временами меланхолика, и властной, энергичной

литовки, типичной холерички, барышни из пролетарской семьи, где было восемь человек детей и которая не могла, выйдя замуж за выпускника ветеринарной школы, ужиться со свекровью, потому что не в силах была переносить скупость как уклад жизни по одной причине: она угадывала в скупости смиренное ожидание голода.

Всем своим детям, их было четверо, она рассказала о голоде, пережитом ею в юности. Она боролась с детской цепкой памятью о желудочных спазмах.

Он, стало быть, родился на границе характеров и миров: как раз посередине между родиной отца и родиной матери, хоть и в одном краю Литвы, и на границе времен: в январе тридцать девятого года.

Он и сейчас видит, как в их городок входят немцы. Мать никогда не верила в то, что полуторагодовалый мальчик мог запомнить мотоциклистов, плавно въезжающих в городок; в нем дома, как это водилось в Литве, стояли впритык с мостовой.

Страха, разумеется, не было. Потом так: они, дети, смотрят на русскую танкетку, боком свалившуюся в ров.

Потом стреляли. Кто стрелял?.. Это как ненастоящее.

Настоящее и то, что оставалось всегда, что и сделало городок подернутым золотой пылью (уточняя качества этого света, он десятилетия спустя все же остановился на лунном свете, лунном, но теплом, так что слово «золотой» не его, как и «пыль»), настоящим были: луга, парк и костел; луга, парк и кладбище за парком; а дальше луга, где зимой катались на коньках и где была устраиваема карусель, санки летели веером под девичьи крики, а он стоял, вцепившись в руку старшего, маленький румяный завистник, пока не допущенный в этот круг, принадлежавший ему по праву рождения, настоящие обиды были впереди, как и страх. Девичьи крики и краски катка под сумеречничающим небом не потускнели потом.

Небо над кладбищем вело ввысь и имело цвет необычной голубизны. Этот город был точным маленьким повторением Литвы времен независимости, его личной собственностью, его собственным раритетным вариантом.

Летом у дома остановилась телега с «будой» наверху. Под телегу лег человек и остался недвижим.

сало. Ах, какая то была красота, он застыл на кухне. Мать ходила к реке, ломала кусты малины и варила эти ветки. Однажды отцу подарили, за работу что ли, живую утку. Мать сказала, что утка худа и ее надо подкормить. Натолкали в утку корм, раскрыв клюв, чтобы поскорее стала жирной. К утру утка сдохла.

А в самый первый день, когда с телегой только въехали в эту усадьбу, два сына хозяина немедленно пустили в него стрелы из своих луков. Семилетний, он услышал, что стрела чокнула у виска. То была демонстрация мастерства и власти, но даже это не убило ощущения того, что «здесь хорошо». Гуси ходили по двору. Трава была зелена. Что-то пеклось на плите там, внутри. На лугах жил старый русский солдат. Он кем-то был приставлен присматривать за тремя кобылами, их холки были изъедены лишаями, из ран сочилась жидкость. Солдат варил чай посреди поля и звал мальчишек, приманивая их сахаром. Когда мальчишки брали сахар, он радовался.

На поляне, обсаженной срубленными березками, происходили танцы. Их, как колья, втыкали по краям поляны. Поодаль расхаживали парни, руки в карманах, важные молодцы, красавцы.

НЕПОДАЛЕКУ НАХОДИЛАСЬ ВОИНСКАЯ ЧАСТЬ

«Неподалеку находилась воинская часть. Однажды видим, что к нашему хозяину пришли два солдата и требуют самогон. Он самогон варил, но в тот раз солдатам отказал. Они подняли шум. Пришли те парни. Солдаты убежали. Но парни одного настигли во дворе и избили палками, и он уполз к себе в отделение... как вдруг видим, с той стороны идут, нет, бегут солдат тридцать, с винтовками. Нас, детей, засунули за печку. Кажется, хозяин выставил за дверь весь самогон, а мы, открыв окно, кричали нелюдскими голосами в сторону других дворов, так что резни не было, до выстрелов дело не дошло. Но, возможно, с этого все началось».

Годы спустя его стало мучить желание указать совершенно точную дату и событие, когда — он хорошо помнил ощущение — не стало вдруг дней лета и куда-то ушли из жизни самонадеянные парни: они теперь стояли кучкой, курили, молчали.

Он увидел и побежал домой, крича: там неживой человек. Два здоровенных соседа посмеялись, заглядывая под телегу. Ужас, который он испытал, наблюдая, как человека заталкивают в клетку и заколачивают большими гвоздями, а лошадь пускают в дорогу, был единственным и главным ужасом детства, и он потом повторялся на протяжении жизни, никогда не превращаясь в страх за свою жизнь или безопасность, или даже честь. Объяснения матери о насмерть пьяном он отверг, мечась по дому. Это был, как он теперь понимает, ужас перед абсурдом. Перед бессмыслицей, которая всегда тяготеет к надругательству как высшей форме всего безобразного.

В другой раз загорелся дом, и это настолько не вязалось с добротой того, что горит, что он отказался воспринимать очевидное.

Жизнь рухнула в сорок девятом году. Свет с «той стороны» угас. Итак, в том городке жили до сорок четвертого года, прислушиваясь к востоку, откуда шел фронт. Мебель прятали подальше от дома, чтобы не сгорела, когда начнут гореть дома. Потом уехали, пожили в усадьбе деда, пока над всеми не прошел фронт. А дом в городе, как оказалось, сгорел.

У отца никогда не было оружия, и в этом смысле он беспомощное существо. Даже и сейчас, когда он приезжает к нему в гости и начинает приводить в порядок усадьбу, вырубать сорняки, отец разводит руками: вот ведь, а была такая красота...

Фронт прошел. Отец подыскал работу под Шяуляем. Переехали, обосновались в доме одного хозяина. Год жили страшно. Голодали.

Однажды он шел через кухню хозяев и увидел, что те едят сало. В общем, никогда потом он не мог есть

КОГДА ВСЕ ВДРУГ КАК-ТО ОПУСТИЛИ ГЛАЗА

Тех старых лошадей, которых отец лечил-лечил, намазывая им на загривки мазь против плешин, пристрелили. Кто, не знаю. Стреляли в лоб, чтоб пуля вышла горлом.

К хозяину приезжал заведующий и всех записал в колхоз.

Начались депортации, они с матерью тоже скрылись на всякий случай. Семья брата хозяина тоже бежала, но дала знак, что не вернется. Полгода спустя они согласились переселиться на пустующую усадьбу. Отец долгие годы старался ничего не менять. Потом устал. Сейчас хозяева объявились, и старики Озоласы должны уходить. Куда?..

Школа. Их согнали в один класс ради какого-то собрания. Третьеклассник, он стоял у печки, кирпичи которой были выкрашены зеленой тюремной масляной краской. Директор, маленький, пухлый, вежливый, сказал: мы вас здесь... собрали, мы вас сюда...

— Согнали...— подсказал он от печки, в тишине паузы.

— Озолас, выйди,— сказал директор, не взглянув.

Он вышел во двор школы и прислонился к дереву, раздумывая над тем, что случилось нечто невероятное, что мешает ему вернуться и мешает пойти домой. Вечером директор пришел к родителям. Удивительна была извинительная интонация, с которой разговаривал с отцом мягкий и вежливый директор, как теперь понятно, старого образца.

Пока не было учебников, а старые, гимназические, не годились, заучивали за учителем. Потом как-то сразу появились учебники по всем предметам. Он помнит, что все учебники были какие-то одинаковые. Он был пятерочником до последнего класса, но в одиннадцатом восстал против учителей (это повторилось в судьбе сына, но то уже мало походило на детский бунт), и ему сначала было снизили по поведению, а потом исправили, чтоб не терять медаль, и снизили по литовскому, так он вышел с серебряной медалью и с тайным комплексом относительно литовского, тем более что фраза что ты понимаешь, латыш, уже была ему брошена, единственная такая фраза за всю жизнь, бесполезно было и пытаться ее забыть, он поступил на отделение литуанистики филологического факультета, а после стал мечтать о создании собственного словаря литовского языка.

Учительница рисовала на доске квадрат, украсила его цветочками, словно то была танцевальная поляна. То же должны были сделать все в тетрадях. Она диктовала: я, юный пионер...

Когда потом он не стал вступать в комсомол, он не смог себе этого объяснить, не стал изобретать удобные формулы... дело было даже не в том, что в школе лгали, но в том, что лгали лениво, уныло и бездарно. Между прочим, уже была прочитана «Молодая гвардия», и детство было наполнено жаждой выяснить свою способность противостоять пыткам. Так он сначала три дня голодал. Потом одним махом срезал ножницами бородавку на пальце.

После третьей попытки приглашения в комсомол учительница вдруг вышла из себя, стала топать ногами. Еще трое в классе не были комсомольцами, но им было можно, они не были пятерочниками.

В пятидесятом году он наткнулся в библиотеке на трехтомник «Птицы» знаменитейшего орнитолога Иванаускаса, и море, которое тянуло его всегда, пересилили птицы. Не хотелось думать — слышал птиц. Учитель, имевший старинную скрипку, стал его учить после уроков и давать драгоценную скрипку домой, он нес ее домой, насильно усаживался за уроки, вставал в семь утра и выходил к птицам, прилаживал скрипку к подбородку, играл, потом нес драгоценность в школу... Это было что-то, вполне заменявшее пустоту, что-то мое, хотя еще не достоверное и никем не удостоверенное, и сам он не был авторитетен в собственных глазах настолько, чтобы подтвердить реальность этого.

Мать пришла из костела и сказала: там, у костела, лежат трое.

Выстрелы, лес и эти очередные трое убитых на площади перед костелом были всегда, но это как бы отсекалось дневной жизнью.

Днем хоронили истребителей, а эти, с леса, исчезали в ночи. Им, кажется, навсегда была уготована темнота тайны.

«В эти дни я уже хорошо чувствовал, что иду сам. Но очень хотелось идти с кем-то... Поступив в университет, долгое время не мог ходить вечером по улицам, когда в домах загорались огни. Мне не хватало тепла. Это было страшное испытание. Надо мной было одно черное небо. Я жил в комнате с пятикурсниками в большом старом общежитии. Это было странное время открытий».

Это нечто сущностное, находившееся вне его самого, был, во-первых, перевод из армянского классика Исаакяна о любви.

Он прочел и чуть не упал в обморок. Мог ли знать, что есть такая правда? Потребность в любви владела Исаакяном. Прежде в том, что имел, у него не было никакой поруки. Теперь порукой был перевод Исаакяна, подтверждение от другого. Протянутая рука не может повиснуть, не встретив другой руки.

Второе было пространством, открывшимся ему. Это произошло летом. Был летний красивый вечер. Он сидел на краю горохового поля. Листики гороха сверкали, как зеркальца, и что-то странное отсвечивало в вечереющее пространство.

В один миг с свечением он поднялся ввысь.

Поднявший его свет был тем же светом, что и лунное зарево над кладбищем тогда. Мир был физически пронизан свечением, пространство открылось, как возможность, но сформулировал это он гораздо позже, когда начал вести свой метафизический дневник, вернее, когда дневник, ведомый им с пятьдесят четвертого года, приобрел черты строгого метафизического рассуждения.

Он был здесь, но, кроме того, еще и там, он переносился свечением, и он, и поле, и мир были переносимы и пронизаны светом. Это было. Это произошло.

Ошеломленный, он сидел на краю поля.

Звон блюдца, что ли, не холодный, а теплый домашний звук прогнал нахлынувшее. Но то, что было, не ушло, а было с ним отныне. Только начались попытки заполнить эту сияющую пустоту чем-то материальным. Когда он писал стихи, он чувствовал, что пространство успокаивается в нем.

Весной он сидел в низине. Таял снег. Там, где таял снег, он написал пять стихотворений! Радость от сделанного после повторялась всякий раз, когда он завершал что-то действительно ценное.

Временами находила меланхолия и не хотелось

жить. Болезни терзали его всю юность, и, наверное, только теперь он стал здоров.

В дневнике он записал задачи на жизнь. Там было: не посрамить отца и мать, прославить Литву.

Курил с десятого класса. Постоянно боялся не за разум, за волю. Насилие и пытка работой сопровождали его. Когда напились после первого экзамена и шли по улице горланя, русистка вышла из своего дома увещевать их. Утром отец читал Библию.

ЗВЕРСТВО

То было каждодневное зверство, в которое впадала деревня. Уже начиналось ужасное пьянство. Война кончилась. Пятидесятые годы — начало массовой пьянки. Воровство из колхоза. Питье самогона или государственной. Половина деревни сдохла по пьянке, повесилась, перерезалась по пьяному делу. А местечко называлось Базиленай, по названию монашеского ордена, недалеко был монастырь, здесь религиозная жизнь шла с давних времен.

В университете выпивка была уже только делом славы, не образом жизни.

Как образ жизни пьянство началось потом, когда он стал работать журналистом. Тогда пьянство становилось общественным делом, частью работы. И они собирались каждую пятницу после трудовой недели, пили до помрачения мозгов и до темноты, после расходились, и каждый приканчивал себя уже дома, в одиночку. Уходил он с этой работы еще и потому, что понял: еще год так, и это будет необходимо постоянно, а кроме того, на такой основе проблемы не решить.

А проблема была: кто я? Что есть мир? Почему так?

ПОСТОЯНСТВО РАЗУМА

К тому времени он уже объездил всю Литву и знал, что она не может дать ответа. Между тем как простой ответ всегда ожидал его, был наготове и всегда был им отвергаем, всякий раз по новой причине.

Например, он мог стать агрономом, и так должно было случиться — в десятом классе он переоборудовал огород отца, сделав его прежде всего квадратным. Добиваясь образцовости на клочке земли, он стал писать в газеты и в десятом классе уже был известен (рассказы писал, сестра плакала, когда он в ожидании обыска вынужден был написанное сжечь). Он понял, что следует приучить к разумному ведению хозяйств и соседей... но дальше простирались поля колхоза, а дальше были необъятные поля... Тогда, кстати, он впервые столкнулся и с общественным сопротивлением в лице отца и матери, которым треугольный огород был более люб.

Литва, понял он впоследствии в путешествиях, вообще чуждается рационального. Итак, огород был опытом отказа от простого решения, но он помнил, что самый опыт огорода удался.

В университете, смирившись с тем, что станет учителем литовского, он чудом попал в ансамбль народных инструментов. Это стало целой эпохой в жизни. В составе секстета, где все играли на всем, он побывал в Москве, где обыграли на конкурсе нескольких баянистов,— оркестрик был на славу, оркестрик был идеальный, назывались: секстет народных инструментов студентов Вильнюса.

И в Вене познакомились с Робсоном. В Венгрии видели окна с выбитыми стеклами. По Вене он нес свой контрабас. Он увидел, что памятники Вены в отличие от наших, что с воздетыми руками, все пригорюнившиеся, скромные, как люди среди более удачливых людей... что-то означало посещение заграницы, мир приоткрылся.

«Мы в ансамбле как бы договорились, что не будем некоторые вещи произносить вслух, но будем видеть, наблюдать, понимать. Таков и даже более таким был весь ансамбль. Мы первые начали играть запрещенную тогда песню «Литва моя прекрасная». Сейчас она идет второй, после Гимна, а тогда ее не исполняли, и в быту петь ее не приветствовалось. Там же Литва была! Моя прекрасная».

В последний год школы он написал стихотворение, посвященное Ленину.

Мы, говорил он, обращаясь к Ленину, закрыли тебя в гробнице.

И твою правду закрыли. Присвоили себе право говорить правду. И так далее в том же роде.

Тогда уже было сказано ясно, что Сталин исказил Ленина. Едва он оказался в Вильнюсе, принялся штудировать Ленина.

В особенности национальный вопрос. Он сохранил записи того времени, к которым неплохо было бы вернуться сегодня.

Есть мнение, что как политик он вышел из музыки. Нет. Как политик он вышел, разумеется, из философии. Но философия возникла, когда музыка показалась чересчур чувственной. «Меня обеспокоила необходимость сидеть над одной нотой».

БЕГСТВО

Свет угас, и пала тьма в младенческом сорок девятом, но мир доброты, заключенный в вечерних окнах, продолжался еще долго. Почти каждую неделю он получал посылки из дому. Иногда все бывало перебито. Отец и сегодня не может отказать себе в удовольствии послать что-то детям.

По некоторым признакам распределение в отдаленный городок в школу следовало воспринимать как ссылку.

Он и жена лежали в кузове грузовика, облака стремглав неслись над ними, они смеялись: нас выслали! Они были счастливы. Грузовик остановился. Он увидел копию городка своего детства, словно тщательную реконструкцию. Озеро. Пахотные луга.

Он начинает осваивать это, пытаясь со всей серьезностью проникнуться чувствами румяного мальчика, стоящего у края катка, и мальчика, сидящего на краю горохового поля, и мальчика, лежащего в лесном овраге под куполом голубизны. Он купается в реке. Он ведет учет успеваемости и методические исследования. Но он видит, что хозяин дома, где они квартируют, все достраивает и достраивает дом, находя в безумии бесконечного процесса предназначение своей жизни.

Так нагота проглядывает сквозь декорации.

Он мог вполне спастись, умей встать в этот строй! Его любили дети! Что-то было сердечное, а кроме того, он хорошо интерпретировал текст. Жена, учительница даром господним, любила его до смерти, не давая ему не то что посмотреть — покоситься в сторону. И в этом был залог устойчивости.

— Итак, вот твоя жизнь.

— И это все? — спросил он возникший голос.— Лес, озеро, река?

— Да, вот твой мир. Вот твое озеро.

И он рванулся прочь, прощался со всеми безо всяких сомнений, а жена еще оставалась, она не могла пока оторваться, и некоторое время он вынужден был летать к ней на самолетике АН-2.

Так завершилось пробуждение. Я шлепнулся в мир чистой реальности, в которой не было никакого ответа. Сказал он о себе.

Он, можно сказать, бродяжничал в Вильнюсе, жил в бараке военного времени, где жила русская с сыном боксером, который становился алкоголиком, она приняла его на койку в кухне; в краеведческом музее, где подыскал работу на «пока образуется», спал на столе, все спал на столе, просыпался и опять жил целый день, и так день за днем в ожидании, в поиске, зная, что сам должен будет найти ответ... а просто присоединиться к тем, кто радуется жизни и радоваться с ними я не могу.

Звонок из журнала, посвященного самодеятельности, вырвал его наверх. Немедленно он явился и получил предложение, «поскольку ты всех ругаешь», сделать новый облик журнала, новую модель. Он сел за работу днем, кончил ее к утру, встал, пошел к реке, умылся, и таяние снега тогда весной, когда были написаны пять стихотворений, возобновилось повсюду. Вскоре журнал был переименован в «Вехи культуры» и таким известен поныне. Он стал жить в минимальных ладах с миром. Подмывало: «Уеду в Литву!» — Он ехал, иногда без всякой цели, и останавливался в деревенских гостиницах, где однажды пьяный, называвшийся чекистом, едва не застрелил его, раззадорясь... блаженная цель — бесцельное путешествие!

(Впоследствии путешествия толкнули его к социологическим исследованиям функционирования культуры, и эта работа сделалась основой для поступления в аспирантуру. Журнал, становясь центром исследований, наталкивался на серьезные проблемы. Так «Вехами» были «открыты» поляки Литвы, после чего пришлось кинуться к оправданиям, поскольку тогдашняя Польша выговорила Москве, будто литовцы собираются закрыть польские школы.)

История с огородом должна была повторяться все в больших масштабах, так после Литвы, изъезженной вдоль и поперек, встала необходимость увидеть все, и он сел в самолет и полетел во Владивосток, и побывал у Японского моря, и духом ринулся узнать и Японию... хотя бы выкупаться в Японском море, жил в Хабаровске, в Чите, в Иркутске, оттуда плыл до Братска, затем подался в Усть-Илимск, по пути познакомился с москвичом Генкой, который ругал Советский Союз (шел шестьдесят шестой, что ли, шестьдесят седьмой?), и с Наташей, типичными москвичами, и так на следующий год он оказался в Архангельске и в Петрозаводске, шел пешком по берегу до Бесова Носа и увидел наскальные рисунки, наведшие его на замечательную догадку о том, что нет, не страх, но одно благоговение владело этою рукой, благоговение, не страх, велело мир увековечить, прекраснейшая и выспренная жизнь курировала исполнение наскальных гимнов, не дикий и безумный страх. (Догадка имела простой толчок: все рисунки были на свету.)

Брежнев входил в роль. Уже было известно, что этот человек любит золото, женщин и водку. «Я уже знал, что дело только в том, когда он будет смещен». (Общественная жизнь шла вниз.)

Через год танки были двинуты на Прагу.

Он выбежал из дому, бежал на работу. Оказался на площади. Прохожий русский что-то спросил его о чем-то. Он бросился, чуть не избил его, очнулся, оставил его.

На работе никого не было.

Он ринулся в город. Ходил. Почти с облегчением впитал, почувствовал общую нервозность. Но, в общем, жизнь шла своим чередом.

Он очнулся в поезде. Он ехал... его везли в деревню.

Здесь жил неделю, ходил, радио слушал без всякого интереса. Потом спокойно и бесчувственно приехал в Вильнюс, не заметив дороги.

На пять лет закрылся в библиотеке. «Тот удар исток всего».

Тогда он умер! Пытаюсь я произнести и не могу. Тогда он родился.

ОЗОЛАС

На пять лет он закрылся в библиотеке, настало то, что он после называл с улыбкой «советованьем с древними».

Жена наконец ожидала ребенка, ей нужны были воздух и тепло, теплый воздух и тихие вечера, каковых не было там, где поднималась скромно ввысь мансарда вильнюсского чужого дома, и вот он повез жену туда, где чисто и светло, где росла гречиха. Пять дней проработав в библиотеке, он возвращался к семье с греческим соком в коробках для сына... и с таким грузом в пути его настигло прозрение (прежде, читая все без разбору, он замечал в кажущемся лишенным системы чтении, что вынужден постоянно втыкаться в то, что обязан был принимать на веру — возмущался)... прозрение:

...оно свершилось, как в том гороховом поле, опираясь на достоверность частичного — вот я все время философствую, а что такое — не только как слово — есть понятие?

И живо, и просто он увидел ответ, словно написанный. Понятие есть человеком спрессованная идеальность. Слова — резервуары идеальности. Философия — способ сделать эти резервуары наипрозрачнейшими.

Последнее слово он, говоря со мной, произносит по слогам, и я вдыхаю воздух кафедр.

Тайна, теснившая его, временно отступила, разрешила вздохнуть и отдышаться. И он возвратился на землю.

Он вновь родился? Не могу на том настаивать, помню о взрослом мальчугане, лежащем с смертельным приступом тошноты в лесном влажном овраге, там мертвые лешие в каждом пне.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Тогда он спокойно возвратился на землю. Он увидел сына, потом дочь. Увидел, что семья живет в деревне и что это ненормально, но в Вильнюсе потребуются ожесточенные попытки добыть жилье семье и что он пойдет на эти попытки. Сначала он нашел комнату, там жила безумная с дочерью-дебилкой... Он окончил аспирантуру, но уже не имел интереса защищаться, захваченный достоверной метафизикой. Два года был ответственным секретарем журнала «Проблемы», который явно становился в то время центром духовных поисков нации. В семьдесят четвертом «Проблемы» разругали. Ему, уже преподавателю Вильнюсского университета, интеллигентно предложили работать помощником в Совмине. И он пошел в надежде ответить себе на очень конкретный вопрос: если социализм в принципе возможен, возможен ли он и практически? Нет, с этим потенциалом и порядком он невозможен, ответил он себе за пять лет работы. И попросил об уходе. Пошел в издательство — попробовать своими силами создать хотя бы локальный очаг желаемого социалистического порядка.

Теперь он улыбается, вспоминая об этом.

«Правильное мышление есть не что иное, как мышление по правилам». Ежедневно обращаясь к своим мыслям, к дневнику, к записям, к книгам, он все глубже понимал, что правила есть только упорядочение духа, в недрах которого кроется как сила, их выдвигающая, так и сама движущая сила, которую можно определить только как тайну. Всякие правила и всякие системы очень быстро могут стать запретительными знаками безупречной пустыни.

В семьдесят втором сжег себя Каланта.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ФИЛОСОФИИ

Многие в те дни ходили, как «факелы напряжения». О себе он знал, что если бы на него пал жребий, он избежал бы промедления.

В том же, семьдесят втором году перед ним встал вопрос о действии, о форме личного сопротивления.

Подполье действовало, регулярно шла политическая хроника. Началась эмиграция. В России шли процессы. Множество людей в Литве жило буднично, не замечая или не находя способов сопротивления давлению деструктивных мер. В издательстве они подготовили долголетний всеобъемлющий план интеллектуального сопротивления. Начали его осуществлять. Памятник тех лет — десятитомная «Хрестоматия истории философии», которой уже появилось шесть томов. И если сороковые годы в культуре Литвы были «неясно чем», пятидесятые — годами господства идеологии, то шестидесятые были десятилетием поэзии, а после поэзии пришло всеобщее время философии. «Мы переводили всевозможных философов. Был издан Фром с купюрами, где он ругает коммунизм». Кроме того, начались конференции, лекции.

В восемьдесят седьмом лекционная работа под руководством профессора Гяндялиса сосредоточилась в обществе «Знание», что стало одним из очагов «Саюдиса». Сначала люди приходили, но боялись и говорить, и слушать. Потом привыкли. Потом это стало напоминать митинги.

«ЦК увидел в том опасность, и после визита одного человека с красным галстуком нас обвинили в оскорблении устоев и стали гнать из «Знания», но мы не послушались: я встал у дверей и всех прибывавших отсылал в Союз художников, так что пока ЦК разворачивался, мы с большим успехом провели заседание, на котором уже формулировались выводы, хотя сохранялся характер собраний — философские чтения. После доклада Иозайтиса, молодого философа и будущего члена Совета «Саюдиса», о Литовской Компартии и революции 18-го года, это уже было политическое чтение. Поднялся шум, наше предприятие хотели совсем закрыть, но вдруг Союз художников воспротивился. В Академии наук происходили заседания экологов, больше научного толка. Мы думали, каким образом все это вывести наружу. Подполье тогда первый раз отметило шестнадцатое февраля.

Так заканчивалось десятилетие философии для Литвы. И если в начале этого десятилетия организации, как-то способствовавшие самоопределению и возрождению литовского духа, были разобщены, аморфны, действовали как разовые клубы, кроме, наверное, «Лиги свободы Литвы» и некоторых других групп, люди которых часто сидели в тюрьме, если в середине этого десятилетия многих охватывало желание «выйти на улицу и кричать», то это было и время интереснейших домашних посиделок, салонов, когда важные вещи произносились в комнате, где нет телефона, а важнейшее обсуждалось в ванной с включенным душем и в туалете... то финалом его было такое нетерпение, что «Саюдис», возникший за порогом этого финала и этого нетерпения, был тем разумным исходом, когда не надо взрывать сердце.

Именно в домашних беседах и обсуждениях в довольно большой гостиной, где собирались любопытнейшие люди, он смог сформулировать: мир существует здесь и теперь — и, пиша статьи с восемьдесят второго года, наконец опубликовал некую вещь уже «безо всяких».

Ту статью хвалили, иные называли ее манифестом поколения. Ее установка была: я ответствен за все, что происходит, ибо знаю, что происходит и что надо делать. Статья была написана языком публицистики, но то был язык метафизика, возвратившегося домой. Послужила ли статья делу объединения? «Строго говоря, нет, поскольку до настоящего объединения было еще далековато». Одна женщина позвонила и спросила, кто он такой. «Никто»,— ответил он. «Тогда кто вам дал право выражать подобные мысли?» — возмутилась она. Мысли были просты и могли принадлежать любому. Наверное, это и смущало.

Много после на одном из митингов он услышал от человека: ну вот, побыли, вдохнули здоровья.

Для этих людей дух митинга был новым, разреженным воздухом. Потом он замечал, как поднимает этот воздух, как становится единственно необходим. А он смертельно уставал.

В этом положении существовала одна... как бы опора или лазейка в виде заранее решенной проблемы собственной личности:

«Я ничто. Я ступенька, по которой шагнут идущие следом. Поэтому мне не может быть больно».

Он удивился, узнав, что эта установка напоминает то, о чем писал Солженицын и что помогало ему выстоять.

«САЮДИС». НАЧАЛО

— Что ж,— сказал он, на мгновение задумавшись.— Пожалуй, не надо удивляться. То, чем держался Солженицын,— это всего лишь крайняя точка. Нам тоже требовалось счесть себя хоть на мгновение мертвецами, чтобы не пасть, а удержаться на черте достоинства. Мы те же вопросы должны были решать как бы на свободе. Но сколько же ушло из моего поколения — сколько погибло, повесилось, спилось... Что до трагедии предательства, то каждый из нас несет ее в себе. Тяжело признать, что вся твоя жизнь была почти сплошным предательством по отношению удушаемых идеалов независимости.

— Возможно, лучше употребить слово «компромисс».

— Нет.

— Из-за вас никто не сел, не умер.

— Именно поэтому надо быть честным до конца. Только формами предательства мы можем переоценивать нашу бывшую жизнь.

2 июля 1988 года во время обсуждения бюрократизма в загородном Доме ученых публики набралось полон зал, и там молодежь открыто потребовала создания Народного фронта. Решили назавтра собраться более представительно в главном зале Академии.

На следующий день родилось то, что он, Ромуальдас Озолас, один из отцов «Саюдиса», назвал чем-то «неопределенным, как и вся неопределенная и неартикулированная, нерефлектированная и нерефлектирующая политическая жизнь, бурлящая в мышцах, но не выходящая в разум в таких формах, которые можно было бы выразить словами» — «Саюдис»...

То, что творилось третьего июля, трудно описать. Академия была центром идей, центром подготовки новой конституции. Молодые люди из Академии «за неделю до этого металиcь по городу, разыскивая таких старых, как я, как Прунскене, Гянзялис и Вилкас, и вот мы взялись, с осторожностью, разумно. В зале все кричат, и дело доходит до того, что президиум объявляет собрание распущенным, а молодежь взобралась на сцену и заявила, что пока она сделает свое дело, приостанавливая действие самого президиума.

Академик Вилкас сказал: все-таки вы своего добились.

Потом уже пошло быстро. Записали тридцать пять человек. Один записал себя сам. На следующее собрание, уже инициативной группы, пришел заведующий Отделом науки ЦК, как водится, со скромной просьбой «поприсутствовать». Его удалили, как непрошеного гостя. Третье и четвертое собрания проходили как общие собрания в больших залах, где просто выкрикивалась боль. Первый митинг прошел на площади Гедиминаса тринадцатого июля. На этом митинге появились национальные флаги. Девятого июля в Вингисе появился плакат «Бразаускаса — первым секретарем». Было очень много комиссий из Москвы. Двадцать третьего августа в парке Вингиса впервые сказали о пакте Молотова — Риббентропа.

Название пришло сразу же. На литовском языке оно очень точно обозначает то, что происходит и должно происходить.

— «Саюдис» означает «движение». «Фронт» — сопротивление одноименное. «Саюдис» — противостояние всестороннее. Он должен найти способ возвыситься над партиями и структурами власти, остаться духовным центром, движением духовности, как бы символизируя не разум, который конденсирует партию, а... как это называется по-русски, то, что есть самая высшая точка разумности... ой, боже мой. Ладно, потом вспомню».

(Потом вспомнил: мудрость.)

РОМУАЛЬДАС ОЗОЛАС: ПОПЫТКА МУДРОСТИ

— В чем вы видите свое предназначение в «Саюдисе»?

— Я считаю своим предназначением выведение происходящего на метафизический уровень, проверку наших представлений достоверностью вечности.

— Как вы оцените эти полтора года — как они сказались лично на вас? Вы устали?

— Мы вымотались за эти полтора года. Но это ничего не значит.

— Что беспокоит вас сегодня в «Саюдисе»? Вы могли уже заметить некоторые ошибки в конструкции движения...

— Да, надо существенно переработать соотношение. Сейчас с Советом сейма, а последнего — с комиссиями сейма. Надо найти формы позитивизации оппозиционного противостояния.

— Ваше отношение к будущему Компартии Литвы остается неизменным?

— Да, КП Литвы должна стать партией среди других партий Литвы и честным политическим трудом зарабатывать себе право называться руководящей. Мы заменяем статью Конституции Литовской ССР с большими надеждами. Компартия Литвы еще не сыграла своей исторической роли. Для этого она должна стать независимой. Я избран делегатом XX съезда и постараюсь там тоже сделать свое.

— Порой ваши действия в глазах публики как бы принадлежат разным людям. В партии вы действуете как коммунист...

— ...а прежде мне было брошено обвинение в том, что я радикализировал программу «Саюдиса», организовав сбор подписей с требованием аннулирования пакта Молотова — Риббентропа. Да, я пустил в ход сбор подписей, потому что иного способа действовать в то время не было, а умолчать это было смерти подобно. Потом на сессии Верховного Совета Литвы мне удалось провести решение о создании депутатской комиссии по вопросу о пакте. Подписей уже был миллион, потом миллион двести тысяч, так что комиссия работала как зверь, на помощь пришли ученые, документ получился правдивым, и даже документ «Саюдиса» оказался менее радикален. Одно место только было более радикально — о том, что Литва хочет быть восстановлена вне рамок СССР. Эти формулировки были подготовлены мною совместно с политической комиссией сейма и представлены на Совет сейма. Один депутат сказал, что такая радикализация вообще несовместима с пребыванием в «Саюдисе», и выразил недоверие. Двадцать третьего августа был сейм. Формулировка была снята. Радикальное крыло как бы притихло...

— Вы демонстрируете осторожность, смелость, безрассудство...

— Безрассудства нету. Просто, когда говорит история, надо говорить историю.

— Не наступит ли момент, когда вы станете поступать так, как от вас ждут, следовать образу, созданному публикой?

— У меня цель другая. Литва.

— Но даже литовцев огорчила публикация в «Неделе» выдержек из ваших публикаций.

— Это был один из досадных инцидентов. Я еще успею не раз показать, какое мое настоящее — полное — представление о России.

— Какая из коммунистических идей вам представляется самой плодотворной?

— Идея разумной общей жизни. К сожалению, настолько людям осточертело тотальное ее отстаивание, что всякое ее обсуждение просто бесполезно. Но она будет возникать еще не раз и мучить людей...

— На пути к тому свету, который вы помните с детства?

— Да, он уже возникает.

— Что будет?

— В феврале на выборах в Верховный Совет «Саюдис» получит большинство. Это будет плюралистическая структура, в подавляющем большинстве придерживающаяся взглядов «Саюдиса». Новое правительство в сотрудничестве с Верховным Советом должно будет немедленно заняться единственным вопросом — изменения нынешнего статуса Литвы путем поиска новых форм сотрудничества с Россией.

— Вы редактор «Атгимимас», народный депутат СССР, Верховного Совета Литвы, депутат сейма. Кто вы в ваших собственных глазах?

— Я все время мечтал написать три варианта истории философии: для детей, подростков и юношей. Написал только одну, хочу написать «Ясность» — книгу о возможностях приобретения понимания. Хочу составить небольшой словарь литовского языка, куда вошли бы все слова и понятия, необходимые современному человеку для размышлений о жизни начиная с четырехлетнего возраста. Я мечтал бы написать книгу о моих родителях, жизнь которых я записывал изо дня в день с тех пор... с тех пор, как заметил, что они стареют. Они старались получше подготовить своих детей к жизни. Что могли они дать детям? Они только любили нас... до смерти... Но сегодня я политик. И только. До того, как будет достигнута независимость.

— Последний вопрос. Вы говорили, что мысль о самоопределении «я — литовец» занимала вас всегда...

— Культура не существует отдельно от конкретного человека. Не будет самоопределения быть литовцем — не будет литовской культуры, следовательно, нации. Я, мой отец, мой дед всю жизнь прожили в Литве. Мой сын не спрашивал меня, записал в паспорте: литовец. Я давно литовец. Знаю, что, если изменю свою фамилию, я буду обруган и высмеян. Скажут: сошел с ума, хочет сделать политический капитал, подстраивается, наконец, вообще безвкусица и некультурный человек! Ну что ж, это будет еще одна пытка. Знаю только, что это будет достоверное действие. Из ряда моих поисков чистоты и вечности.

Его сын в десятом классе восстал против учителей. Сын такой большущий флегма... Иногда он говорит ему: ну, как там у тебя?..

ПОСТСКРИПТУМ

Закон о референдуме был принят.

Второе. Ромуальдас Озолас избран в Президиум Верховного Совета Литвы. Вместе с депутатом Казимерасом Мотекой, юристом высшего класса, и народным поэтом Литвы Юстинасом Марцинкявичюсом он призван усилить законодательную деятельность Совета.

У меня пока все.

ФОТОКОНКУРС

Земля у нас одна

Фото
Бориса РЫЖИКОВА
(Москва)

Фото
Льва ГЕЛЬДЕРМАНА
(Мурманск)

Фото
Евгения КАРМАЕВА
(Омск)

Фото
Владимира КАКОВКИНА
(Куйбышев)

В начале нашего века в новогодних номерах больших газет печатались беглые обзоры литературных явлений минувшего года. Одним из популярных авторов таких обзоров был тогда К. И. Чуковский, едва ли не самый авторитетный и влиятельный литературный критик той поры. Его обзоры отличались резкой язвительностью тона: он редко хвалил кого-нибудь из современных ему писателей, чаще язвил, высмеивал, иронизировал, глумился. Но иногда все же ему случалось кого-нибудь и похвалить. Так, например, в обзоре литературной продукции 1910 года он писал:

«...Не могу же я забыть, что книга Розанова «Когда начальство ушло» — все же преталантливая и прелюбопытная книга; что бунинская «Деревня» — есть серьезный, зрелый и вдумчивый труд; что «Городок Окуров» Горького — большая удача большого таланта... Нет, миновавший год дал много неожиданных ценностей, и я не могу на него обижаться. Этот, например, юный Ал. Н. Толстой — какой свободный и милый талант... К тому же книга Тэффи очень непошлая книга...»

«Очень непошлая» — комплимент, казалось бы, в высшей степени сомнительный. Сказать о писателе, что он не пошляк, — разве это не то же самое, что похвалить человека за то, что он не жулик, не передергивает в карты, не ворует серебряные ложечки?

Тем не менее это был действительно комплимент. И серьезный. Уже одно упоминание имени Тэффи в одном ряду с именами Розанова, Бунина, Горького, А. Н. Толстого было превыше всяких похвал.

Юмористический рассказ, короткая сатирическая новелла в общепринятой иерархии жанров всегда занимали самое последнее место. Они воспринимались как обретающиеся где-то на задворках литературы, чуть ли не вообще за ее порогом.

Так повелось издавна, еще со времен «Декамерона». Современники Боккаччо, как известно, высоко ценили «серьезные» его поэмы, а к «Декамерону» относились как к озорной, полусерьезной игре, в общем-то недостойной такого крупного писателя. Если они и готовы были оценить отдельные новеллы «Декамерона», то, как правило, совсем не те, которые оценило потомство. Даже такой тонкий и глубокий ценитель, как Петрарка, из всего «Декамерона» выбрал для перевода на латинский язык одну из самых слабых его новелл — возвышенно-идеальных, бледно-назидательных, резко отличающихся от тех, которые впоследствии принесли автору «Декамерона» мировую славу.

Со временем сатирические жанры (в том числе и жанр короткой новеллы) постепенно утвердили свою принадлежность к большой литературе. Но, как правило, это относилось к различным видам и формам социальной сатиры. В 1913 году талантливый художник-карикатурист Дени (В. Денисов) так объяснял, почему его коллеги — художники-сатириконцы не создали ничего особенно замечательного: «Смех сатиры только тогда значителен, когда за ним стоят невидимые миру слезы чуткой души и большого культурного ума. У Гойи и Домье он достигал размеров подлинно жуткого трагизма. Сатириконцы же добродушные, хотя и талантливые люди, весело проводящие время и доставляющие приятное послеобеденное развлечение «веселым устрицам».

Этот суровый приговор тяготел не только над художниками, но и над писателями-сатириконцами, одной из первых звезд в созвездии которых была Тэффи (Надежда Александровна Бучинская, урожденная Лохвицкая). Она родилась в 1872 году в интеллигентной дворянской семье. (Отец ее был профессором, преподавал криминалистику.) Умерла в 1952 году в эмиграции, в Париже.

Тэффи была постоянной сотрудницей «Сатирикона» с момента основания этого журнала (1908). В 1913 году часть сотрудников «Сатирикона» стала издавать журнал «Новый сатирикон», который выходил до 1918 года. (Был закрыт вместе с другими «буржуазными» изданиями.) «Новый сатирикон», как и прежний, издавался под редакцией Аркадия Аверченко. В нем печатались Маяковский, Л. Андреев, Куприн, А. Н. Толстой. Среди ведущих сотрудников журнала в первую очередь следует назвать Аверченко, Сашу Черного и Тэффи.

Первое книжное издание рассказов Тэффи вышло в 1910 году. (Это была та самая книга — «Юмористические рассказы» в 2 томах, которую отметил К. Чуковский.) К тому времени имя ее было уже широко известно. А впоследствии оно сделалось настолько популярным, что были даже выпущены духи «Тэффи».

За свою долгую жизнь в литературе Тэффи опубликовала около 30 книг. Примерно половину из них — в эмиграции, где она оказалась во время гражданской войны и прожила до конца дней.

Из круга интересов советского литературоведения Тэффи выпала почти совершенно. Если о ней и упоминалось, то, как правило, в весьма пренебрежительном тоне. Говорилось, например, что в своих рассказах она «поверхностно критикует некоторые обывательские предрассудки и привычки, в сатирических сценках изображает жизнь петербургского «полусвета». Иногда в поле зрения автора попадают представители трудового народа, с которыми соприкасаются основные герои; это большей частью кухарки, горничные, маляры, представленные тупыми и бессмысленными существами» (Литературная энциклопедия, т. 11, 1939 г.).

Эта уничтожающая оценка лишь отчасти была рождена вульгарно-социологическими изъянами тогдашнего советского литературоведения. Как я уже говорил, уничижительный тон по отношению ко всякого рода «мелкой журнальной юмористике» издавна считался признаком «хорошего вкуса». Это было характерно не только для русской критики, в которой критерии социальной значимости произведения всегда преобладали. Совершенно так же британские критики третировали Джерома К. Джерома, презрительно именуя «Трое в одной лодке» шедевром «вагонной литературы».

Вот к такой «вагонной», то есть пустоватой, чисто развлекательной, литературе часто относили и рассказы Тэффи. (Как, впрочем, и некоторые рассказы Аверченко.)

Несправедливость такого взгляда очевидна. А рожден он, я думаю, недооценкой того простого обстоятельства, что художественной ценностью обладает не только тот смех, который нацелен на потрясение социальных основ, бичует коренные пороки и язвы общества. Не менее законен смех добродушный, мягкое подтрунивание над различными слабостями человеческими, над извечными изъянами человеческой натуры.

Юмористы не зря утверждают, что «смех — дело серьезное». Каким пустяковым ни казался бы нам повод, вызвавший к жизни тот или иной юмористический рассказ, если этот рассказ пробуждает смех — значит, он талантлив. А если талантлив — значит, правдив, значит, открывает нам в предмете или явлении, изображенном автором, какие-то новые, неведомые нам прежде грани. Как говорит об этом М. Бахтин в своей книге о Рабле, «смех имеет глубокое миросозерцательное значение, это одна из существеннейших форм правды о мире... Какие-то очень существенные стороны мира доступны только смеху».

Рассказы Тэффи, которые мы публикуем, взяты из дореволюционных сборников.

СЕДАЯ БЫЛЬ

Часто приходится слышать осуждения по адресу того или другого начальствующего лица. Зачем, мол, выносит неправильные резолюции, из-за которых неповинно страдают мелкие служащие и подчиненные.

Ах, как все эти осуждения легкомысленны и скороспелы!

Вы думаете, господа, что так легко быть лицом начальствующим? Подумайте сами: вот мы с вами можем обо всем рассуждать и так, и этак, через пятое на десятое, через пень-колоду, ни то ни се, жевать, сколько вздумается в завуалированных полутонах.

Суждение же лица начальствующего должно быть прежде всего категорическим.

— Бр-р-раво, ребята!

На что ответ:

— Рады стараться!..

— Ты это как мне смел!

— Виноват, ваше-ство...

И больше ничего. Никаких полутонов и томных медитаций. Все ясно, все определенно. Козлища налево — овцы направо.

А легко ли это?

Ведь тут если сделаешь ошибку, так прямо через весь меридиан от полюса до полюса. Дух захватывает!

Слышала я на днях историю, приключившуюся давно, лет двадцать пять тому назад, с одним начальником губернии, человеком, стоящим на своем посту во всеоружии категорического суждения.

Это факт, это седая быль. Если не седая от времени (ей ведь всего двадцать пять лет), то от скорби и тихого ужаса.

Дело происходило зимой в большом губернском городе, в зале благороднейшего городского собрания.

Сидели за столом почтенные люди и играли в карты. Были среди них, между прочим, железнодорожный начальник и начальник тюрьмы.

Разговор коснулся снежных заносов.

— А у нас-то какая беда! — сказал вдруг железнодорожник.— Занесло поезд. Стоит в степи второй день, и ничего поделать не можем. Рабочих рук нет.

Услышав это, начальник тюрьмы подумал минутку и затем произнес роковую в своей жизни фразу:

— Пожертвуйте рублей сто, я пошлю сегодня же ночью своих арестантов, они вам живо путь расчистят.

Железнодорожник обрадовался, согласился и поблагодарил за предложение.

— Вот выручите-то вы нас! Подумайте только: ведь поезд-то пассажирский! Люди голодают там, в снегу!

— Будьте спокойны. Все устрою.

Начальник тюрьмы в ту же ночь отправил на путь своих арестантов с лопатами, и те благополучно откопали поезд, который с триумфом и с голодными, изззбившими пассажирами прикатил в город.

Доложили о происшедшем губернатору.

Тот остался очень доволен поведением начальника тюрьмы.

— Молодец! А? Какова находчивость! А? Какова сообразительность! А? Нужно непременно исхлопотать для него что-нибудь такое-эдакое! Молодчина Журавлихин. Мол-лодчина!

Так ликовал начальник губернии, а в это же самое время вице-губернатор слушал с ужасом доклад одного из своих подчиненных. Докладывалось о том, как начальник тюрьмы вывез ночью из города всех арестантов, на что по закону ни малейшего права не имел, что явно нарушает закон и должно немедленно повлечь надлежащее наказание.

Вице-губернатор поскакал к губернатору.

Тот встретил его словами:

— Мол-лодчина у меня Журавлихин! Надо ему что-нибудь такое-эдакое. Непременно надо! Мол-лодчина!

Вице-губернатор опешил.

— Да знаете ли вы, ваше превосходительство, что он вчера ночью сделал? Он противозаконно вывез всех арестантов из города! Ведь это же нарушение закона!

— О? — удивился губернатор.— Нарушение закона? Да как же он мне смел! Да я его за это и так и эдак! Позвать сюда Журавлихина!

И Журавлихин получил такой разнос, что потом два дня ставил припарки к печени.

Через несколько дней встречается губернатор с железнодорожником. В разговоре жалуется на нервное расстройство.

— Покою нет! Тут еще Журавлихин, кажется, по вашей же милости, набезобразничал. Вывез ночью арестантов из города! Изволите ли видеть, фокусник какой нашелся!

Железнодорожник удивился.

— Да что вы! Какое же здесь противозаконие! Ведь он же вез в арестантском вагоне и под конвоем. А арестантский вагон — это та же тюрьма.

— О? — обрадовался губернатор.— Та же тюрьма? Молодчина у меня Журавлихин, вот-то молодчина! Нужно ему непременно что-нибудь такое-эдакое! Конечно, арестантский вагон — та же тюрьма. Окна с решетками! Мол-лод-чина! Позвать сюда Журавлихина!

Не прошло и недели, как вице-губернатор, обеспокоенный равнодушной медлительностью своего начальника в столь вопиющем деле, как нарушение закона Журавлихиным, напомнил губернатору об этой печальной истории.

Но тот встретил его насмешливым хохотом.

— Никакого тут закона не нарушено. Арестантский вагон — та же тюрьма, а Журавлихин молодчина! Позвать его сюда.

Но вице-губернатор не уступал:

— По закону арестант не может отходить от своей тюрьмы дальше чем на строго определенное количество саженей. А они там по всему пути разбрелись! При чем же здесь вагон! Ведь они не в вагоне сидели, когда поезд откапывали.

Губернатор приуныл.

— Подлец Журавлихин. И как он это смел! Позвать его сюда!

Недели через две приезжает к губернатору влиятельный генерал.

Рассказывает, как его занесло в поезде снегом, и если бы не распорядительность начальника тюрьмы, то, наверное, все пассажиры погибли бы. Рассыпался в похвалах Журавлихину, просил его отличить и отметить.

Генерал был очень важный, и губернатор отмяк снова.

— Да, действительно, Журавлихин молодец! Я и сам думал, что ему нужно что-нибудь такое-эдакое. Позвать сюда Журавлихина!

Так время шло, судьба пряла свою нить, поворачиваясь к Журавлихину то лбом, то затылком. И Жура-

влихин не жаловался. Так, ребенок, которого по системе Кнейпа перекладывают из холодной воды в горячую и потом опять в холодную, или умирает, или настолько великолепно закаляется, что уж его ничем не доймешь. Журавлихин закалился.

Но сам губернатор, переходя постоянно от восторга к раздражению, совсем измочалил свою душу и стал быстро хиреть.

Даже предаваясь мирным домашним развлечениям, он не мог оторвать мысли от журавлихинского дела и, в зависимости от положения этого дела, все время приговаривал:

— Нет, как он мне смел! Позвать его сюда!

Или:

— Нужно ему что-нибудь такое-эдакое. Молодчина Журавлихин!

Играя в карты, он вдруг с удивлением впирался взором в какого-нибудь валета и недоуменно шептал:

— Нет, как он мне смел!

Или лихо козырял, припевая:

— Молодчина!

Затем последовала катастрофа.

Он увидел у знакомых в клетке попугая.

Птица качалась вниз головой и повторяла попеременно то: — Попка, дур-рак! То: — Дайте попочке сахару.

Какая-то смутная, подсознательная мысль колыхнула душу губернатора туманной ассоциацией. Он сел и вдруг заплакал.

— Как смеют так мучить птицу! Ведь и птица тоже человек! Тоже млекопитающийся!

И вышел в отставку, с мундиром и всеми к нему принадлежностями.

Таков седой факт, иллюстрирующий все трудности и все ужасы обязательного по долгу службы, категорического суждения.

АЭРОДРОМ

Петербург ходит, задрав голову кверху.

Приезжий иностранец, наверное, подумал бы:

— Какая гордая нация.

Или:

— Не ищут ли они там, за звездами, чтоб погибнуть?

Э, нет! Не ищут! Просто знают, что французы летать приехали — ну, и надеются, не залетят ли, мол, сюда на улицу, чтоб на даровщинку поглазеть.

Каждый день, начиная с двух часов, огромная толпа бежит, едет, идет и ползет по направлению к аэродрому. Полеты начинаются (если только начинаются) в пять, но многие любят прийти с запасцем; часы в России считаются машинкой ненадежной и шаловливой и любят подурачить честной народ. Иногда посмотришь: на Николаевском вокзале стрелка показывает десять часов утра, а на соседней колокольне восемь вечера.

На аэродроме веселятся, как умеют: ругают буфет, ругают ветер, ругают солнце, ругают дождь, облака, холод, жару, воздух,— ругают всю природу во всех ее атмосферических проявлениях и уныло смотрят на дощатые ангары, около которых суетятся тонконогие французы и избранная аэроклубом публика.

Выдвинут из ангара длинную зыбкую машину, похожую не то на сеялку, не то на веялку, потрещат винтом, поссорятся и снова тащат ее на место. А публика бежит из буфета и, ругая бутерброды, спрашивает, кто полетел.

Посреди круга — палка с флагом.

Долго мучились, придумывая цвета. За границей, если полет отменяется, выкидывают красный. У нас — полиция запретила.

— Это еще что за марсельеза!

Черный тоже нельзя.

— Террориста радовать? А?

И желтый неудобно:

— Кто его знает, что он там значит!

Решили остановиться на цвете bleu gendarme. Успокоительный цвет. Состоится полет, выкидывают bleu gendarme посветлее. Не состоится — потемнее.

Смотрит публика и ничего не понимает. Пойди, растолкуй им разницу между голубым и синим.

Но вот завертелся винт, зашипел, загудел. Пыль столбом. Еще минутка,— и полетела сеялка-веялка.

Смотрят, рты разинули. Некоторые переглядываются, улыбаясь, точно увидели, как рыба гуляет на хвосте.

Минут через десять удивление проходит, и начинается критика:

— Очень это еще все несовершенно!

— Летают, летают, даже надоело!

— Я, знаете, хочу потребовать деньги обратно.

На полянке, где ждут извозчики и стоит бесплатная публика, критика еще строже.

— Видал, как энтот полетел?

— Есть чего смотреть-то! Я думал и вправду машина полетит. А он взял четыре палки, натянул холстину, да и все тут. Эдак-то и каждый полетит.

— И ты полетишь?

— Мне нельзя: я при лошади.

— А кабы не лошадь, так полетел бы?

— Отвяжись ты, окаянный ты человек!

— А что, Григорий, видал, как люди нынче летать стали?

— Лю-у-ди? Где же они летают?

— Как где? Да, вон, сейчас летел.

— Барин летел, а ты говоришь люди. Чего барину не полететь,— народ обеспеченный.

— Летают? А пусть себе летают. Мне-то что!

Волнуются и спрашивают о мнении больше интеллигенты. Мужики и извозчики чрезвычайно равнодушны.

Посмотрит сонными глазами на парящего Фармана и сплюнет с таким видом, точно у себя в Замякишне и не такие штуки видывал.

В середину круга,— к ангарам, аппаратам и тонконогим французам,— попасть очень трудно.

Нужна особая протекция.

Один инженер, набравшись храбрости, рискнул и перешел заколдованную черту.

Не успел он сделать десяти шагов, как к нему подошел какой-то полный господин, иностранного покроя, очевидно, один из участников воздушного дела, и, вежливо поклонившись, что-то спросил по-немецки.

Инженер этого языка не знал и ответил по-французски, что очень просит разрешить ему посмотреть поближе машины, так как он сам специалист и очень авиатикой интересуется.

Но полный немец не понимал по-французски и снова сказал что-то по-немецки и грустно покачал головой.

Инженер понял, что немец и рад бы был пропустить его, но не может, так как это будет против правил. Он вздохнул, извинился, развел руками и вернулся на свое место. Немец тоже исчез.

Когда полет окончился и публика стала расходиться, инженер снова увидел своего немца. Тот сидел на автомобиле и ласково указывал свободное место около себя, предлагая подвезти.

— Какой любезный народ эти иностранцы,— подумал инженер и с радостью воспользовался предложением, тем более что при разъезде с аэродрома очень трудно разыскать своего извозчика. Все они, позабыв свой номер и свое имя, пялят глаза на небо.

Разговаривая больше жестами и любезными улыбками, инженер и немец делились впечатлениями дня. Русские вообще как-то слащаво жентильничают с иностранцами, в особенности если говорят на чужом языке, и непременно скажут «pardon» там, где по-русски привычно и верно звучит: «О, чтоб тебя!».

— Хе-хе! — радушничал немец, устраивая инженера поудобнее.

— Хе-хе! — деликатничал инженер, усаживаясь на самый краешек.

Так ехали они умиленно, весело и приятно, как вдруг на повороте немец высунулся вперед и крикнул шоферу:

— Забирай левее, братец, там будет посвободнее, а то, видишь сам, какая давка,— ни тпру, ни ну!

Так и отчеканил на чистейшем русском языке.

Инженер чуть не выскочил.

— Да ведь вы русский, черт вас...

— Господи! Да ведь и вы! Чего же вы дурака ломали! Я думал, что вы из самых главных французов! А вы...

— Так чего же вы меня из круга прогнали? — возмущался инженер.

— Я вас? Господь с вами! Это вы меня, а не я вас. Я подошел и вежливенько попросил позволения остаться, а вы все только руками разводили. И рад бы, мол, да не имею права. А я еще подумал: «Какой симпатичный, как бы не так строго, он бы меня пустил». Эх, вы!

— И вы тоже хороши! Обрадовались, что с французом на автомобиле едете!

— А вы не рады были, что вас воздушный немец везет! Эх, вы!

— И как же это вы не догадались?

— А вы отчего не догадались? Нашли тоже француза!

И долго, и горько они укоряли друг друга.

Вот какая печальная история разыгралась у нас на аэродроме.

Невольно возникает вопрос:

— Полезно ли воздухоплавание?

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

КОГДА РАК СВИСТНУЛ

Рождественский ужас

Елка догорела, гости разъехались.

Маленький Петя Жаботыкин старательно выдирал мочальный хвост у новой лошадки и прислушивался к разговору родителей, убиравших бусы и звезды, чтобы припрятать их до будущего года. А разговор был интересный:

— Последний раз делаю елку,— говорил папа-Жаботыкин.— Один расход и удовольствия никакого.

— Я думала, твой отец пришлет нам что-нибудь к празднику,— вставила maman-Жаботыкина.

— Да, черта с два! Пришлет, когда рак свистнет.

— А я думал, что он мне живую лошадку подарит,— поднял голову Петя.

— Да, черта с два! Когда рак свистнет.

Папа сидел, широко расставив ноги и опустив голову. Усы у него повисли, словно мокрые, бараньи глаза уныло уставились в одну точку.

Петя взглянул на отца и решил, что сейчас можно безопасно с ним побеседовать.

— Папа, отчего рак?

— Гм?

— Когда рак свистнет,— тогда, значит, все будет?

— Гм!..

— А когда он свистит?

Отец уже собрался было ответить откровенно на вопрос сына, но, вспомнив, что долг отца быть строгим, дал Пете легонький подзатыльник и сказал:

— Пошел спать, поросенок!

Петя спать пошел, но думать про рака не перестал. Напротив, мысль эта так засела у него в голове, что вся остальная жизнь утратила всякий интерес. Лошадки стояли с невыдранными хвостами, из заводного солдата пружина осталась невыломанной, в паяце пищалка сидела на своем месте — под ложечкой,— словом, всюду мерзость запустения. Потому что хозяину было не до этой ерунды. Он ходил и раздумывал, как бы так сделать, чтобы рак поскорее свистнул.

Пошел на кухню, посоветовался с кухаркой Секлетиньей. Она сказала:

— Не свистит, потому у него губов нетути. Как губу наростит, так и свистнет.

Больше ни она, ни кто-либо другой ничего объяснить не могли.

Стал Петя расти, стал больше задумываться.

— Почему-нибудь да говорят же, что коли свистнет, так все и исполнится, чего хочешь.

Если бы рачий свист был только символ невозможности, то почему же не говорят: «когда слон полетит» или «когда корова зачирикает». Нет! Здесь чувствуется глубокая народная мудрость. Этого дела так оставить нельзя. Рак свистнуть не может, потому что у него и легких-то нету. Пусть так! Но неужели же не может наука воздействовать на рачий организм и путем подбора и различных влияний заставить его обзавестись легкими.

Всю свою жизнь посвятил он этому вопросу. Занимался оккультизмом, чтобы уяснить себе мистическую связь между рачьим свистом и человеческим счастьем. Изучал строение рака, его жизнь, нравы, происхождение и возможности.

Женился, но счастлив не был. Он ненавидел жену за то, что та дышала легкими, которых у рака не было. Развелся с женой и всю остальную жизнь служил идее.

Умирая, сказал сыну:

— Сын мой! Слушайся моего завета. Работай для счастья ближних твоих. Изучай рачье телосложение, следи за раком, заставь его, мерзавца, изменить свою натуру. Оккультные науки открыли мне, что с каждым рачьим свистом будет исполняться одно из самых горячих и искренних человеческих желаний. Можешь ли ты теперь думать о чем-либо, кроме этого свиста, если ты не подлец? Близорукие людишки строят больницы и думают, что облагодетельствовали ближних. Конечно, это легче, чем изменить натуру рака. Но мы, мы — Жаботыкины, из поколения в поколение будем работать и добьемся своего!

Когда он умер, сын взял на себя продолжение отцовского дела. Над этим же работал и правнук его, а праправнук, находя, что в России трудно заниматься серьезной научной работой, переехал в Америку. Американцы не любят длинных имен и скоро перекрестили Жаботыкина в мистера Джеба, и, таким образом, эта славная линия совсем затерялась и скрылась от внимания русских родственников.

Прошло много, очень много лет. Многое на свете изменилось, но степень счастья человеческого осталась ровно в том же положении, в каком была в тот день, когда Петя Жаботыкин, выдирая у лошадки мочальный хвост, спрашивал:

— Папа, отчего рак?

По-прежнему люди желали больше, чем получали, и по-прежнему сгорали в своих несбыточных желаниях и мучились.

Но вот стало появляться в газетах странное воззвание:

«Люди! Готовьтесь! Труды многих поколений движутся к концу! Акционерное общество «Мистер Джеб энд компани» объявляет, что 25-го декабря сего года в первый раз свистнет рак, и исполнится самое горячее желание каждого из ста человек (1%). Готовьтесь!»

Сначала люди не придавали большого значения этому объявлению. «Вот, думали,— верно, какое-нибудь мошенничество. Какая-то американская фирма чудеса обещает, а все сведется к тому, чтобы прорекламировать новую ваксу. Знаем мы их!»

Но чем ближе подступал обещанный срок, тем чаще стали призадумываться над американской затеей, покачивали головой и высказывались надвое.

А когда новость подхватили газеты и поместили портрет великого изобретателя и снимок с его лаборатории во всех разрезах — никто уже не боялся признаться, что верит в грядущее чудо.

Вскоре появилось и изображение рака, который обещал свистнуть. Он был скорее похож на станового пристава из Юго-Западного края, чем на животное хладнокровное. Выпученные глаза, лихие усы, выражение лица бравое. Одет он был в какую-то вязаную куртку со шнурками, а хвост не то был спрятан в какую-то вату, не то его и вовсе не было.

Изображение это пользовалось большой популярностью. Его отпечатывали и на почтовых открытках, раскрашенное в самые фантастические цвета,— зеленый с голубыми глазами, лиловый в золотых блестках и т. д. Новая рябиновая водка носила ярлык с его портретом. Новый русский дирижабль имел его форму и пятился назад. Ни одна уважающая себя дама не позволяла себе надеть шляпу без рачьих клешней на гарнировке.

Осенью компания «Мистер Джеб энд компани» выпустила первые акции, которые так быстро пошли в гору, что самые солидные биржевые «зайцы» стали говорить о них почтительным шепотом.

Время шло, бежало, летело. В начале октября сорок две граммофонные фирмы выслали в Америку своих представителей, чтобы записать и обнародовать по всему миру первый рачий свист.

25-го декабря утром никто не заспался. Многие даже не ложились, высчитывая и споря, через сколько секунд может на нашем меридиане воздействовать свист, раздавшийся в Америке. Одни говорили, что для этого пойдет времени не больше, чем для электрической передачи. Другие кричали, что астральный ток быстрее электрического, а так как здесь дело идет, конечно, об астральном токе, а не о каком-нибудь другом, то и так далее.

С восьми часов утра улицы кишели народом. Конные городовые благодушно наседали на публику лошадиными задами, а публика радостно гудела и ждала.

Объявлено было, что тотчас по получении первой телеграммы дан будет пушечный выстрел.

Ждали, волновались. Восторженная молодежь громко ликовала, строя лучезарные планы. Скептики кряхтели и советовали лучше идти домой и позавтракать, потому что, само собой разумеется, ровно ничего не будет, и дураков валять довольно глупо.

Ровно в два часа дня раздался ясный и гулкий пушечный выстрел, и в ответ ему ахнули тысячи радостных вздохов.

Но тут произошло что-то странное, непредвиденное, необычное, что-то такое, в чем никто не смог и не захотел увидеть звена сковывавшей всех цепи: какой-то высокий толстый полковник вдруг стал както странно надуваться точно нарочно; он весь разбух, слился в продолговатый шар; вот затрещало пальто, треснул шов на спине, и, словно радуясь, что преодолел неприятное препятствие, полковник звонко лопнул и разлетелся брызгами во все стороны.

Толпа шарахнулась. Многие, взвизгнув, бросились бежать.

— Что такое? Что же это?

Бледный солдатик, криво улыбаясь трясущимися губами, почесал за ухом и махнул рукой:

— Вяжи, ребята! Мой грех! Я ему пожелал: «чтоб те лопнуть!»

Но никто не слушал и не трогал его, потому что все в ужасе смотрели на дико визжавшую длинную старуху в лисьей ротонде; она вдруг закружилась и на глазах у всех словно юркнула в землю.

— Провалилась, подлая! — напутственно прошамкали чьи-то губы.

Безумная паника охватила толпу. Бежали, сами не зная куда, опрокидывая и топча друг друга. Слышался предсмертный храп двух баб, подавившихся собственными языками, а над ними громкий вой старика:

— Бейте меня, православные! Моя волюшка в энтих бабах дохнет!

Жуткая ночь сменила кошмарный вечер. Никто не спал. Вспоминали собственные черные желания и ждали исполнения над собою чужих желаний.

Люди гибли как мухи. В целом свете только одна какая-то девчонка в Северной Гвинее выиграла от рачьего свиста: у нее прошел насморк по желанию тетки, которой она надоела беспрерывным чиханьем. Все остальные добрые желания (если только они были) оказались слишком вялыми и холодными, чтобы рак мог насвистать их исполнение.

Человечество быстрыми шагами шло к гибели и погибло бы окончательно, если бы не жадность «Мистера Джеба энд компани», которые, желая еще более вздуть свои акции, переутомили рака, понуждая его к непосильному свисту электрическим раздражением и специальными пилюлями.

Рак сдох.

На могильном памятнике его (работы знаменитого скульптора по премированной модели) напечатана надпись:

«Здесь покоится свистнувший экземпляр рака — собственность «Мистера Джеба энд компани», утоливший души человеческие и насытивший пламеннейшие их желания.

— Не просыпайся!»

ПРОШУ СЛОВА!

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ РЕФЕРЕНДУМ

«ОГОНЕК» — НАРОДНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Редакция продолжает публиковать мнения читателей о путях перестройки журнала, о переходе на хозрасчет, превращении издания в подлинно народное предприятие.

ХОЗРАСЧЁТ ДЛЯ "ОГОНЬКА"

Взяться за перо меня вынуждают отчаянное письмо пермских инвалидов («Огонек» № 40) и сотни подобных писем со всех концов страны.

Более 300 тысяч человек в РСФСР ежегодно переходят на инвалидность, треть из них моложе 40 лет. Растет число детей — инвалидов от рождения. В Минсобесе наверняка немало работников, которые могли бы рассказать Вам, как они совсем не так давно преследовали неформальные объединения инвалидов. Но теперь неугодных и неудобных не отправишь в специнтернат-тюрьму, как сделали в свое время с моим другом Г. Гуськовым, основателем первой в стране хозрасчетной мастерской для инвалидов, чей опыт уникален и не имеет аналогов в мире.

Времена изменились. Вы новый человек и действовать пытаетесь новыми методами. Только отношение к отдельным инвалидам пока осталось прежним: отвлеченно-безразличным. Пусть простятся мне резкие слова, но собесовская практика абстрагированного конторского милосердия должна кончиться.

Сейчас идут сложнейшие процессы, ожесточается разочарованный народ, торжествуют безразличие и агрессия. Подобная атмосфера не способствует милосердию. Инвалиды это чувствуют больнее всего.

Конечно, можно развернуть кампанию милосердия. Можно привезти из-за границы купленные на валюту импортные коляски, оборудование для центров по реабилитации «афганцев». Все это хорошо. Но только сами ребята видят, что их судьба — рано или поздно оказаться там, где

В № 35 «Колонка редактора» посвящена проблемам самого «Огонька»: коллектив редакции ставит вопрос о производственно-хозяйственной самостоятельности журнала, поскольку сейчас он входит в издательство «Правда».

Хочу рассмотреть проблему как юрист. Правомерно ли стремление «Огонька» стать самостоятельным «юридическим лицом»? Допустимо ли это с точки зрения закона, не противоречит ли действующему законодательству? И еще: может ли редакция требовать этого, есть ли у нее такое право?

Сначала о возможностях. Не буду сейчас развивать тему о крайне архаичной организации всего издательского дела и особенно выпуска периодических изданий. Для преобразования редакции в отдельную организацию ее нужно выделить, как говорит закон, «на самостоятельный баланс».

Такая возможность прямо предусмотрена действующим законодательством, поскольку соответствует двум необходимым условиям. Во-первых, продукция «Огонька» будет выступать на рынке, и, во-вторых, реализация продукции на рынке даст заработок, средства к существованию, обеспечит самоокупаемость и прибыль. Обоим названным условиям редакция «Огонька» отвечает. То есть с точки зрения хозяйственной нет никаких препятствий к тому, чтобы редакция стала самостоятельной, с правами «юридического лица».

Иногда отказ предоставить самостоятельность объясняется именно очень большими прибылями. Более высокой структуре нужны доходы для других ее звеньев, которые сами по себе убыточны, или для иных целей (видимо, именно так обстоит дело с «Огоньком»). Но такой мотив никак не может быть признан состоятельным, он противоречит смыслу хозяйственной реформы. Изъятие прибыли у организации может производиться только по точно определенному, стабильному нормативу. Лучше работаешь — больше остаток. Тогда создается материальная заинтересованность в более эффективной деятельности, иначе вся новая система хозяйствования идет насмарку.

При предоставлении самостоятельности, разумеется, возникают сложные проблемы, ведь рушатся старые связи. Например, с типографией. Сейчас все решается внутри одного издательства. Но возможны и другие схемы: например, договор редакции с типографией. Кстати, он может быть с установлением договорных цен, которые служат и перераспределению слишком больших прибылей. Если редакция становится самостоятельной, решение вопросов с типографией становится именно ее хозяйственной заботой: любой нерешенный вопрос такого рода может вести к утрате права на существование.

Система, при которой редакции журналов входят в состав издательств, соответствует условиям далекого прошлого, когда она и возникла. Тогда журналы были экономически слабыми, и их существование вне крупных издательств не было гарантировано. Все они казались на одно лицо, и за убытки одних приходилось расплачиваться прибылями других. (Они могли меняться местами. Или издательство находило иные источники финансирования.) Сейчас все радикально изменилось. Популярный, хорошо работающий журнал заслуживает экономического стимулирования. И для этого ему нужна хозяйственная самостоятельность. А плохо работающий, убыточный пусть перестанет существовать. Поэтому закрывать путь хозяйственной самостоятельности редакций — ошибка, снижающая эффективность идеологической работы. Видимо, одни журналы должны получить самостоятельность, другие — оставаться в составе издательства. Не надо все строить по одному ранжиру.

Вхождение журнала в состав издательства не установленный законом порядок, а фактически сложившееся положение вещей, закрепленное только ведомственным, подзаконным актом,— Типовым положением о журнале, утвержденным Госкомиздатом в 1984 году. Но и оно предусматривает возможность существования редакции на «самостоятельном балансе».

В гражданских кодексах союзных республик есть положения, по которым организациям, выпускающим в свет периодические издания, принадлежит авторское право на издание в целом. Кому конкретно, издательству? Но это огромная организация, основная часть которой не имеет никакого отношения к творческой работе по подготовке журнала. Гораздо логичнее закрепить авторские права за коллективом, который реально работает над журналом, создает его. И для этого также редакция должна стать хозяйственно самостоятельной, «юридическим лицом».

Во-вторых, есть и положения, прямо предусмотренные Законом СССР о государственном предприятии (объединении). Это поправка, специально внесенная Верховным Советом СССР 3 августа 1989 года в первоначальный текст. Абзац второй п. 7 ст. 5 Закона в новой редакции гласит: «Входящие в объединение структурные единицы и самостоятельные предприятия вправе по решению их трудовых коллективов выйти из состава объединения с соблюдением договорного порядка и обязательств, установленных при образовании объединения». Поскольку «Огонек» вошел в издательство «Правда» не по договору, положение, начинающееся со слов «с соблюдением», к нему не относится.

А вот остальное выглядит следующим образом. В соответствии с Законом редакция «Огонька« по решению трудового коллектива вправе выйти из объединения. Решение трудового коллектива здесь имеет обязательный характер. Никакого согласия вышестоящей организации не требуется.

Если быть абсолютно точным, существует одна формальная закавыка. Закон относится к государственным предприятиям и объединениям. А издательство «Правда» принадлежит общественной организации — ЦК КПСС. Тем не менее представляется, что принцип, установленный Законом, имеет более широкий смысл. Он отражает общие политические установки.

Не стоит сбрасывать со счетов и другую правовую форму, когда коллектив редакции заключал бы договор аренды с издательством.

И еще одно, заключительное соображение. Не надо смешивать хозяйственную самостоятельность журнала и возможности воздействия на редакцию по вопросам, связанным с его содержанием. Соотношение этих сфер правового статуса журнала может быть самым разным.

Постановление ЦК КПСС от 29 января 1966 года «Об оплате труда работников редакций журналов» предусматривает, что создание новых журналов, увеличение их объемов, изменение периодичности, реорганизация и ликвидация действующих производятся ЦК КПСС. Здесь речь идет о журнале как издании, а не о его хозяйственном статусе. Журнал остается прежний, существовавший ранее, меняются только условия его деятельности.

Принятое в 1989 году постановление ЦК КПСС «О некоторых вопросах перестройки центральной партийной печати» никак не меняет подхода к рассматриваемой проблеме. В нем идет речь лишь об открытии и закрытии газет и журналов как изданий, а не об их хозяйственном положении. Для «Огонька», находящегося на партийном бюджете, вообще все остается по-прежнему. Но сказанное действительно и для других журналов, решения о которых принимает теперь Госкомпечать.

Представляется, что соображения, высказанные в «Колонке редактора» журнала «Огонек», заслуживают всяческого внимания. Они основаны на принципах, определяющих дух и букву современного законодательства. Поэтому с юридической точки зрения позиция, занимаемая «Огоньком», заслуживает безусловной поддержки.

В. А. ДОЗОРЦЕВ,
доктор юридических наук,
профессор

МИЛОСЕРДИЕ ПО РАЗНАРЯДКЕ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МИНИСТРУ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РСФСР В. А. КАЗНАЧЕЕВУ

находятся 25 миллионов инвалидов страны,— на обочине жизни, где нет надежды получить нормальную работу, квалифицированное лечение, сносные бытовые условия.

Нельзя вести милосердие по указке. Ни Всероссийское общество инвалидов, ни Минсобес РСФСР не сделали ничего для активного участия во Всемирной программе действий в отношении инвалидов, принятой ООН еще в 1983 году.

Проигнорированы «Декларация прав инвалидов», «Руководство по обеспечению равных возможностей для инвалидов», подготовленные секретариатом ООН, где суммируются опыт и достижения различных стран. А в нашей стране нет единой программы действий, нет системного видения проблем. И виноватых как бы нет, как нет и персональной ответственности ваших работников. Куда идут народные отчисления и взносы? Возмущение и недоумение в среде инвалидов нарастают.

Очень грустно читать интервью с Вами. Что ни слово — поиск виноватых, попытка переложить вину на других. Зато с каким удовольствием Вы говорите: «Ставим вопрос о создании жилищно-производственных комплексов». Извините, но это я перед Вами ставлю этот вопрос более года. У нас — около тысячи заявлений инвалидов, собраны деньги на проект, работает инициативная группа. Нужна только обещанная Вами поддержка, но ее нет и, видимо, не предвидится.

Создали ВОИ, но фактически организации, защищающей инвалидов, нет. Из 100 тысяч инвалидов Куйбышевской области вступили в общество не более 8—9 процентов. Зато есть административный аппарат, чья деятельность по защите интересов инвалидов — фикция. Общество это, созданное сверху, там, наверху, и осталось, тесно сплетясь с минсобесовской структурой.

Самостоятельность инвалидов означает конец самоуправству и самовластию нынешней системы социального обеспечения. Именно ваше ведомство разъединило инвалидов барьерами многочисленных правлений: в Тольятти на 12 тысяч человек их три, где люди «числятся» не по заболеваниям, не по сути своих проблем, а по территориям, контролируемым собесами. ВОИ буквально пронизано фатальной некомпетентностью чиновников, которых назначили руководить, не сообразуясь с их умением и квалификацией. Эти люди, нежданно-негаданно попавшие на руководящую работу, не владеют знаниями, опытом. Они руководят делом, плохо в нем разбираясь. Они узурпировали монополию на право распоряжаться средствами, пользоваться привилегиями, присваивать возможности, представительствовать на разных уровнях, пользуясь оторванностью основной массы инвалидов от участия в делах. Неудивительно, что в глазах ваших инспекторов я — на общем фоне — выгляжу «белой вороной»: отказался получать зарплату из добровольных пожертвований (таково было очередное нелепое решение сверху).

В результате в инвалидном движении оказались не нужны бескорыстные интеллигенты, профессионально подготовленные специалисты; не востребованы идеи, опыт, накопленный по всей стране благодаря тяжким усилиям энтузиастов, многие из которых поплатились за свою инициативу, энергию, мужество. Они удалены от дел, выброшены из правлений. Не ко двору новаторы среди привычной рутины.

Не случайно Вы умалчиваете о том, что инвалиды не хотят больше ждать и сами создают собственные организации, такие, как наш фонд помощи детям-инвалидам имени великого гуманиста Я. Корчака. Единственная в стране независимая организация, взявшая на себя программу реабилитации полного жизненного цикла инвалида от рождения.

Надо что-то делать, а не только говорить. Положение инвалидов не просто катастрофично, оскорбительно — оно унизительно.

Общество, уходящее от страха, латающее дыры и прорехи везде и всюду — от экономики до политики,— не готово мгновенно встать на путь благотворительности. Необходимо сконцентрировать усилия на создании самоуправляемой хозрасчетной индустрии милосердия (да простится мне это сочетание), на организации системы самообеспечения инвалидов. Говорю об этом не голословно. Здесь, в Тольятти, мы добились многого. И вы знаете об этом. Вам известно и то, как и почему мешают нам. Но речь не обо мне. Распыляется трудовой потенциал инвалидов по мелким кустарным работенкам, где убогие условия, жалкий приработок, а для большинства и такая работа — несбыточная мечта.

Инвалиды готовы к серьезным делам, к современным технологиям, к рентабельности собственных производств. Готовы выйти на качественно новый уровень, приносить прибыль и, значит, не клянчить милостыню, а строить для себя, создавать все необходимое для нормальной человеческой жизни.

Перестройка ищет новые формы развития. Нельзя сейчас отмахнуться от активности снизу, провозглашенное Вами ВОИ должно стать союзом, ассоциацией инвалидных обществ, объединившихся ради единой цели на кооперативной или акционерной основе, со своим банком «Милосердие» для финансирования крупных программ. Тогда оно приобретет абсолютную самостоятельность во всех отношениях, и каждый инвалид — независимо от его состояния и места проживания — почувствует, что он не одинок, не заброшен, что его проблемы решает его организация. Построить такое общество можно. Помогайте только, товарищ министр!

С. ДЬЯЧКОВ,
социолог,
инвалид 1-й группы
Тольятти Куйбышевской области

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Александр ОРЛОВ

В общем, Сталин и Ягода нуждались друг в друге. Это был союз, в котором не находилось места третьему партнеру. Их связывали жуткие тайны, преступления и ненависть, испытываемая народом к тому и другому. Ягода был верным сторожевым псом Сталина: охраняя его власть, он защищал и собственное благополучие.

Члены Политбюро еще помнили то время, когда они решались открыто выступать против Ягоды. Они пытались тогда уговорить Сталина убрать Ягоду, а на столь важный пост назначить кого-либо из них. Мне, например, известно, что в 1932 году занять этот пост жаждал Каганович. Однако Сталин отказался уступить членам Политбюро такой мощный рычаг своей единоличной диктатуры. Он хотел пользоваться им в одиночку. НКВД должен был оставаться в его руках слепым орудием, которое в критическую минуту можно было бы обратить против любой части ЦК и Политбюро.

Настраивая Сталина против Ягоды, Каганович и некоторые другие члены Политбюро пытались внушить ему, что Ягода — это Фуше российской революции. Имелся в виду Жозеф Фуше, знаменитый министр полиции в эпоху Французской революции, который последовательно служил Революции, Директории, Наполеону, Людовику Восемнадцатому, не будучи лояльным ни к одному из этих режимов. Эта историческая параллель, по мнению Кагановича, должна была возбудить в Сталине нехорошие предчувствия и побудить его убрать Ягоду. Кстати, именно Каганович коварно присвоил Ягоде кличку «Фуше». В Москве как раз был опубликован перевод талантливой книги Стефана Цвейга, посвященной французскому министру полиции; книга была замечена в Кремле и произвела впечатление на Сталина. Ягода знал, что Каганович прозвал его «Фуше», и был этим изрядно раздосадован. Он предпринимал немало попыток задобрить Кагановича и установить с ним дружеские отношения, но не преуспел в этом.

Припоминаю, каким забавным тщеславием дышала физиономия Ягоды всего за три-четыре месяца до его неожиданного смещения с поста наркома внутренних дел (он был назначен наркомом связи, а вскоре после этого арестован). Ягода не только не предвидел, что произойдет с ним в ближайшее время, напротив, он никогда не чувствовал себя так уверенно, как тогда, летом 1936 года. Ведь только что он оказал Сталину самую большую из всех услуг: подготовил суд над Зиновьевым и Каменевым и «подверстал» к ним других близких ленинских соратников.

В 1936 году карьера Ягоды достигла зенита. Весной он получил приравненное к маршальскому звание генерального комиссара государственной безопасности и новый военный мундир, придуманный специально для него. Сталин оказал Ягоде и вовсе небывалую честь: он пригласил его занять квартиру в Кремле. Это свидетельствует о том, что он ввел Ягоду в тесный круг своих приближенных, к которому принадлежали только члены Политбюро...

То, что Ягода стал обитателем Кремля, обсуждалось в высших сферах как большое политическое событие. Ни у кого не оставалось сомнений, что над Кремлем взошла новая звезда.

В кругу сотрудников НКВД рассказывали такую историю. Сталин был будто бы так доволен капитуляцией Зиновьева с Каменевым, что сказал Ягоде: «Сегодня вы заслужили место в Политбюро». Это означало, что на ближайшем съезде Ягода станет кандидатом в члены Политбюро.

Не знаю, как себя чувствовали в подобных ситуациях старые лисы Фуше или Макиавелли. Предвидели ли они грозу, которая сгущалась над их головами, чтобы смести их через немногие месяцы? Зато мне хорошо известно, что Ягода, встречавшийся со Сталиным каждый день, не мог прочесть в его глазах ничего такого, что давало бы основания для тревоги. Напротив, Ягоде казалось, что он как никогда близок к давней своей цели. Пока члены Политбюро смотрели на него сверху вниз и держались с ним отчужденно — теперь им придется потесниться и дать ему место рядом с собой как равному.

Ягода был так воодушевлен, что начал работать с энергией, необычной даже для него, стремясь еще больше усовершенствовать аппарат НКВД и придать ему еще больший внешний блеск. Он распорядился ускорить работы по сооружению канала Москва — Волга, надеясь, что канал, построенный силами заключенных под руководством НКВД, назовут его именем. Тут было нечто большее, чем просто тщеславие: Ягода рассчитывал «сравняться» с Кагановичем, именем которого был назван московский метрополитен.

Легкомыслие, проявляемое Ягодой в эти месяцы, доходило до смешного. Он увлекся переодеванием сотрудников НКВД в новую форму с золотыми и серебряными галунами и одновременно работал над уставом, регламентирующим правила поведения и этикета энкаведистов. Только что введя в своем ведомстве новую форму, он не успокоился на этом и решил ввести суперформу для высших чинов НКВД: белый габардиновый китель с золотым шитьем, голубые брюки и лакированные ботинки. Поскольку лакированная кожа в СССР не изготовлялась, Ягода приказал выписать ее из-за границы. Главным украшением этой суперформы должен был стать небольшой позолоченный кортик наподобие того, какой носили до революции офицеры военно-морского флота.

Ягода далее распорядился, чтобы смена энкаведистских караулов происходила на виду у публики, с помпой, под музыку, как это было принято в царской лейб-гвардии. Он интересовался уставами царских гвардейских полков и, подражая им, издал ряд совершенно дурацких приказов, относящихся к правилам поведения сотрудников и взаимоотношениям между подчиненными и вышестоящими. Люди, еще вчера находившиеся в товарищеских отношениях, теперь должны были вытягиваться друг перед другом, как механические солдатики. Щелканье каблуками, лихое отдавание чести, лаконичные и почтительные ответы на вопросы вышестоящих — вот что отныне почиталось за обязательные признаки образцового чекиста и коммуниста.

Все это было лишь началом целого ряда новшеств, вводимых в НКВД и, кстати, в Красной Армии тоже. Цель была одна: дать понять трудящимся Советского Союза, что революция, со всеми ее соблазнительными обещаниями, завершилась и что сталинский режим придавил страну так же основательно и прочно, как династия Романовых, продержавшаяся три столетия.

Нетрудно представить себе, что почувствовал Ягода, когда рука неверной судьбы низвергла его с вершины власти и втолкнула в одну из бесчисленных тюремных камер, где годами томились тысячи ни в чем не повинных людей. Охраняя власть диктатора и скрупулезно следуя сталинской карательной политике, Ягода подписывал приговоры этим людям, даже не считая нужным взглянуть на них. Теперь ему самому было суждено проделать путь своих бесчисленных жертв.

Ягода был так потрясен арестом, что напоминал укрощенного зверя, который никак не может привыкнуть к клетке. Он безостановочно мерил шагами пол своей камеры, потерял способность спать и не мог есть. Когда же новому наркому внутренних дел Ежову донесли, что Ягода разговаривает сам с собой, тот встревожился и послал к нему врача.

Опасаясь, что Ягода потеряет рассудок и будет непригоден для судебного спектакля, Ежов попросил Слуцкого (который тогда еще оставался начальником Иностранного управления НКВД) время от времени навещать Ягоду в его камере. Ягода обрадовался приходу Слуцкого. Тот обладал способностью имитировать любое человеческое чувство, но на этот раз он, похоже, действительно сочувствовал Ягоде и даже искренне пустил слезу, впрочем, не забывая фиксировать каждое слово арестованного, чтобы потом все передать Ежову. Ягода, конечно, понимал, что Слуцкий пришел не по собственной воле, но это, в сущности, ничего не меняло. Ягода мог быть уверен в одном: Слуцкий, сам опасавшийся за свое будущее, чувствовал бы себя гораздо счастливее, если бы начальником над ним был не Ежов, а по-прежнему он, Ягода. Лучше бы Слуцкому навещать здесь, в тюремной камере, Ежова...

Ягода не таился перед Слуцким. Он откровенно обрисовал ему свое безвыходное положение и горько пожаловался, что Ежов за несколько месяцев развалил такую чудесную машину НКВД, над созданием которой ему пришлось трудиться целых пятнадцать лет.

Во время одного из этих свиданий, как-то вечером, когда Слуцкий уже собирался уходить, Ягода сказал ему:

— Можешь написать в своем докладе Ежову, что я говорю: «Наверное, Бог все-таки существует!»

— Что такое? — удивленно переспросил Слуцкий, слегка растерявшись от бестактного упоминания о «докладе Ежову».

— Очень просто,— ответил Ягода то ли серьезно, то ли в шутку.— От Сталина я не заслужил ничего, кроме благодарности за верную службу; от Бога я должен был заслужить самое суровое наказание за то, что тысячу раз нарушал его заповеди. Теперь погляди, где я нахожусь, и суди сам: есть Бог или нет...

«МЕДИЦИНСКОЕ» УБИЙСТВО: СМЕРТЬ ГОРЬКОГО

На третьем московском процессе Сталин дал ответ тем зарубежным критикам, которые все упорнее ставили один и тот же каверзный вопрос: как объяснить тот факт, что десятки тщательно организованных террористических групп, о которых столько говорилось на обоих первых процессах, смогли совершить лишь один-единственный террористический акт — убийство Кирова?

Сталин понимал, что этот вопрос попадает в самую точку: действительно, факт одного лишь убийства был слабым местом всего грандиозного судебного спектакля. Уйти от этого вопроса было невозможно. Ну что ж, он, Сталин, примет вызов и ответит критикам. Чем? Новой легендой, которую он вложит в уста подсудимых на третьем московском процессе.

Итак, чтобы достойно ответить на вызов, Сталин должен был указать поименно тех руководителей, которые погублены заговорщиками. Однако как их найти? За последние двадцать лет народу было сообщено только об одном террористическом акте — все о том же убийстве Кирова. Для тех, кто хотел бы проследить, как действовал изощренный сталинский мозг, едва ли мог представиться более подходящий случай, чем этот. Посмотрим, как Сталин разрешил эту проблему и как она была преподнесена суду.

Между 1934 и 1936 годами в Советском Союзе умерло естественной смертью несколько видных политических деятелей. Самыми известными из них были член Политбюро Куйбышев и председатель ОГПУ Менжинский. В тот же период умерли А. М. Горький и его сын Максим Пешков. Сталин решил использовать эти четыре смерти. Хотя Горький не был членом правительства и не входил в Политбюро, Сталин и его хотел изобразить жертвой террористической деятельности заговорщиков, надеясь, что это злодеяние вызовет возмущение народа, направленное против обвиняемых...

Продолжение. См. «Огонек» №№46—49.

Такова была та коварная уловка, к которой прибег Сталин.

Куйбышева, Менжинского и Горького лечили трое известных врачей: 66-летний профессор Плетнев, старший консультант Медицинского управления Кремля Левин и широко известный в Москве врач Казаков.

Сталин с Ежовым решили передать всех троих в руки следователей НКВД, где их заставят сознаться, что по требованию руководителей заговора они применяли неправильное лечение, которое заведомо должно было привести к смерти Куйбышева, Менжинского и Горького.

Однако врачи не были членами партии. Их не обучали партийной дисциплине и диалектике лжи. Они все еще придерживались устаревшей буржуазной морали и превыше всех директив Политбюро чтили заповеди: не убий и не лжесвидетельствуй. В общем, они могли отказаться говорить на суде, что они убили своих пациентов, коль скоро в действительности они этого не делали.

Ежов вынужден был считаться с этим. Он решил сломить сначала волю одного из врачей и в дальнейшем использовать его показания для давления на остальных.

Он остановил свой выбор на профессоре Плетневе, наиболее выдающемся в СССР кардиологе, именем которого был назван ряд больниц и медицинских учреждений. Чтобы деморализовать Плетнева еще до начала так называемого следствия, Ежов прибег к коварному приему. К профессору в качестве пациентки была послана молодая женщина, обычно используемая НКВД для втягивания сотрудников иностранных миссий в пьяные кутежи. После одного или двух посещений профессора она подняла шум, бросилась в прокуратуру и заявила, что три года назад Плетнев, принимая ее у себя дома, в пароксизме сладострастия набросился на нее и укусил за грудь.

Не имея понятия о том, что пациентка была подослана НКВД, Плетнев недоумевал, что могло заставить ее таким образом оклеветать его. На очной ставке он пытался получить от нее хоть какие-нибудь объяснения столь странного поступка, однако она продолжала упорно повторять свою версию. Профессор обратился с письмом к членам правительства, которых лечил, написал также женам влиятельных персон, чьих детей ему доводилось спасать от смерти. Он умолял помочь восстановить истину. Никто, однако, не отозвался. Между тем инквизиторы из НКВД молча наблюдали за этими конвульсиями старого профессора, превратившегося в их подопытного кролика.

Дело было направлено в суд, который состоялся под председательством одного из ветеранов НКВД. На суде Плетнев настаивал на своей невиновности, ссылался на свою безупречную врачебную деятельность в течение сорока лет, на свои научные достижения. Все это никого не интересовало. Суд признал его виновным и приговорил к длительному тюремному заключению. Советские газеты, обычно не сообщающие о подобных происшествиях, на сей раз уделили «садисту Плетневу» совершенно исключительное внимание. На протяжении июня 1937 года в газетах почти ежедневно появлялись резолюции медицинских учреждений из различных городов, поносившие профессора Плетнева, опозорившего советскую медицину. Ряд резолюций такого рода был подписан близкими друзьями и бывшими учениками профессора — об этом позаботился всемогущий НКВД.

Плетнев был в отчаянии. В таком состоянии, разбитый и обесчещенный, он был передан в руки энкаведистских следователей, где его ожидало еще нечто худшее.

Помимо профессора Плетнева, были арестованы еще два врача — Левин и Казаков. Левин, как уже упоминалось, был старшим консультантом Медуправления Кремля, ответственным за лечение всех членов Политбюро и правительства. Организаторы предстоящего судебного процесса были намерены представить его главным помощником Ягоды по части «медицинских убийств», а профессору Плетневу и Казакову отвести роли левинских соучастников.

Доктору Левину было около семидесяти лет. У него было несколько сыновей и множество внуков — очень кстати, поскольку все они рассматривались НКВД как фактические заложники. В страхе за их судьбу Левин готов был сознаться во всем, что только угодно властям. Перед тем, как с Левиным случилось это несчастье, его привилегированное положение кремлевского врача было предметом зависти многих его коллег. Он лечил жен и детей членов Политбюро, лечил самого Сталина и его единственную дочь Светлану. Но теперь, когда он попал в жернова НКВД, никто не протянул ему руку помощи. Много влиятельных пациентов было и у Казакова, однако его положение являлось столь же безнадежным.

Согласно легенде, состряпанной Сталиным при участии Ежова, Ягода вызывал этих врачей в свой кабинет, каждого поодиночке, и путем угроз добивался от них, чтобы они неправильным лечением сводили в могилу своих знаменитых пациентов — Куйбышева, Менжинского и Горького. Из страха перед Ягодой врачи будто бы повиновались.

Эта легенда столь абсурдна, что для ее опровержения достаточно поставить один-единственный вопрос: зачем этим врачам, пользующимся всеобщим уважением, надо было совершать убийства, требуемые Ягодой? Им достаточно было предупредить о замыслах Ягоды своих влиятельных пациентов, и те сразу сообщили бы Сталину и правительству. Мало того, у врачей была возможность рассказать о планах Ягоды не только намечаемым жертвам, но и непосредственно Политбюро. Профессор Плетнев, скажем, мог обратиться к Молотову, которого он лечил, а Левин, работающий в Кремле,— даже к самому Сталину.

Вышинский оказался не в состоянии предъявить суду ни единого доказательства вины врачей. Разумеется, сами они легко могли опровергнуть обвинения в убийстве, тем не менее они поддержали Вышинского и заявили на суде, что по требованию руководителей заговора действительно применяли хоть и надлежащие лекарства, но таким образом, чтобы вызвать скорейшую смерть своих высокопоставленных пациентов. Иных показаний ждать не приходилось — обвиняемым внушили, что их спасение не в отрицании своей вины, а, напротив, в полном признании и раскаянии.

Так три беспартийных и совершенно аполитичных врача были использованы для того, чтобы подправить давнюю сталинскую версию и убедить мир, что террористам удалось не одно лишь убийство Кирова.

Во всей этой фантастической истории наибольший интерес, с точки зрения анализа фальсификаторского таланта Сталина, представляет легенда об убийстве Горького.

Сталину было важно представить Горького жертвой убийц из троцкистско-зиновьевского блока не только ради возбуждения народной ненависти к этим людям, но и ради укрепления собственного престижа: получалось, что Горький, «великий гуманист», был близким другом Сталина и — уже в силу этого — непримиримым врагом тех, кто был уничтожен в результате московских процессов.

Мало того, Сталин пытался изобразить Горького не только своим близким другом, но и страстным защитником сталинской политики. Этот мотив прозвучал в «признаниях» всех обвиняемых на третьем московском процессе. Например, Левин привел следующие слова Ягоды, объясняющие, почему заговорщикам необходима была смерть Горького: «Алексей Максимович — человек, стоящий очень близко к высшему руководству партии, человек, одобряющий политику, которая проводится в стране, преданный лично Иосифу Виссарионовичу Сталину»...

Эта «тесная дружба» отнюдь не без особых на то причин постоянно подчеркивалась на суде и обвиняемыми, и их защитниками, и прокурором. Сталин чрезвычайно нуждался в создании такого впечатления. После двух лет массового террора моральный авторитет Сталина, и без того не слишком высокий, совсем упал. В глазах собственного народа Сталин предстал в своем истинном обличье — жестокий убийца, запятнавший себя кровью лучших людей страны. Он это понимал и спешил прикрыться огромным моральным авторитетом Горького, якобы дружившего с ним и горячо поддерживавшего его политику.

В дореволюционной России Горький пользовался репутацией защитника угнетенных и мужественного противника самодержавия. В дальнейшем, несмотря на личную дружбу с Лениным, он в первые годы революции нападал на него, осуждая в своей газете «Новая жизнь» красный террор и беря под защиту преследуемых «бывших людей».

Задолго до смерти Горького Сталин пытался сделать его своим политическим союзником. Те, кому была известна неподкупность Горького, могли представить, насколько безнадежной являлась эта задача. Но Сталин никогда не верил в человеческую неподкупность. Напротив, он часто указывал сотрудникам НКВД, что в своей деятельности они должны исходить из того, что неподкупных людей не существует вообще. Просто у каждого своя цена.

Руководствуясь такой философией, Сталин начал обхаживать Горького.

В 1928 году ЦК партии начал всесоюзную кампанию за возвращение Горького в СССР...

Под влиянием этих призывов Горький вернулся в Москву. С этого момента начала действовать программа его задабривания, выдержанная в сталинском стиле. В его распоряжение были предоставлены особняк в Москве и две благоустроенные виллы — одна в Подмосковье, другая в Крыму. Снабжение писателя и его семьи всем необходимым было поручено тому же самому управлению НКВД, которое отвечало за обеспечение Сталина и членов Политбюро. Для поездок в Крым и за границу Горькому был выделен специально оборудованный железнодорожный вагон. По указанию Сталина, Ягода стремился ловить на лету малейшие желания Горького и исполнять их. Вокруг его вилл были высажены его любимые цветы, специально доставленные из-за границы. Он курил особые папиросы, заказываемые для него в Египте. По первому требованию ему доставлялась любая книга из любой страны. Горький, по натуре человек скромный и умеренный, пытался протестовать против вызывающей роскоши, которой его окружали, но ему было сказано, что Максим Горький в стране один.

Как и было обещано, он получил возможность проводить осень и зиму в Италии и выезжал туда каждый год (с 1929 по 1933). Его сопровождали два советских врача, наблюдавших за состоянием его здоровья во время этих поездок.

Вместе с заботой о материальном благополучии Горького Сталин поручил Ягоде его «перевоспитание». Надо было убедить старого писателя, что Сталин строит настоящий социализм и делает все, что в его силах, для подъема жизненного уровня трудящихся.

С первых же дней пребывания писателя в Москве Ягода принял меры, чтобы он не мог свободно общаться с населением. Зато он получил возможность изучать жизнь народа на встречах с рабочими различных заводов и тружениками подмосковных образцово-показательных совхозов. Эти встречи тоже организовывались НКВД. Когда Горький появлялся на заводе, собравшиеся приветствовали его с восторгом. Специально выделенные ораторы выступали с речами о «счастливой жизни советских рабочих» и о великих достижениях в области образования и культуры трудящихся масс. Руководители местных парткомов провозглашали: «Ура в честь лучших друзей рабочего класса — Горького и Сталина!»

Ягода старался так заполнить дни Горького, что у того просто не оставалось времени на самостоятельные наблюдения и оценки. Его возили на те же зрелища, какими гиды Интуриста потчевали иностранных туристов. Особенно заинтересовали его две коммуны, организованные под Москвой, в Болшеве и в Люберцах, для бывших уголовников. Те привыкли встречать Горького бурными аплодисментами и заранее заготовленными речами, в которых благодарность за возвращение к честной жизни выражалась двум лицам: Сталину и Горькому. Дети бывших преступников декламировали отрывки из горьковских произведений. Горький бывал так глубоко растроган, что не мог сдержать слез. Для сопровождавших его чекистов это было верным признаком, что они добросовестно выполняют инструкции, полученные от Ягоды.

Чтобы посновательней загрузить Горького повседневными делами, Ягода включил его в группу литераторов, которые занимались составлением истории советских фабрик и заводов, воспевая «пафос социалистического строительства». Горький взялся также опекать различные культурные начинания, в помощь писателям-самоучкам организовал журнал «Литературная учеба». Он участвовал в работе так называемой ассоциации пролетарских писателей, во главе которой стоял Авербах, женатый на племяннице Ягоды. Прошло несколько месяцев со дня приезда Горького в СССР — и он уже был так загружен, что не имел свободной минуты. Полностью изолированный от народа, он двигался вдоль конвейера, организованного для него Ягодой, в неизменной компании чекистов и нескольких молодых писателей, сотрудничавших с НКВД. Всем, кто окружал Горького, было вменено в обязанность рассказывать ему о чудесах социалистического строительства и петь дифирамбы Сталину. Даже садовник и повар, выделенные для писателя, знали, что время от времени они должны рассказывать ему, будто «только что» получили письмо от своих деревенских родственников, которые сообщают, что жизнь там становится все краше.

Положение Горького ничем не отличалось от положения иностранного дипломата, с той, однако, разницей, что иностранный посол из секретных источников регулярно получал информацию о том, как идут дела в стране его пребывания. У Горького таких секретных информаторов не было — он довольствовался тем, что расскажут люди, приставленные к нему НКВД.

Зная горьковскую отзывчивость, Ягода подготовил для него своеобразное развлечение. Раз в год он брал его с собой инспектировать какую-нибудь тюрьму. Там Горький беседовал с заключенными, предварительно отобранными НКВД из числа уголовников, которых намечалось освободить досрочно. Каждый из них рассказывал Горькому о своем преступлении и давал обещание начать после освобождения новую, честную жизнь. Сопровождавший чекист — обычно это был не лишенный актерских задатков Семен Фирин — доставал карандаш и блокнот и вопросительно взглядывал на Горького. Если тот кивал, Фирин записывал имя заключенного и давал распоряжение охране освободить его. Иногда, если заключенный был молод и производил особенно хорошее впечатление, Горький просил, чтобы этому

юноше предоставили место в одной из образцово-показательных коммун для бывших уголовников.

Нередко Горький просил освобождаемых написать ему и дать знать, как у них налаживается новая жизнь. Сотрудники Ягоды следили за тем, чтобы Горькому приходили такие письма. В общем, Горькому жизнь должна была представляться сплошной идиллией. Даже Ягода и его помощники казались ему добродушными идеалистами.

В счастливом неведении Горький оставался до той поры, пока сталинская коллективизация не привела к голоду и к страшной трагедии осиротевших детей, десятками тысяч хлынувших из сел в города в поисках куска хлеба. Хотя окружавшие писателя люди всячески старались преуменьшить размеры бедствия, он был не на шутку встревожен. Он начал ворчать, а в разговорах с Ягодой открыто осуждал многие явления, которые заметил в стране, но о которых до поры до времени помалкивал.

В 1930 или 1931 году в газетах появилось сообщение о расстреле сорока восьми человек, виновных будто бы в том, что они своими преступными действиями вызвали голод. Это сообщение привело Горького в бешенство. Разговаривая с Ягодой, он обвинил правительство в расстреле невинных людей с намерением свалить на них ответственность за голод. Ягода с сотрудниками так и не смогли убедить писателя, что эти люди действительно были виновны.

Некоторое время спустя Горький получил из-за границы приглашение вступить в международный союз писателей-демократов. В соответствии с инструкцией Сталина Ягода заявил, что Политбюро против этого, потому что некоторые члены союза уже успели подписать антисоветское обращение к Лиге защиты прав человека, протестуя против недавних казней в СССР. Политбюро надеется, что Горький вступится за честь своей страны и поставит клеветников на место.

Горький заколебался. В самом деле, в «домашних» разговорах с Ягодой он мог брюзжать и протестовать против жестоких действий правительства, но в данном случае речь шла о защите СССР от нападок мировой буржуазии. Он ответил международному союзу писателей-демократов, что отказывается от вступления в эту организацию по такой-то и такой причине. Он добавил, что вина расстрелянных в СССР людей представляется ему несомненной.

Между тем сталинские щедроты сыпались на Горького как из рога изобилия. Совет Народных Комиссаров специальным постановлением отметил его большие заслуги перед русской литературой. Его именем было названо несколько предприятий. Моссовет принял решение переименовать главную улицу Москвы — Тверскую — в улицу Горького.

В то же время Сталин не делал попыток лично сблизиться с Горьким. Он виделся с ним раз или два в году по случаю революционных праздников, предоставляя ему самому сделать первый шаг. Зная горьковскую слабость, Сталин прикинулся крайне заинтересованным в развитии русской литературы и театра и даже предложил Горькому должность наркома просвещения. Писатель, однако, отказался, ссылаясь на отсутствие у него административных способностей.

Когда Ягода с помощниками решили, что Горький уже полностью под их влиянием, Сталин попросил Ягоду внушить старому писателю: как было бы здорово, если б он взялся за произведение о Ленине и Сталине. Горького знали в стране как близкого друга Ленина, знали, что Ленина и Горького связывала личная дружба, и Сталин хотел, чтобы горьковское перо изобразило его достойным преемником Ленина.

Сталину не терпелось, чтобы популярный русский писатель обессмертил его имя. Он решил осыпать Горького царскими подарками и почестями и таким образом повлиять на содержание и, так сказать, тональность будущей книги.

За короткое время Горький удостоился таких почестей, о которых крупнейшие писатели мира не могли и мечтать. Сталин распорядился назвать именем Горького крупный промышленный центр — Нижний Новгород. Соответственно и вся Нижегородская область переименовывалась в Горьковскую. Имя Горького было присвоено Московскому Художественному театру, который, к слову сказать, был основан и получил всемирную известность благодаря Станиславскому и Немировичу-Данченко, а не Горькому. Все эти сталинские щедроты отмечались пышными банкетами в Кремле, на которых Сталин поднимал бокал за «великого писателя земли русской» и «верного друга большевистской партии». Все это выглядело так, словно он задался целью доказать сотрудникам НКВД правильность своего тезиса: «У каждого человека своя цена». Однако время шло, а Горький все не начинал писать книгу про Сталина.

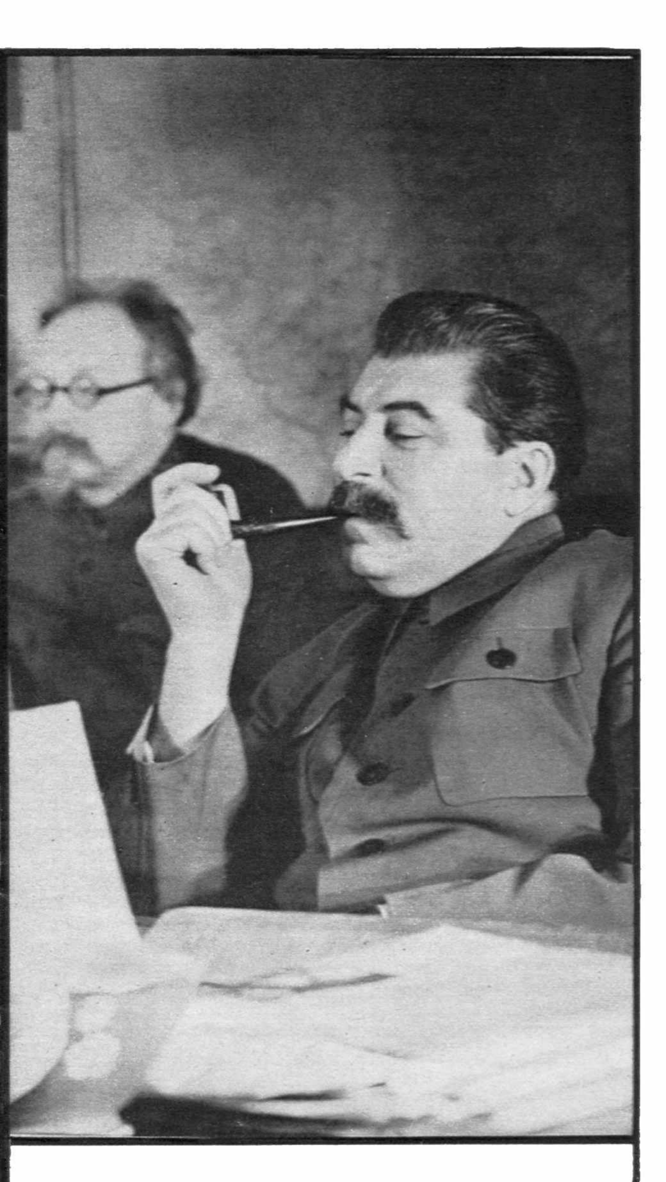
Я сидел как-то в кабинете Агранова. В кабинет вошел организатор знаменитых коммун из бывших уголовников — Погребинский, с которым Горький был особенно дружен. Из разговора стало ясно, что Погребинский только что вернулся с подмосковной горьковской виллы. «Кто-то испортил все дело,— жаловался он.— Я уж и так подходил к Горькому, и этак, но он упорно избегает разговора о книге». Агранов согласился, что, по-видимому, кто-то действительно «испортил все дело». На самом же деле Сталин и руководство НКВД просто недооценили характер Горького.

Горький не был так прост и наивен, как им казалось. Зорким писательским глазом он постепенно проник во все, что делается в стране. Зная русский народ, он мог читать по лицам, как в раскрытой книге, какие чувства испытывают люди, что их волнует и беспокоит. Видя на заводах изможденные лица недоедающих рабочих, глядя из окна своего персонального вагона на бесконечные эшелоны арестованных «кулаков», вывозимых в Сибирь, Горький давно понял, что за фальшивой вывеской сталинского социализма царят голод, рабство и власть грубой силы.

Но больше всего терзала Горького все усиливающаяся травля старых большевиков. Многих из них он лично знал с дореволюционных времен. В 1932 году

В тире ЦДКА.
А. М. Горький и К. Е. Ворошилов.
1928 г.

Прием в Кремле работников промышленности цветных и редких металлов. И. В. Сталин и Ю. Л. Пятаков. 1936 г.

Похороны М. В. Фрунзе. Г. Е. Зиновьев, А. И. Рыков, Л. Б. Каменев. 1925 г.

Из фондов Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР.

он высказал Ягоде свое горькое недоумение в связи с арестом Каменева, к которому относился с глубоким уважением. Услышав об этом, Сталин распорядился освободить Каменева из заключения и вернуть его в Москву. Можно припомнить еще несколько случаев, когда вмешательство Горького спасало того или другого из старых большевиков от тюрьмы и ссылки. Но писатель не мог примириться уже с самим фактом, что старых членов партии, томившихся в царских тюрьмах, теперь вновь арестовывают. Он высказывал свое возмущение Ягоде, Енукидзе и другим влиятельным деятелям, все больше раздражая Сталина.

В 1933—1934 годах были произведены массовые аресты участников оппозиции, о них официально вообще ничего не сообщалось. Как-то с Горьким, вышедшим на прогулку, заговорила неизвестная женщина. Она оказалась женой старого большевика, которого Горький знал еще до революции. Она умоляла писателя сделать все, что в его силах,— ей с дочерью, которая больна костным туберкулезом, грозит высылка из Москвы. Спросив о причине высылки, Горький узнал, что ее муж отправлен в концлагерь на пять лет и уже отбыл два года своего срока.

Горький немедленно заступился. Он позвонил Ягоде и, получив ответ, что НКВД не может освободить этого человека без санкции ЦК, обратился к Енукидзе. Однако Сталин заупрямился. Его уже давно раздражало заступничество Горького за политических противников, и он заявил Ягоде, что «пора излечить Горького от привычки совать нос в чужие дела». Жену и дочь арестованного он разрешил оставить в Москве, но его самого запретил освобождать, пока не кончится его срок.

Отношения между Горьким и Сталиным становились натянутыми. К началу 1934 года стало окончательно ясно, что столь желанной книги Сталину так и не видать.

Изоляция Горького стала еще более строгой. К нему допускались только немногие избранные, отфильтрованные НКВД. Если Горький выражал желание увидеться с кем-то посторонним, нежелательным для «органов», то этого постороннего старались немедленно услать куда-нибудь из Москвы... Мнение самого Горького уже больше не принималось во внимание... Будучи знаменитым советским писателем, он принадлежал государству, поэтому право судить, что ему на пользу, а что нет, стало прерогативой Сталина.

«С паршивой овцы — хоть шерсти клок»... Не получилось с книгой, решил Сталин, пусть напишет хотя бы статью. Ягоде было приказано передать Горькому такую просьбу: приближается годовщина Октября, и хорошо бы, чтоб Горький написал для «Правды» статью «Ленин и Сталин». Руководители НКВД были уверены, что на этот раз Горький не сможет уклониться от заказа. Но он вновь оказался принципиальнее, чем они рассчитывали, и обманул ожидания Ягоды.

Вскоре после этого Сталин предпринял еще одну и, насколько мне известно, последнюю попытку воспользоваться авторитетом Горького. Дело происходило в декабре 1934 года, только что были арестованы Зиновьев и Каменев, которым намечалось предъявить обвинение в организации убийства Кирова. В эти дни Ягода передал Горькому задание написать для «Правды» статью с осуждением индивидуального террора. Сталин рассчитывал, что эту статью Горького в народе расценят как выступление писателя против «зиновьевцев». Горький, конечно, понимал, в чем дело. Он отклонил просьбу, услышанную от Ягоды, сказав при этом: «Я осуждаю не только индивидуальный, но и государственный террор!»

После этого Горький опять, на этот раз официально, потребовал выдать ему заграничный паспорт для выезда в Италию. Конечно, ему вновь было отказано. В Италии Горький мог, чего доброго, действительно написать книгу, но она была бы совсем не та, какую мечтал иметь Сталин. Так писатель и остался сталинским пленником до смерти, последовавшей в июне 1936 года.

После смерти Горького сотрудники НКВД нашли в его вещах тщательно припрятанные заметки. Кончив их читать, Ягода выругался и буркнул: «Как волка ни корми, он все в лес смотрит!»

Заметки Горького по сей день остаются недоступны миру...

КОЗЛЫ ОТПУЩЕНИЯ

Хотя советская печать изо дня в день выражала от имени безмолвствующего народа любовь и благодарность товарищу Сталину, у него самого не было иллюзий относительно подлинного отношения к нему народных масс. Из секретных донесений НКВД он знал, что ни рабочие, ни колхозники не восторгались его правлением. Неуклонно следя за растущей волной недовольства, он, подобно кочегару, у которого давление пара в котле слишком поднялось и стрелка манометра перешла уже за красную черту, хватался за рычаг сброса давления. Средство успокоить народ у него было только одно: «перекачать» наиболее непокорные элементы в концентрационные лагеря Сибири и Казахстана.

Путем безжалостных преследований Сталин насаждал в народе страх перед его мощной государственной машиной, но не мог погасить недовольство, которое являлось ахиллесовой пятой его режима.

Каждый тиран предпринимает попытки отвратить от себя народное недовольство и свалить свои грехи на других. Царское правительство старалось натравить темный народ на «инородцев», которые изображались виновниками всех бедствий русского населения. Не случайно звериным антисемитизмом отличался Гитлер. Сталин годами использовал в качестве громоотвода мифические «остатки российской буржуазии», возлагая на них ответственность за провалы в экономике и за ту беспросветную нужду, в которую погрузилась при нем страна.

Наглядными проявлениями такой политики были состоявшиеся в 1928 и 1930 годах Шахтинский процесс и дело «Промпартии». На этих судебных процессах выдающихся инженеров и ученых вынудили рассказывать басни о том, как они подрывали советскую промышленность по указке заводчиков и банкиров, давно бежавших за границу. С этими процессами Сталину так же не повезло, как и с дальнейшими судебными спектаклями. Например, на процессе по делу «Промпартии» один из главных обвиняемых, знаменитый Рамзин, со многими подробностями рассказывал, как он получал вредительские инструкции от двух российских капиталистов, живших за границей,— Рябушинского и Вышнеградского. Когда были опубликованы официальные отчеты об этом процессе, выяснилось, что оба капиталиста умерли задолго до того, как они начали инструктировать Рамзина.

До 1937 года Сталин еще не решался возлагать на лидеров оппозиции вину за экономический кризис, поразивший страну, за нехватку продовольствия, которая была вызвана коллективизацией. Только после первого из московских процессов и казни Зиновьева и Каменева он задался целью возложить ответственность за голод и другие бедствия все на тот же троцкистско-зиновьевский центр.

Ради этого он изменил направление официальной пропаганды. Всем было памятно, с каким негодованием печать опровергала сообщения иностранных газет о голоде в СССР, об эксплуатации рабочих, о крестьянских восстаниях. Советские газеты клеймили авторов этих сообщений как архилгунов, доказывая, что Советский Союз — единственная в мире страна, где рабочие наслаждаются счастьем свободного труда, а благосостояние народа с каждым годом неуклонно растет.

Весь этот поток восхвалений и лжи предназначался, конечно, для западных стран, ибо самая искусная пропаганда не смогла бы убедить рабочих и крестьян в том, что их благосостояние растет, между тем как в действительности они при Советской власти вечно недоедали.

И вот начиная с 1937 года Сталин решился признать многие вещи, которые он до того упорно отрицал. Он решился объяснить народным массам, что во всех трудностях и страданиях следует обвинять не правительство, а вождей оппозиции.

При этом Сталин полагал, что массы могут и не поверить этой странной версии, если она будет исходить от него лично или от его штатных пропагандистов. А вот если бывшие вожди оппозиции сами признаются на суде и разрисуют во всех подробностях, как они умышленно портили колоссальные запасы продовольствия, губили скот и дезорганизовывали промышленность и торговлю,— тогда все будет выглядеть по-другому.

Задача поведать на суде о вредительстве оппозиционеров в области сельского хозяйства была возложена на двух обвиняемых — Михаила Чернова и Василия Шаранговича. Сталин сделал свой выбор на этой паре вовсе не случайно. Оба оставили о себе жуткую память — первый на Украине, второй в Белоруссии. Не кто иной, как Чернов, был наркомом земледелия и, следуя сталинским указаниям, проводил на Украине свирепую коллективизацию. В 1928 году по распоряжению ЦК, не останавливаясь перед насилием и жестокостью, он осуществил здесь реквизицию зерна у крестьян. Второй — Шарангович — был секретарем белорусского ЦК партии и теми же террористическими приемами коллективизировал белорусскую деревню.

Оба не были старыми большевиками и никогда не принадлежали к оппозиции. В партию они вступили уже после окончания гражданской войны и подобно многим, которых Сталин начал выдвигать уже после смерти Ленина, сделали карьеру, активно участвуя в клеветнических кампаниях против оппозиции. У Чернова было, кстати, еще дополнительное достоинство: подобно Сталину он учился когда-то в духовной семинарии.

Продолжение следует.

Светлана КУЗНЕЦОВА

(1934 — 1988)

Она существовала в поэзии как-то отдельно — вне групп и дискуссий. Ее отличал спокойный аристократизм, равнодушный к суете и успеху. Как и Марию Петровых, ее окружал небольшой круг почитателей, где она была законодательницей вкусов.

* * *

Третьи сутки бред, третьи сутки
жар.
«Мама, милая, потуши пожар!
Мама, снег горит!
Мама, снег горит!» —
«Что ты, доченька, это снегири.
Навестить тебя захотели,
На сугроб к окну прилетели».—
«Мама, милая, подойди!
Мама, рядышком посиди!»
Мама сон у тебя крадет.
Мама руку на лоб кладет.
Третьи сутки бред, третьи сутки
жар.
Только мама может тушить пожар.
1964

* * *

Наступая на зыбкие тени,
Проходя по осенней поре,
Что мы знаем о смерти растений
В сентябре, в октябре, в ноябре?

Что мы знаем о смерти любимых,
Что мы знаем о смерти друзей,
В нашей памяти бедной хранимых
Посреди ежедневных затей?

Повинуясь случайному мигу,
Повелевшему встать на краю,
Постигаю последнюю книгу,
Уходящую книгу свою.

А она торопливо вбирает
Золотого распада слова,
Ведь над нею листва умирает,
Ведь под ней умирает трава.
1977

Анатолий ПЕРЕДРЕЕВ

(1934—1987)

По сегодняшнему литературному раскладу это почти невозможно представить: Анатолия Передреева, как и Станислава Куняева, мне открыл Борис Слуцкий, который носился с этими, тогда еще совсем молодыми поэтами... Передреев производил сильное впечатление — высокий, красивый, читающий стихи мощно, резко. Слуцкий был прав: у него были действительно недюжинные способности, к сожалению, на мой взгляд, не воплотившиеся полностью. Он рано умер, но, думаю, что причина неполного воплощения была другой. В юности Передреев, сам еще не сформировавшийся поэт, выступил с грубовато-заносчивыми нападками на Пастернака в журнале «Октябрь». Доброе имя Пастернака тогда еще не было окончательно восстановлено, и этот геростратизм Передрееву чести не делал. От него отвернулись многие из тех, кто его поддерживал, широко раскрыли свои объятия те, кто прежде его даже не замечал. Думаю, что личная судьба Передреева выражена в его стихотворении «Окраина».

ОКРАИНА

Окраина родная, что случилось,
Окраина, куда нас занесло,
И города из нас не получилось,
И навсегда утрачено село.

Взрастив свои акации и вишни,
Ушла в себя и думаешь сама,
Зачем ты понастроила жилища,
Которые ни избы, ни дома?

Как будто бы под сенью этих
вишен,
Под каждым этим низким потолком
Ты собиралась только выжить,
выжить,
А жить потом ты думала, потом.

Окраина, ты вечером темнеешь,
Томясь большим сиянием огней,
А на рассвете так росисто веешь.
Воспоминаньем свежести полей.

И тишиной, и речкой, и лесами,
И всем, что было отчею судьбой...
Разбуженная ранними гудками,
Окутанная дымкой голубой!

ЛЮДИ ПЬЮТ...

Люди пьют.
Самогон и водку,
Спирт, перцовку, портвейн, коньяк.
Шевеля кадыками,
Как воду,
Пьют — напиться не могут никак.
Не беду,
Не тоску разгоняют,
Просто так
Соберутся и пьют.
И не пляшут совсем,
Не гуляют,
Даже песен уже не поют.
Тихо пьют.
Как молятся — истово.
Даже жутко —
Посуду не бьют...
Пьют артисты и журналисты,
И последние смертные пьют.
Просто так,
Просто так напиваются,
Ни причин, ни кручин — никаких.
Просто так,
Просто так собираются
В гастрономах с утра —
«На троих».
Люди пьют...
Все устои рушатся —
Хлещут насмерть,
Не на живот.
Разлагаются все содружества,
Все сотрудничества
И супружества,—
Собутыльничество живет.
1963

Сергей ПОЛИКАРПОВ

(1932—1988)

Самородное, очень русское дарование, похожее на муромский разбойничий лес с дремучестью метафор, с корягами мыслей, с «чарами» неосознанного. Никогда не примыкал ни к какой литературной группе, не участвовал ни в каких внутриписательских баталиях, а с мрачноватой неразговорчивой доброжелательностью к другим всегда носил свое в себе.

* * *

Лень вылазить из-под крыши,
Точно вмерзло сердце в лед:
То названьем день не вышел,
То погодою не тот,
То облыжные капели,
То наждачные ветра...

Годы, что ли, одолели,
Високосная ль пора?
Может быть,
С чьего-то сглаза
Душу нынче не поймешь:
Из-под крыши лень вылазить
И под крышей невтерпеж...

Эрнст ПОРТНЯГИН

(1935—1977)

Геолог с пронзительными глазами правдоискателя, тревожными, спрашивающими. В стихах между тем была профессиональная хватка — это не просто «стихи из полевого блокнота». Безвременно ушел вместе со всеми своими вопросами к жизни, горевшими в его глазах, как отблески таежных костров. Обладал замечательным качеством, редким в поэтах,— умел молча слушать других.

ДЕРЕВО

Законам безопасности назло,
отряду кочевому на потеху
я привязал зеленое крыло
моей палатки к дереву, ореху.

Одною половиною корней
оно еще держалось над провалом,
оно росло, оно не принимало
неотвратимой участи своей.

Оно тянулось в небо всей листвой,
а вниз глядеть упорно не хотело,
но гальки осыпались по одной,
и осыпь под ногами шелестела...

Овальный грохот пробудил меня,
и понял я, как это происходит,
как по крупинкам, плача и звеня,
нас покидает отчая земля,
и с нею жизнь в небытие уходит.

И крепко-накрепко, на два узла
я привязал мой дом, мою судьбину
к живому основанию ствола,
не верящему в скорую кончину.

Татьяна МАКАРОВА

(1940—1974)

Дочь композитора Макарова, погибшего в Великой Отечественной, и поэта Маргариты Алигер. Личная судьба Тани складывалась трудно, я бы даже сказал, мучительно. Она была совершенно беззащитным перед жизнью человеком. Единственной ее защитой были стихи, но и они не спасли ее от безвременной смерти. Она эту смерть предчувствовала — это видно по стихам.

СКАЗКА О ЛИСТЬЯХ

Когда же листья умирали,
Свершив последний праздник свой,
Их молча в груды собирали
Суровой дворницкой метлой.

Их молча в тачки погружали,
И долго мучило меня,
Куда же листья уезжали
Из этого сырого дня?

И я стволов щекой касалась,
И ветви за руки брала,
Пока всего не поняла
И обо всем не догадалась.

О листьев праздничная груда!
Мне все известно о тебе!
Я плакать никогда не буду
О горестной твоей судьбе.

Покинув парки и бульвары,
Назначив встречу где-нибудь,
Становятся все листья в пары
И в царство листьев держат путь.

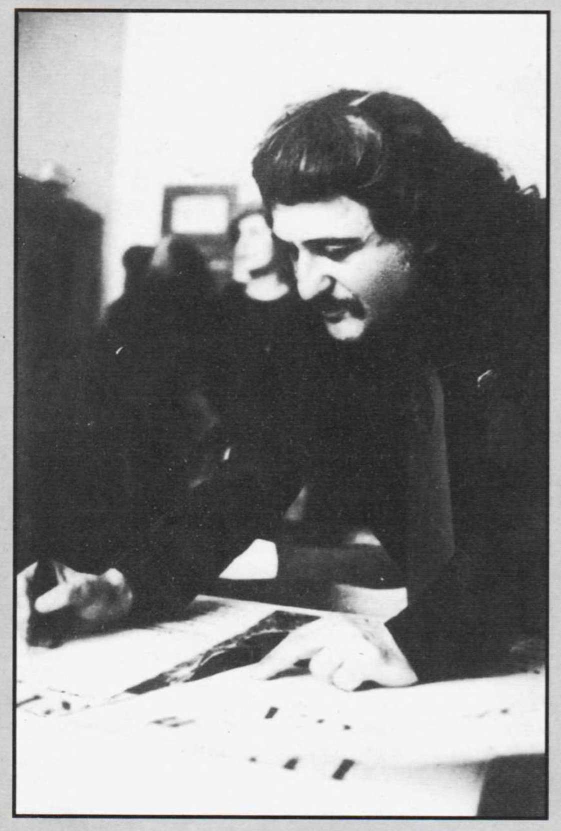
Они полны своей корысти.
Представь — пунцовая страна,
Где только листья, только листья,
Их бронзовые племена.

Они печали оставляют,
И злые метлы не корят,
И вновь деревья составляют,
И снова дышат и горят.

* * *

Когда отрешусь от ночного
сомненья,
От смертного ужаса я,
Что это — последнее
стихотворенье,
Последняя строчка моя?

Вот так же, наверное,
наша планета
Осеннею ночью плывет
И, ежась от страха, боится,
что это —
Последний ее поворот.
Октябрь 1963

«Дон Луис — один из трех гениальных испанцев, достигших вершины в искусстве гравирования, в одном ряду с Гойя и Пикассо. Его достижения являются последним словом совершенства и утонченности в панораме мировой графики...»

Академик Ксавьер де САЛАС, Президент Патроната музея Прадо, Мадрид.

«Мастерство Ортега в резцовой гравюре и других техниках является совершенно выдающимся. В особенности созданием градаций тона рулетой и тончайшими линиями резца он добивается необычайного художественного эффекта...»

Проф. Рива КАСЛМАН, директор отдела гравюр, Музей современного искусства, Нью-Йорк.

Сюита «ТАВРОМАХИЯ» (Коррида I), 1980 г. (инкорель).

МИР ЛУИСА ОРТЕГА

Сюита «ТАВРОМАХИЯ» (Коррида IV), 1983 г. (инкорель).

В Москве прошла выставка работ Дона Луиса Ортега. В каталоге я прочла:

«Луис Ортега (1937) — крупнейший мастер современной резцовой гравюры. Живописец, гравер, иллюстратор, теоретик искусства и поэт,— Ортега является единственным в истории всемирной графики мастером гравюры рулетой. Его гравюры резцом на меди и ксилографии признаны непревзойденными, а по тонкости гравирования — тончайшими в истории. Дон Луис — выдающийся мастер портрета... Участник 190 всемирных, международных и национальных выставок. Персональных экспозиций — тридцать одна. Академик Флорентийской Академии Искусств.

Произведения Ортега находятся в 77 музеях и в 200 частных коллекциях в тридцати странах, удостоены четырнадцати международных и национальных наград».

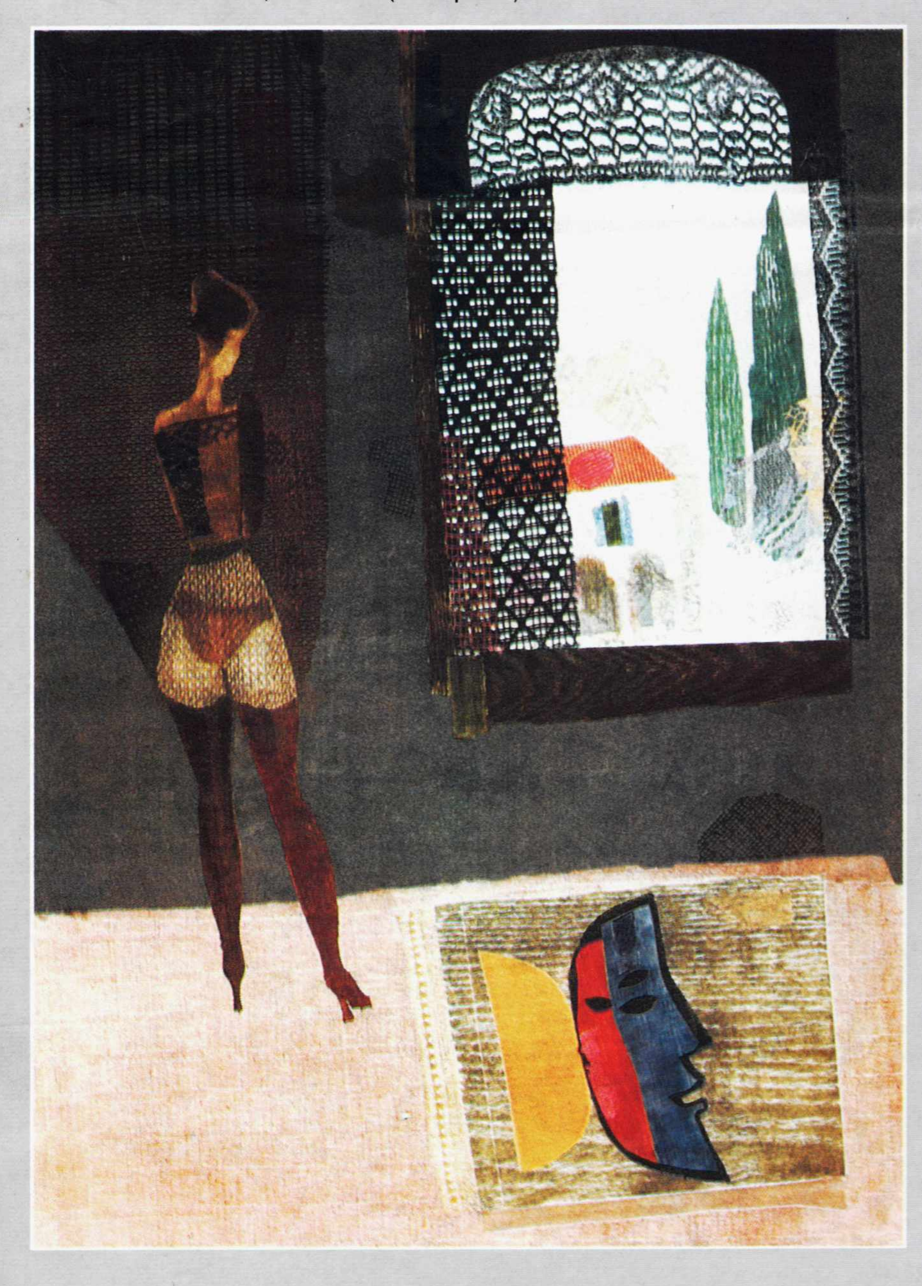
И подумалось мне: вот узнаéшь еще об одном замечательном западном художнике. Жаль, что такого нет в нашей стране. Впрочем, вы можете представить, что стало бы с самим Пикассо, живи он у нас, в эпоху расцвета социалистического реализма? Теперь представьте, что я почувствовала, когда я узнала, что Луис Ортега живет в Москве! Он наш соотечественник.

У него здесь маленькая однокомнатная квартира. Союз художников, несмотря на двадцативосьмилетний стаж пребывания Ортега в его рядах, не нашел возможным предоставить ему мастерскую. Три печатных станка занимают в квартире половину жилого про-

«ПРОЩАЙ, ВЕНЕЦИЯ», 1979 г. (цветная рулета).

«ЛАБИРИНТ», 1984 г. (инкорель).

странства. Звезда большего из них, офортного, напоминающая штурвал, делает комнату похожей на капитанский мостик старой шхуны. Кастильские книги, валенсийская гитара. Здесь остро ощущаешь независимость настоящего творчества от земных ограничений и испытываешь горечь за общество, которому безразлично, в каких условиях работают его художники.

Дон Луис воспитывался в македонской семье в СССР (его второе имя Эдди Мосиэв, фамилия означает «мозаичный»). По сталинским законам, ребенок при усыновлении лишался не только настоящего имени, но и национальности, и страны рождения. Это произошло со многими испанскими детьми в Советском Союзе.

С семнадцати лет Ортега принимает участие в выставках. В 1964 году становится членом Союза художников. Переезжает в Ленинград. Руководство ЛОСХа сначала с недоверием, а с ростом известности художника на Западе с нескрываемой неприязнью относится к нему. Запрещены выставки Ортега в Финляндии, Югославии, Италии, Швейцарии. Отклонены приглашения посетить культурные центры мира с чтением лекций. В 1981 году Дон Луис получил приглашение правительства Испании приехать в Мадрид с выставкой. Оформление умышленно затягивалось. Вступление Испании в НАТО дало повод запретить выставку окончательно. Испанское правительство в знак протеста отменило выставку «Испанский гобелен» в Москве. О мастере, работающем в нашей стране уже 35 лет, не издано ни одной монографии, ни одной серьезной статьи. Не изданы и его собственные книги. Это давно сделано в Испании, Финляндии, Италии, Соединенных Штатах, но не у нас.

Талант Ортега был неоспорим уже в начале его творческого пути (прекраснейшую «Манолу», первую гравюру рулетой в истории искусства, он исполнил в 22 года), поэтому на него пытались бросить тень сомнения с иной стороны. То его произведения «нарушают» гладкую стену «ленинградской школы», то редкие достоинства его гравюр выдаются за плагиат. «Все свои работы Ортега купил в Париже, сам он ничего не умеет»,— писали «доброжелатели» в Министерство культуры и в ЦК, торпедировали в 1984 году уже набранную в «Московских новостях» статью А. Антонова-Овсеенко о творчестве Ортега простейшим в недавние времена образом: сообщили бывшему редактору, что Ортега еврей и через пару недель уезжает в Израиль.

Его пытались исключить и из Союза художников. В защиту художника в Мадриде создается Международный Фонд Ортега.

Исключение не состоялось, но в остальном было сделано все, чтобы жизнь его стала невыносимой. Отобрали мастерскую, лишили заказов в издательствах, закупок, писали доносы в стиле 1937 года. Запретив выставки, присылали милицию для выяснения «источника доходов». Его выживали из Ленинграда. В 1985 году Ортега с семьей переехал обратно в Москву.

Профессор Хуан Арагон писал об Ортега: «В нашу эпоху развлечений существуют уединенные острова творчества. Удивительно не это, а другое — как неотразимо они привлекают паломников». В 1989 году ценители творчества замечательного художника объединились в «Общество друзей Ортега». Его цель — организовать наконец выставку в Москве. Заговор молчания вокруг мастера не остановил людей, тянущихся к Луису Ортега не только как к создателю уникальных гравюр, но и как к философу, писателю, поэту.

«Семнадцать линий в одном миллиметре... Зачем? Можно и одной создать шедевр,— заметил один московский специалист в области современной графики,— да и новая техника инкорель, изобретенная Ортега, настолько уникальна, что не позволяет сделать более пяти оттисков и то разного качества. А гравюра — это все-таки тираж».

Утонченность средств — естественное следствие растущего мастерства. Инкорель позволила использовать в цветной гравюре не 14 красок, а 82. При этом многие очень сложные инкорели были напечатаны тиражом в 30, 100 и даже 200 экземпляров. И все оттиски получились идентичны первым. Все зависит от профессионализма.

Для культурных процессов в стране сегодня характерно обретение утраченных некогда ценностей.

— Но как же вам удалось остаться верным себе? — спросила я у Ортега.

— В Греции в таких случаях помогает пятилетнее молчание в монастыре...— улыбнулся он в ответ.— В творчестве важно сохранить независимость от окружения. Общество, изолировав меня, этим же мне и помогло.

Коллекционеры работ Ортега вначале поражались уровню их технического мастерства. Сейчас они отмечают необычайную чистоту и строгость мира, запечатленного художником, высоту его духовных исканий.

— Дон Луис, что вы считаете самым главным для нас сегодня?

— Сейчас Россия берет уроки свободы. Без этих уроков ей грозит нравственная катастрофа. И центральная проблема нашей культуры — тоже проблема свободы. Свободный человек убережен от множества нынешних бед. Свободный человек не нуждается, например, в шовинизме. Свободный человек никогда не станет посягать на свободу других людей. Все великое в мировой культуре создано свободными людьми, их личным духовным подвигом, если вокруг все против них. И потому это во многом личная проблема каждого. Но не может стать свободным общество, состоящее из несвободных людей. Начинается все со свободы личности.

Да, высокое искусство, создаваемое в тяжелых условиях, вопреки обществу, есть подвиг. Но может быть хватит подвигов?

Впереди у художника три большие выставки в самых престижных залах Америки. А мы, сетуя на отечественную полиграфию, которая не позволяет увидеть всю тонкость и изысканность гравюр мастера, делаем сегодня лишь первые шаги в мир Луиса Ортега.

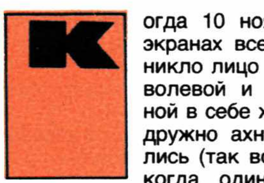
А. ГОДИК

Андрей ЧЕРНОВ

ВА-БАНК

ХРОНИКА ОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ

Когда 10 ноября на телеэкранах всей страны возникло лицо немолодой, но волевой и очень уверенной в себе женщины, а мы дружно ахнули и подивились (так вот она какая!), когда один из ведущих «Взгляда» излучал скромную гордость журналистской победы, а Нина Александровна Андреева со стоицизмом отвергнутого пророка все вещала и вещала что-то о своих принципах, социализме и вышедших на политическую арену дельцах «теневой» экономики,— мы плохо ее слушали.

А зачем?.. Текст знакомый, мотивчик хоть и прилипчивый, да, слава Богу, не народный.

Смотри-ка, полтора года гнала интервьюеров с порога, а тут такой монолог, да еще во «Взгляде».

К чему бы?

Впрочем, не думаю, чтоб этот вопрос нас действительно взволновал и обеспокоил в ту полночь. Кстати, это был праздник. День милиции.

* * *

Меж тем события прошедшего ноября уже набирали скорость, и легендарный бронепоезд с запасного пути нетерпеливо похрюкивал клапанами, и Нина Александровна, скромный стрелочник реакции, как и в том, 1988-м, только дала отмашку: путь свободен! Знала ли она, что творит, или нестранное это сближение — случайность, меня почему-то мало интересует. Ну, положим, знала... Что, вновь навалимся всем миром на стрелочника?

Да и те события в городе начались вовсе не с выступления антиперестроечных легионов.

Как раз наоборот. Хотя, если судить по московским газетам, все произошло только 22-го, на митинге, проведенном у концертно-спортивного комплекса Ленинградским обкомом. Митинг показали в записи. Столичная пресса (вплоть до «Вечерки») по достоинству оценила его смысл и оповестила страну. И уже через день в «Огонек» звонили даже оттуда, куда ленинградское телевидение ни при какой погоде не достает. Почему-то особенно врезался «межгород» из Львова: мол, мы, леворадикалы, к Горбачеву относимся критически, но когда такие дела,— мы все за него встанем...

7 ноября, заранее получив разрешение от исполкома Ленсовета, ЛНФ (Ленинградский народный фронт), «Мемориал», Ассоциация избирателей и несколько других общественных (то бишь «неформальных», если выражаться в духе официоза) организаций вышли на демонстрацию неформальной же колонной. Впереди шли народные депутаты СССР.

Правда, колонну, несмотря на разрешение, почему-то задержали, и я как сейчас вижу, как милицейский подполковник кричит в рацию: «Какие три?.. Тут все тридцать три тысячи...»

Из интервью заведующего идеологическим отделом Ленинградского обкома КПСС А. Воронцова («Вечерний Ленинград», 10 ноября):

— Под лозунгами демократических сил собралось значительное число людей, хотя, конечно, не десятки тысяч, как об этом сообщила «Комсомольская правда»... Но это тем не менее сила, с которой мы должны считаться, а не делать вид, что ее нет. Я всегда говорил и вам скажу то же самое: мы, коммунисты,— за открытый диалог со всеми, кто выступает за обновление социализма, за дальнейшую демократизацию общественной, политической жизни в стране.

У самой трибуны на Дворцовой площади колонну вновь задержали. Пока пропускали других, трибуна читала лозунги, приветливо улыбался первый секретарь обкома Борис Вениаминович Гидаспов.

Потом колонну все-таки пустили и мало кто мог видеть, как подразделение милиции ловко отсекло ее хвост. Точнее — самый хвостик. Человек сто, сто пятьдесят, теряя плакаты и порванные в давке лозунги, оттеснены были на Невский. Их оцепили, продержали так какое-то время. Затем оцепление расступилось.

Из того же интервью:

— Если вас интересует, были ли какие-либо инциденты во время шествия, то их не было.

Чего испугались власти, гадать не станем. Может быть, того, судя по всем дальнейшим ленинградским публикациям, единственного антиперестроечного (а проще — дурацкого) плаката «Перестройкой ударим по коммунизму!», который был-таки развернут некими умниками?

Демонстрация закончилась. «Неформальная» колонна, вызывавшая у колонн «организованных» радостное любопытство на всем протяжении недлинного пути от ТЮЗа к Дворцовой («Эй, дайте плакат прочитать!»), благополучно или почти благополучно прибыла к месту отведенного ей митинга. И он состоялся. И открыли его депутаты. И ничего страшного не случилось. И все мирно разошлись по домам.

Но что-то уже происходило — буднично, негромко, незримо.

— Расскажи-ка, что там случилось...

— Да, верно... пленум Василеостровского райкома партии высказался за быстрейший созыв внеочередного чрезвычайного съезда партии...

Та же ленинградская «Вечерка», и число то же. В подзаголовке слово «размышления», но репортеру, кажется, не до размышлений. Он растерян и лишь успевает пересказывать увиденное. Пленум открыл первый секретарь райкома Н. Кораблев. Повестка — обсуждение проекта программы действий ленинградских коммунистов по углублению перестройки. Начали обсуждать, и вдруг секретарь парткома Всесоюзного научно-исследовательского геологического института имени А. П. Карпинского, мало кому известный до этой минуты И. Лапотников, от имени коммунистов института предлагает провести... чрезвычайный съезд партии.

Цитирую: «Выступление... было воспринято, говоря языком театралов, с нетерпением давно ожидаемого «экспромта»... Позабытыми оказались в пылу страстей ждущие своей конкретизации многозначные формулировки проекта программы... А за словами многих ораторов слышалось: да стоит ли сегодня об этом? Вот будет через пару месяцев Съезд, там расставим точки над «і».

Профессионал есть профессионал. Мой ленинградский коллега В. Волобуев как ни растерян, а все ж ставит главные вопросы: если секретарь парткома ЛГУ поддерживает идею «внеочередного чрезвычайного» лишь от своего имени (партком университета, обсудив накануне, за «чрезвычайку» не проголосовал), значит, есть и другие точки зрения?

И на самом пленуме райкома треть участников тоже голосовала против, впрочем, в открытую полемику не вступив.

И еще одна милая подробность: «...поистине волшебным образом в руках председательствующего появляется уже готовый и отредактированный текст резолюции о необходимости созыва чрезвычайного съезда. Остается только гадать, откуда эта резолюция взялась, если в повестке дня пленума ни слова не говорилось о предстоящем обсуждении вопроса о съезде...»

Согласимся с коллегой: «...результаты голосования на пленуме предугадать было невозможно. А резолюция... уже была готова!»

Заметка эта называлась «Быть реалистом». Кажется, ее просто не заметили.

13 ноября под проливным дождем Василеостровский райком провел репетицию того самого митинга, который через девять дней всколыхнет город, а потом и страну. Репетиция под дождем и эвфемизмом «собрание партийного актива» удалась. Санкционированная революционность лилась с балкона Дворца культуры имени Кирова. И хотя лиц выступающих было не разобрать (трибуна на высоте третьего этажа!), микрофонные потоки изливались обильно, и температура их была вполне леденящей.

Так — сверху вниз и лишь в одну сторону — проходил этот «первый, партийный...».

Из письма в многотиражку «Ленинградский университет» Р. Богданова (24 ноября):

«...не могу прийти в себя. Члены партии, претендующей на роль руководящей, вместо спокойного и делового анализа настоящего этапа перестройки, вместо конструктивных шагов, вместо консолидации всех перестроечных сил занимались дешевой игрой на общеизвестных трудностях, подогревали страсти, нагнетали истерию. Было все: демагогия (постоянные ссылки на «народ»), правый экстремизм и просто вульгарный обман («Политбюро и ЦК КПСС собираются от случая к случаю»).

Ораторы были отменно подготовлены и загодя проверены. Не зря ж их показывали тому самому народу с такой высоты. Процитируем наиболее ценные их политоткровения: «Если так дальше дело пойдет, в Советах не будет коммунистов!» (напомним, что лишь 15 процентов депутатского корпуса сегодня беспартийные. Меньше, чем при Брежневе и Черненко), «Мы сворачиваем с социалистического пути!», «Мы предаем коммунизм!», «Резолюция о совмещении постов на XIX партконференции была ошибочной».

Из того же письма в редакцию:

«Я смотрел и думал: «Неужели эти слепцы на трибуне не понимают, что ведут общество к гражданской войне?»... Невольно выстраивается ряд «ленинградских инициатив»:

— Письмо Нины Андреевой, рожденное в глубинах ортодоксальных обществоведов и лекторов обкома партии.

— Общества типа «Патриот», «Русский национально-патриотический центр».

— Паническое выступление Ю. Ф. Соловьева на Пленуме ЦК КПСС после поражения на выборах.

— Создание Объединенного фронта трудящихся.

— Предложение о выборах по производственным округам.

— Партактив Ленинграда: «Нужен съезд!»

— Поддержка забастовок в Эстонии.

— Пленум РК КПСС Василеостровского района («Съезд, Съезд!»).

Пружина антиперестроечных сил сжимается».

15 ноября. В «Ленинградской правде» под рубрикой «Позиция» методическая статья секретаря обкома партии Ю. Денисова «Кому выгоден кризис?».

Это уже не брань с балкона — программа.

«Материальная и психологическая неустроенность усугубляются во многом бездумной поспешной переоценкой исторических фактов и ценностей, путей развития страны, разрушением образа Родины, отказом от доставшихся с таким трудом духовных идеалов».

«...речь идет о легализации и выходе на открытую политическую арену дельцов «теневой» экономики, в руках которых уже сегодня сосредоточено около 500 миллиардов рублей».

«Уже сегодня они имеют немало защитников среди публицистов, ученых, законодателей. Но это лишь начальная стадия».

Походя оказывается, что «дельцы «теневой» экономики» — вполне легальные кооператоры. А поскольку ЛНФ кооператоров поддерживает, значит, это и есть та сила, на которую ставит мафия. Вот почему народный фронт задумал 7 ноября «отделить себя от трудящихся предприятий и организаций, ветеранов и молодежи и пройти отдельной колонной под собственными лозунгами». Крамольных лозунгов, оказывается, было целых два. Второй — «Власть народу!» — главный.

Выход?

«...введение военного положения», которое, конечно, не панацея сохранения власти, но «средство, облегчающее проведение реформ, позволяющих преодолеть кризис...».

Бедная Нина Александровна! Дилетант она, и только. 15 ноября померкла ее слава, потерялась в лучах новоявленной звезды ленинградского политического небосклона. Она, конечно, и не догадывалась, что «неприкрытый саботаж в торговле и на транспорте» — дело ЛНФ, что «оппозиционные политические структуры, заинтересованные в углублении кризиса в стране»,— вот они, на виду. И не знала (понятное дело — химик, а не кандидат юридических наук!) о таком простом средстве (кроме военного положения) для «обновления партии» и выхода из кризиса, для «утверждения подлинного плюрализма мнений и гласности», как отзыв коммунистов, «стоящих на учете в данной первичной организации, из любого выборного органа».

И правда, чего там, отзовет первичная ячейка Горбачева, Карякина или Собчака — и наступят товарное благоденствие, тишь и демократия.

16 ноября. Из заявления совместного бюро ленинградских обкома и горкома ВЛКСМ «Об обращении собрания коммунистов Василеостровского района о созыве чрезвычайного (внеочередного) съезда КПСС»:

«Мы считаем, что ЦК КПСС не всегда выдвигает четкие политические ориентиры, отсутствует коллективная позиция партии по вопросам, определяющим направления дальнейшего развития нашей страны... Считаем, что... КПСС обязана в условиях подготовки к выборам выработать свою однозначную коллективную политическую позицию...»

Естественно, что молодые аппаратчики поддержали в духе требуемого ими политического единомыслия предложение о «чрезвычайке». Сообщение об этом появилось, правда, лишь 21 ноября, спустя пять дней после подписания заявления.

И не стоит гадать, почему такая оперативная ленинградская «Смена» так долго на этот раз набирала текст.

21-го начал работу совместный пленум Ленинградских обкома и горкома партии, освободивший от обязанностей первого секретаря и члена бюро горкома А. Герасимова и избравший на эту должность первого секретаря обкома Б. Гидаспова. Совмещение кресел наконец состоялось.

Из доклада «За социалистические идеалы перестройки» на совместном пленуме ЛО и ЛГК КПСС:

«...часть коммунистов (в том числе и в высшем эшелоне партийного руководства) отстраненно наблюдает, как идет процесс массированного целенаправленного размывания социалистических идеалов, захлестывает нас однобокая трактовка несомненно непростой, драматической, но и героической истории нашей Родины».

«Мы перестанем быть сами собой, если поступимся нашими социалистическими ценностями, позволим яростным псевдодемократам дурачить людей сладенькими сказками о «народном капитализме», безграничной демократии и беспартийной гласности».

Далее докладчик сообщил, что «пять процентов вкладчиков сбербанков владеют 80 процентами сумм всех вкладов». Эти цифры Борис Вениаминович Гидаспов повторит и в своем, впрочем, куда как более умеренном и спокойном по тону интервью двум корреспондентам «Правды» (28 ноября). Впрочем, в обоих случаях он оговорится: «по некоторым данным». И совсем не «некоторые», а просто иные, официальные данные были опубликованы в «Известиях» (25.10.89). Госкомстат СССР сообщил, что самый крупный из личных вкладов не превышает двухсот тысяч рублей, и привел цифры, как распределяются доходы по разным группам населения.

Легальных миллионеров в стране нет. Это же относится и к мифической цифре — пятистам миллиардам рублей, якобы лежащих в карманах подпольных миллионеров. Все эти данные, прозвучавшие еще 3 октября в Лужниках на московском митинге профсоюзов, «Известиями» были опровергнуты, названы безответственными, «митинговыми домыслами».

Зачем же повторять заведомую неправду спустя месяц после ее разоблачения?

Из доклада:

«Псевдодемократической дубиной громят всех, кто осмелится высказать инакомыслие, нагнетаются представления о неизлечимости нашего общества».

«Результат налицо — общественные умонастроения в немалой степени дезориентированы. Сознание людей одурманено образами вездесущих бюрократов, аппаратчиков, шовинистов, сталинистов, антисемитов...»

Потом Борис Вениаминович станет говорить, что его неверно поняли и перетолковали в прессе.

Может быть, и так.

Из доклада:

«Для некоторой части лидеров ЛНФ так называемые их официальные декларации не более чем ширма, за которой они пытаются скрыть свое истинное лицо и истинные цели: демонтаж социализма и капитализацию общества».

«Категорически против ярлыка приверженца «жесткой руки», который мне усиленно стараются приклеить. Но...»

Весь доклад не перескажешь и не процитируешь. Равно как и выступления в прениях по докладу. Скажем, тех же Н. Кораблева и Ю. Денисова. Но, кажется, в этом нет нужды?

А на другой день будет тот самый митинг, уже общегородской, так всколыхнувший всю страну.

И была ночь, и было утро. И смелая заметка Натальи Курапцевой в «Смене» (25.11.89) с замечательным заголовком из старого доброго поэта — «Можешь выйти на площадь?».

И отважная передача «Пятого колеса», в которой народный депутат СССР А. Собчак все назвал своими именами. И заявка коммунистов на проведение альтернативного митинга 6 декабря. И мнение ленинградского коммуниста в «Комсомолке»: «Теперь во весь рост встает вопрос не только о чрезвычайном съезде партии, но и о проведении внеочередной областной партконференции». А еще — позиция ЛНФ, многие и многие резолюции протеста, звонки, сотни писем и телеграмм.

* * *

29 ноября. 19. 37—19. 56. Интервью без единого вопроса, взятое у народного депутата СССР Анатолия Александровича СОБЧАКА в казенной «Волге» от Политехнического музея до Садового кольца. Время у депутата народное.

— Фрондерский период нашей перестройки закончился. И если до сих пор, до самого последнего времени аппарат не воспринимал нас всерьез, и я помню, как в один из первых дней нашего первого Съезда один из крупных политических деятелей в сердцах сказала: «Собралась тут всякая шантрапа!»,— и какое-то время к нам, народным депутатам, в самом деле можно было так относиться, то потом, когда народные депутаты полностью взяли под контроль законодательную власть,— для всесильного и до сих пор аппарата прозвучал первый звонок.

Сегодня нас воспринимают всерьез. И с нами будут бороться всерьез.

Все консервативные силы сегодня сплачиваются, все темное, застойное, жестокое, что есть в нашем обществе... А, к сожалению, наше общество предстало далеко не в цивилизованном виде, когда чуточку были ослаблены поводья власти, когда чуть-чуть гражданам была предоставлена свобода стать гражданами. И вот в этих условиях консервативные и реакционные силы дают нам бой под лозунгами: «Назад, к диктатуре пролетариата!», «Не дадим ударить перестройкой по коммунизму!», «Политбюро — к ответу!».

Последние события в Ленинграде четко высветили позицию, характерную не только для невских функционеров. Те, может быть, просто острее других поняли, что приходит конец их всевластию и безраздельному господству. Они на выборах проиграли все без исключения и осознали опасность раньше. Другие же ее только сегодня начинают осознавать.

Что же произошло? Наш аппарат, понимая, что ситуация для него сегодня в Ленинграде резко отрицательная, что на предстоящих выборах большинство из них потеряет свои места, предпринял попытку изменить ситуацию в свою пользу. Каким образом? Провозглашением идей консервативного социализма. Ведь ни на митинге, ни на пленуме не декларировалось, что цель — сталинизм. Но из выступлений было ясно: речь идет о возврате к старому. Это требование возвращения к тому спокойному и безмятежному существованию аппарата, которое было до сих пор, а теперь поколеблено и завтра уйдет в прошлое. И когда народ только попробовал установить этот контроль, хотя бы на прошлых выборах, чиновники сплотились. Откуда пошла идея производственных округов? Откуда ОФТ? От обкома, от его функционеров.

Они пытаются противопоставить партийный аппарат, якобы поддержанный рабочим классом, всем остальным слоям общества. Они утверждают, что демократы — против социализма, что средства массовой информации — «орудия информационного террора, шельмования и очернительства». Там, на пленуме, и «Огоньку» досталось...

Я думаю, что Гидаспов совершил серьезную ошибку. Он оказался в руках аппарата и пошел по пути, подсказанному аппаратом. А можно было осуществить перестройку аппарата и реорганизацию всей его работы. Как? Вот сейчас высказываются, и часто вполне обоснованные, претензии в адрес Центрального Комитета, говорится о прямых альтернативных выборах. А кто мешает?

Взять и провести прямые выборы в Ленинграде. В том числе и выборы первого секретаря обкома.

Для этого ведь достаточно власти у того же обкома. Тем более что об этом говорил М. С. Горбачев еще в январе 1986 года, а ленинградские коммунисты университета и ряда других организаций еще летом на своих конференциях требовали этого. Но почему-то это услышано не было. А услышаны были предложения о выборах по производственным округам.

Город после митинга замер, как после статьи Андреевой. Люди просто испугались: неужто возвращаются худшие времена романовщины? Многие стали жалеть, что незабвенный Юрий Филиппович Соловьев ушел со своего места. Но оцепенение длилось секунду. Исторически — секунду. Выступавшие на пленуме — это все молочные близнецы-братья Нины Андреевой.

Выступление Н. Андреевой, пленум и митинг — вряд ли случайные совпадения. Пленум Ленинградского обкома еще в апреле пытался обвинить Центральный Комитет партии и центральное руководство в том, что они «подставили», мол, на выборах местных партийных работников.

Этот ноябрьский пленум не многим отличается от митинга перед концертным комплексом. Попытался на пленуме выступить наш известный академик Ж. И. Алферов, руководитель Ленинградского научного центра, так его захлопали, затопали. Ему не дали слова сказать, буквально согнали с трибуны. А другим представителям демократически настроенных коммунистов просто не дали слова. Звучали голоса только сторонников крайне правой, жесткой линии. И пленум, и митинг игрались по одному сценарию. Но и то, и другое — еще не голос ленинградских коммунистов.

Ленинградом нельзя управлять технократически, как заводом или фабрикой. Вообще людьми так нельзя управлять.

Сегодня надо понимать: центру необходима наша поддержка.

Сегодня, как никогда, нужно единство всех демократически настроенных сил. Положение серьезнейшее.

2 декабря. Дозваниваюсь до руководителя ленинградского Центра изучения и прогнозирования социальных процессов Советской социологической ассоциации Леонида Кесельмана. Это те самые социологи, которые по опросам общественного мнения прогнозировали результаты выборов 26 марта с точностью до полутора процентов.

Как же откликнулись ленинградцы на митинг 22 ноября?

Из трех с половиной тысяч опрошенных о митинге знают 79 процентов. (33 слышали, но недостаточно, а 46 считают, что знают настолько, чтобы понимать происшедшее и судить о нем.)

Из тех, кто сформулировал свое отношение, 30 процентов считают митинг явлением позитивным, а 40 относятся к нему негативно.

По возрастным группам: только лица старше шестидесяти по преимуществу поддерживают и сам митинг, и его заявления.

По социальным группам: поддерживают, как правило, военнослужащие и работники милиции (54 процента за, 22 — против), руководители и аппарат управления (41 — за, 30 — против), неквалифицированные и квалифицированные рабочие (около 35 — за, от 28 до 35 против).

Не поддерживают митинг инженерно-технические работники (52 — против, 24 — за) и гуманитарная интеллигенция (55 — против, только 22 — за), студенчество (47 — против, 17 — за).

Среди членов партии голоса разделились примерно в равной пропорции. Среди беспартийных «за» только 26 и против 41.

Но все эти данные, повторим, с учетом малоинформированной, но все же высказавшей свое отношение группы (а это каждый третий ленинградец).

Из 46 процентов горожан, хорошо знающих о том, что произошло, лишь 33 процента митинг поддерживают, а 49 относятся к нему отрицательно.

Романовщина в Ленинграде не сломлена. Так считает депутат Собчак. А суть романовщины — ставка на послушные низы, на одураченного обывателя, боящегося любых перемен. На тех, с кем сегодня вновь заигрывают реакционно настроенные функционеры, тех, кого запугивают и кому льстят.

И не надо обольщаться результатами голосования сессии Ленсовета, 29 ноября единодушно утопившей идею производственных округов.

Поднимаясь на трибуну, многие на той сессии считали своим долгом обругать народного депутата СССР, первым сорвавшего с города маску послушного оцепенения, выступившего в «Пятом колесе» с резкой критикой и митинга, и его зачинателей.

Сессия голосовала против производственных округов еще и потому, что силы, бросившие вызов ЦК и Политбюро на митинге и пленуме Ленинградского обкома, поняли: их поражение на грядущих выборах неминуемо даже по этому, пресловутому «производственному» принципу.

А поскольку на пленуме обкома чиновникам баллотироваться за закрытыми дверями контор и заводов докладчик запретил, здесь, на сессии Ленсовета, аппарат понял, что парламентские средства борьбы себя исчерпали.

СПРЯТАННАЯ ВОЙНА

Артем БОРОВИК **Фото автора**

III

Солдат соскочил с БТРа и снял трос. Водитель сдал чуток назад. Солдат бросил трос в обрыв, где колесами вверх беспомощно лежала уже раскопанная машина. Людям пришлось снять с нее пятиметровый слой снега.

Солдат внизу поймал конец троса и надел его на скобу сметенного лавиной бронетранспортера.

Лейтенант сказал, чтобы для страховки зацепили вторым тросом и привязали к МТЛБ [1].

Со страховочным тросом возились минут десять. Он был слишком коротким, и МТЛБ, обдавая всех синими выхлопами, подъехал к самому краю обрыва.

— Теперь достанет! — крикнул солдат снизу, помахав рукой.

Лейтенант отколупнул монтировкой камень от скалы, подложил его под левую гусеницу тягача, вогнав острием в лед.

Взревели движки двух бронетранспортеров и МТЛБ. Вторая броня подталкивала первую сзади глухими ударами.

Лейтенант что-то орал на всю округу, перемогая рев машин и собственное эхо, вряд ли понимая смысл своих слов.

Солдат внизу тоже кричал. Я это понял по его открывавшемуся и закрывавшемуся рту.

БТР, лежавший колесами вверх, дернулся и рывками пополз по почти отвесной стороне обрыва, оставляя за собой плотно утрамбованный след шириной метра в два.

Тягач вовсю крутил гусеницы. Они скользили, выбрасывая из-под себя осколки льда. Под одну из них солдат бросил свой бушлат и получил его обратно через секунду с противоположной стороны в виде рваных лохмотьев.

Он что-то крикнул и истерически засмеялся.

Смеха его я не слышал.

Сержант-узбек начал толкать руками второй бронетранспортер, но лейтенант отбросил его.

Парни, которых откопали, теперь грелись в БТРе неподалеку. Один из них высунул голову из люка, нервно крутил ею.

Минут через пятнадцать упавший с обрыва бронетранспортер уже лежал на дороге. Столько же времени прошло, пока его не поставили на колеса.

Лейтенант, работая яростно легкими и выпуская из порозовевших ноздрей клубы пара, подошел ко мне и показал ладони.

— Вот! — сказал он.

Руки его были изодраны в кровь.

— Ты сейчас куда? — спросил я.

— Повезу тех двух в Пули-Хумри. Поедешь?

— Да. А оттуда — в Найбабад.

Мы сели в бронетранспортер, еще тридцать минут назад лежавший в пропасти. Двигатель не заводился, стартер визжал вхолостую. Подъехал тягач и пару раз ударил нас сзади.

— Пошла! — обрадованно крикнул водитель.

Лейтенант закрыл люк над головой, зажег синюю лампочку и полез за сухпайком.

Мир сжался до размеров БТРа.

— Нам ехать часа три. Наговоримся всласть,— сказал он, протягивая мне жестяную банку с консервированным компотом.— С Мовчаном все ясно. А как другие? Ты уговаривал их вернуться домой?

— Нет.

— Почему?

— Это их личное дело.

— Они поняли, как ты к ним относишься?

— Честно говоря, я сам этого до сих пор не понимаю.

— «Афганцы» их не любят.

— Знаю.

— Так что же с другими? — опять спросил лейтенант.

С другими?

...Рокот бронетранспортера исчез, превратившись в урчание кондиционера. Я был одет не в военную форму — теперь на мне болтались выцветшая майка и вылинявшие от многократной стирки джинсы.

Напротив за круглым столиком сидел Игорь Ковальчук. Бычье лицо его было спокойно. Он, как и Мовчан, беспрестанно сосал горькие сигареты. Ворочал налитыми кровью глазами. Казалось, я слышал, как она тяжело и ритмично стучит в его висках.

— Я харьковчанин.— Он выдавил улыбку на пухлых губах, но тут же стер ее тыльной стороной ладони.— Родился в шестидесятом.

— Мы одногодки,— сказал я.

— Замечательно,— сказал он.— Как и все молодые люди, я имел множество увлечений, но больше всего я любил поэзию, спортивную стрельбу, историю, музыку и, конечно, девушек. Так вот, с первыми тремя увлечениями у меня не было проблем. А вот за музыку и девушек мне часто доставалось — меня учили, внушали, говорили...

В 1978 году я окончил десять классов средней школы № 90 города Харькова. Получил паспорт, освоил профессию электромеханика по самолетам и пошел работать на авиационный завод. Дни летели за работой, вечера — за поэзией и стрельбой, я узнавал новых людей, переживал удачи, падения, любовь и рифмовал свои строчки. Так прошли два года, и тут властная рука вклинилась в мою жизнь, разорвала однотонный цвет моего существования и бросила меня в армию.

На призывном пункте нас было 160 спортивных, умеющих стрелять ребят. Я был 120-м по счету команды № 80 особого назначения.

Попрощавшись с родителями, сестрой и друзьями, весной 1980 года я покинул свой родной и любимый город, забрав с собой воспоминания, поэзию и умение стрелять.

Поезд уносил нас на юг. Мы проводили время за картами и водкой. Так прошло 12 дней утомительного путешествия, и мы оказались в Туркменистане. Это был грязный провинциальный городишко, где находилась часть, в расположение которой весной 1980-го я прибыл вместе со своими товарищами.

Начались тяжелые дни физической подготовки. На каждые десять новобранцев было два сержанта, которые учили нас всему: нападению, обороне, работе штыком и прикладом и, конечно же, стрельбе. Со стрельбой у меня было отлично, но вот с физической подготовкой было сложнее.

Через два с половиной месяца мы приняли присягу. Нас всех построили и объявили, что на нашу долю выпала большая честь и партия доверяет нам выполнить наш интернациональный долг в Афганистане. Мы должны будем помочь афганскому народу удержать завоевания апрельской революции и защитить его от кровожадного американского империализма, который вторгся на территорию дружественного нам Афганистана, ставя тем самым под угрозу наши южные рубежи.

В течение двух дней мы были расформированы. 160 человек разлетелись по земле Афгана.

Я и двенадцать моих друзей прибыли в расположение разведдесантного подразделения — позывной «Ромашка»,— которое находилось в 25 километрах к югу от города Мазари-Шариф...

—...Через полтора часа мы будем в Мазарях,— ухмыльнулся лейтенант.— Чай хочешь?

— Давай.

Он бросил мне холодную флягу.

— Пакистанская?

— Ага,— ответил он.

Лейтенант сапогом расплющил пустую банку от компота, приоткрыл люк и выбросил ее на обочину спешно уносившейся назад дороги.

...Ковальчук зачем-то расстегнул и опять застегнул ворот рубашки. Пригладил волосы на голове, защемил указательным и большим пальцами прямую переносицу, закрыл глаза. Помолчал с минуту. Сказал:

— В расположение 7-й роты я попал после обеда. Капитан Руденко посмотрел на нас и торжественно объявил: «Вот, братва, теперь вы есть мясо, натуральное мясо, предназначенное для шакалов. Запомните мои слова: вы должны стать волками или умереть — одно из двух. Не нюхав крови, не можешь жить, не можешь бегать, тебя загрызут!» Потом капитан позвал старшину и приказал выдать нам оружие. Слова ротного впились в мой мозг натуральными волчьими клыками. Ничего не понимая, я думал: почему он такой злой, что мы ему сделали, за что он на нас набросился?

Но уже через месяц я был хуже его.

Получив должность разведдесантника, заслужив доверие старших ребят похабными шуточками, я чувствовал, как меня засасывает огромный кровавый водоворот, в котором я теряю способность думать, только работаю штыком, прикладом и прицелом.

Баграм. Афганские ребятишки смотрят на советскую боевую колонну, проходящую через их кишлак.

[1] МТЛБ — малый тягач, легкий, бронированный.

Скоро я потерял своего друга Олега. Потом был Витя. Его голубые застывшие глаза остались шрамом на моем сердце. Его последние слова были: «Ты знаешь, Гарик, прожить мы могли бы по-другому».

Я терял контроль над собой, кричал сквозь слезы, поливая местность пулеметным огнем.

Так прошли 6 месяцев службы. Я стал, как все: закрывал глаза павшим товарищам без дрожи в руках, курил наркотики, кисло-сладкий запах крови уже не переворачивал мои внутренности тошнотой, при стрельбе в упор глаза не закрывались.

В январе 1981-го я понял слова ротного. Я превратился в заедаемого вшами матерого волка. Мне было присвоено звание ефрейтора, три месяца спустя — звание младшего сержанта и должность оператора-наводчика БМП.

Я не знал, чего я хочу. Я был такой и не такой. За все время службы под мой пулемет не попал ни один американец. Просыпался и снова думал: почему бы властям не сказать нам всю правду? Мол, так и так, братва, нужно захватить Афган. Все ясно и понятно. Так нет, обманули нас, своих же солдат, крутят нами, как игрушками, а мы дохнем, как мухи.

По вечерам я выл с тоски, а утром смеялся.

Несколько эпизодов из жизни там стали для меня поворотными.

Дело было в полку*. В Мазари-Шариф. Шестая рота. Служили в ней три неразлучных дружка: один парень по фамилии Панченко, второй — киевлянин, третий — с Алтая. Фамилии этих двух не помню. Както раз они здорово напились браги. Захотелось им «гаша» и барана. Пошли в соседний кишлак. На дороге повстречали старика. Ну, они бухие... Словом, хрясь его по голове — аж у автомата цевье отскочило. Правда, они этого не заметили. Деда в кусты затащили и пошли дальше. Добрались до кишлака, зашли в дом. Там женщина. Начали ее насиловать, та — орать. Выскочила сестра. Молодцам не оставалось ничего другого, как заколоть тех баб. Зашли в следующий дом. Там дети. Солдаты открыли по ним огонь из АК. Всех уложили, но одному удалось скрыться. Панченко потом на суде говорил, что по пьяни не заметил пацана, потому, дескать, и не удалось его прикончить. Потом зашли в дукан. Взяли целый мешок гашиша, прихватили барана. Возвратились в часть. Панченко обнаружил, что на автомате нет цевья, а на цевье ведь стоит номер автомата. Потопали обратно. Деда добили, чтобы не крякал. Нашли в кустах цевье. Опять вернулись.

Утром строят роту. Выходит спасшийся мальчуган. Следом за ним — ротный, замполит и особист. Парень обошел строй и указал пальцем на Славку. Панченко и Славка — словно братья-близнецы. Славка не выдержал, крикнул: «Вон Панченко, он убивал — пускай и расплачивается!» Панченко вышел из строя. Пацан завизжал: «Она! Она в меня стрелял!»

Суд был в Пули-Хумри. Длился шесть месяцев — показательный. Потом осужденных отвезли в Термез. Перед отъездом они сказали, что будут писать письмо Брежневу, просить о помиловании. Они раскаивались лишь в том, что не прикончили парня. Пока подследственные сидели в Пули-Хумри, им ребята с полка регулярно наркотики передавали. Шприц достали раньше. Долбились ежедневно. На пятый месяц они закололись до чертиков — ходить не могли: их водили. На суде Панченко сказал: «Когда на операциях я по вашему приказу двадцать человек в день на тот свет отправлял, вы говорили — молодец! Отличник боевой подготовки! На Доску почета!.. А когда я жрать захотел — хорошо, надолбился я тогда, пьяным был — и пошел за бараном, потому что продовольствия не было, убил таких же людей, что и всегда убивал, но на сей раз не по вашему приказу, вы меня судить вздумали?!» Суд заявил, что Панченко извергает антисоветскую пропаганду... Ротный тогда пришел к нам и сказал: «Вот видите, братва, три дурака попались. Делайте, что хотите, но не попадайтесь!»

—...Не верю, что ротный так сказал.— Лейтенант сплюнул в люк.— Не верю, и баста!

— В рассказе Ковальчука я обнаружил достаточно логических несостыковок,— заметил я.— Однако меня интересует не столько мера правдивости этого человека, сколько его образ мышления. Конечно, и он, и Мовчан, и другие бывшие военнопленные старались оправдать свое дезертирство в моих, но, главное, все-таки в своих глазах. На меня им было плевать. Они знали, что мы вряд ли еще когда-нибудь свидимся.

— Кто их разберет...— задумчиво произнес лейтенант и положил ноги на сиденье.— А сам Ковальчук считает, что он благородней Панченко?

— По-моему, нет.

Я взял флягу, гревшуюся у воздуходува, и сделал большой глоток крепкого чаю.

...Ковальчук налил в пластиковый стаканчик «Коку» и, лихо запрокинув голову, осушил его до дна. Словно стопку водки.

— Сколько раз,— сказал он,— мне приходилось слышать про такое. Просто-напросто Панченко попался, а другие — нет.

Ковальчук покрутил сигаретку в крепких, мозолистых пальцах с обгрызенными ногтями. Понюхал ее, закурил.

— Как-то,— вспомнил он,— у нас скопилось три битых БТРа. Начальство собралось отправить их обратно в Союз. По этому поводу заставили нас три дня корячиться, отвинчивать днище. Туда надо было барахло засунуть, чтобы в Союзе сдать: контрабанда. Ведь никто на границе не будет возиться со шпангоутами, смотреть, что везут. Проверяющий подмахивает бумагу, а не хочет — его покупают.

От нас два солдата ездили в Союз, сопровождали. Чтобы они держали рот на замке, офицеры разрешили им пару недель дома поболтаться... Половину барахла солдаты унесли тогда с собой: думаешь, офицер помнит, что везет? Сколько за годы войны наркотиков и оружия в Союз было переправлено — подумать страшно...

После гашиша — крутой кайф. Правда, следом — зверский аппетит. Вот тогда-то и прешь за бараном в кишлак. Можно хорошо отключиться, если накуришься и напьешься одновременно. Но вот чем гашиш плох: если в твоей голове застряла какая-то проблема, она начинает тебя убивать, сводить с ума. Я дурел, бесился от гашиша. Начинал опять и опять думать о войне, о том, кто же следующий в этой треклятой роте.

Видишь, как приятель в кишлаке ногой дверь вышибает. А оттуда — смуглая тощая рука с серпом. Р-ра-раз по брюху: все кишки на земле. А приятель стоит, смотрит и поверить не может, что это не во сне. Ты видишь такое — тебе плевать, что и кто там в доме. Ты туда лимонку — одну, другую. Бум-м! Крыша взлетела. Когда ты накурился, не замечаешь, что устал. Носишься козлом по горам и кишлакам без остановки.

Ковальчук достал из кармана синий платок и вытер им вспотевший лоб. Капельки пота катились от висков вниз по щекам. Правый уголок рта чуть дрожал.

Несколько мгновений он сидел молча, медленно опускал глаза. Когда его взгляд пересекся с моим, Ковальчук усмехнулся. Выждал несколько секунд, сказал:

— Так вот, случай был. Сопровождали мы группу артистов, которые неожиданно свалились на наши головы. Мы только что провели недельную операцию в переулках Айбака и приехали в расположение, чтобы выспаться. А тут на тебе! Звонит начальник штаба и говорит: «Слышь, ребята, тут артисты приехали выступать перед афганскими коммунистами, так надо их до Дажаркундука подкинуть, да и вам интереснее с бабами проехаться». Хорошо, сделаем. Сели по машинам. Выехали на дорогу.

В десантном отделении БМП находились молодая певица, прапорщик и я. Прапорщик все приставал к девушке с дурацкими шутками, показывал ей свой пистолет, рассказывал ей свои похождения. Я же поглядывал на нее редко, только в тот момент, когда отрывался от прицела. Она сидела за пультом оператора, и получалось так, что мы встречались глазами. И вот неожиданно она мне говорит: «У тебя красивые глаза. Я бы хотела иметь такие, давай поменяемся». «Слышишь, девушка, оставь меня, если я оторвусь от прицела, то ты и я окажемся на том свете, поняла?» — ответил я. Прапор все продолжал рассказывать ей о том, какой он великий вояка. Вдруг она сказала: «Пошел ты вон!» Водитель услышал это, обернулся и, скаля зубы, крикнул прапору: «Молодец баба! Как она тебе врезала!» Зазевавшийся водитель не сумел удержать машину. Она пошла юзом прямо на обочину дороги, где стояли ребятишки — девочка двенадцати лет и мальчик. Было ему лет семь, не больше. Мальчик выскочил из-под гусеницы, а девочка не успела. Ее широко открытые черные глаза в предсмертном крике смотрели мне в прицел, оставляя черно-белую фотографию на моем сердце. Я заорал: «Коля, вправо!» Но было уже поздно. Левый бок машины слегка качнуло: девочку намотало на гусеницу. Я видел сквозь триплекс окровавленные куски мяса. Все еще слышал ее крик. Прапор рыпнулся к рации: «Ромашка»! «Ромашка»! В ответ заорал капитан: «Приедешь, я вам всем... дам!» У машины все номера были замазаны грязью — местные ее не запомнили.

Когда мы подъехали к месту, певица, увидев кровь на броне, спросила: «Ой, что это?» Прапор стал объяснять. Певица стояла, кивала головой, приговаривала: «Да, понимаю... Что поделаешь... Война есть война...» Повернулась и пошла петь свои дурацкие песни.

А я сидел на башне машины с Колей, курил гашиш, проклиная себя, певицу и прапорщика.

Ковальчук скрестил руки на груди и выпустил мне в лицо струю дыма.

— За два года,— сказал он,— я выполнил все приказы, которые мне давались. Потом подумал: не могу я так жить больше!!! Не могу жить в этом обмане! Господи, думал я, ведь он меня будет преследовать всю оставшуюся жизнь. Я постараюсь, конечно, залить ложь водкой. Но найти себя не смогу. Даже написать о пережитом не смогу. Ведь тогда, в восьмидесятом году, замполит говорил, что по возвращении из Афгана мы не имеем права рассказывать про войну.

Я решил уйти, когда мне оставалось всего десять дней до отъезда, когда, собственно, все бумаги и документы уже были у меня на руках. Я написал последнее письмо домой, собрал всю свою амуницию, взял оружие и ушел.

В кишлаке неподалеку меня приютили партизаны. Мы сидели и пили чай. В какой-то момент я спиной понял, что кишлак окружают наши. Меня схватили, вернули в кундузскую гауптвахту. Началось четырехмесячное следствие.

31 июля 1982 года я попытался уйти опять. Пошел в сортир, отодрал доску от стены, пролез в дыру и рванул. На этот раз — успешно.

Четыре долгих года провел я в повстанческом отряде. Теперь я здесь. Все.

Ковальчук сидел молча, устало опустив голову. Я ждал несколько секунд, перехватил тяжелый взгляд Ковальчука, посмотрел на него в упор: глаза — в глаза.

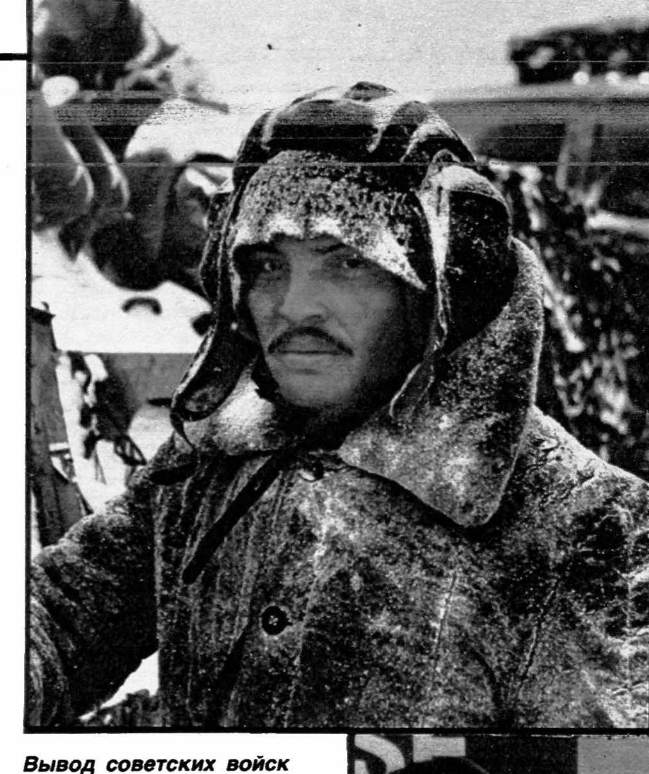
— А теперь,— попросил я,— попытайся объяснить мне свой уход как можно более компактно. В двух-трех предложениях.

Он глядел на меня не моргая, словно вдаль. В его черных глазах я видел два собственных отражения.

Скоро я почувствовал резь в глазах, но усилием воли продолжал удерживать веки. Мне удавалось это еще секунд пятнадцать.

Он ответил лишь минуту спустя.

— Я понял,— медленно сказал Ковальчук,— что не смогу смотреть в глаза матерям погибших в Афганистане солдат. Поэтому я ушел. И на этот раз — окончательно.

Вывод советских войск через перевал Саланг, 1-е февраля 1989 года: до окончания войны оставалось всего четырнадцать дней. Никому не хотелось стать «последним советским солдатом, убитым в Афганистане».

Игорь Ковальчук (в центре). Нью-Йорк, «Дом Свободы».

---

* Военный трибунал ТуркВО 22 апреля 1982 года осудил рядовых Панченко, Болкунова и Потапова, приговорив их к исключительной мере наказания — расстрелу. Военная коллегия Верховного суда СССР, принимая во внимание, что Потапов лично не участвовал в убийстве и изнасиловании, изменила приговор и определила ему наказание в виде 15 лет лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

Президиум Верховного Совета СССР ходатайство Панченко и Болкунова о помиловании отклонил. Приговор приведен в исполнение.

Ранние сумерки омрачили небо над Пули-Хумри. Ветер долго гонялся за тучами, словно собака за голубями во дворе. Разогнав их и решив, что на сегодня хватит, он улегся и теперь лишь изредка, во сне, завывал где-то далеко в горах. Какие сны видел он?

Очень долго над головой не видно было ни одной звезды, но вот наконец, разливая вокруг себя мягкий зеленый свет, зажглась одна. Снега здесь не было: он остался на Саланге. Под ногами сыто чавкала грязь.

— Если хочешь жить в грязи, поезжай в Пули-Хумри,— сказал с недоброй угрюмостью лейтенант, спрыгнув с бронетранспортера и поводя по сторонам мутным взглядом.

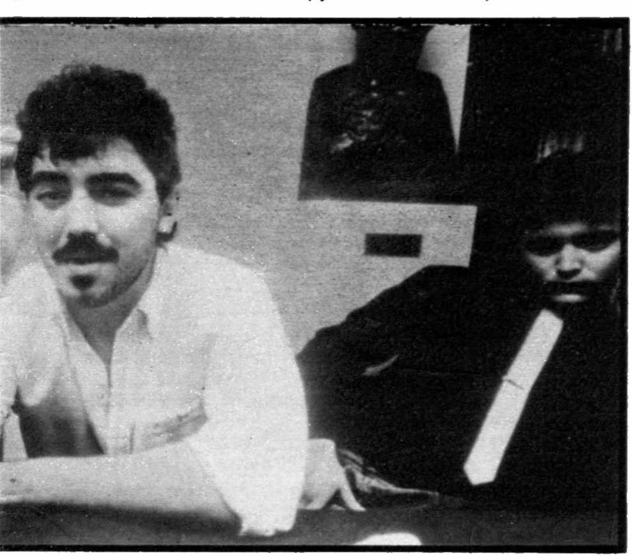
Он плюнул в ладонь, стряхнул серые брызги с бушлата.

— Приехали? — зачем-то спросил я, хотя прекрасно знал ответ.

Механик-водитель взял тряпку и принялся счищать ею грязь с того места на броне, где был номер машины.

— Иди вон в том направлении.— Лейтенант указал на контуры далекого модуля.— Там штаб полка. А мы двинем к медикам.

Из-за каменной ограды появилась миниатюрная женская фигурка. Она выскользнула из ворот, нагнулась, взяла что-то в руки и пошла обратно.

— Фьюи-ить! — присвистнул лейтенант.— А я думал, всех баб уже отправили.

Улыбка застыла на его лице. Несколько мгновений он молча стоял, провожая женщину мечтательным взглядом. Вдруг заговорил стихами:

Красивое имя-отчество
Для подвига и для ночи.
Помощница и обуза —
Со всех уголков Союза.
Приехали, чтоб сражаться.
Приехали, чтоб развлекаться.
Связисты, врачи и старшины —
Перед вами ломались мужчины...

Лейтенант, выдержав паузу, спросил:

— Слыхал такие стишата?

Я кивнул.

— Ну бог даст — свидимся. Пока! — Придерживая рукой шапку, лейтенант побежал туда, где ночь прятала второй бронетранспортер.

Он скрылся, а я вдруг понял, что так и не спросил его имени.

Показав на КПП удостоверение, я зашагал по лунной дорожке и вскоре нагнал миниатюрную женщину, что вдохновила лейтенанта на чтение стихов.

— Простите, где штаб полка? — спросил я.

Женщина обернулась, показав лунно-бледное лицо.

— Вон там,— медленно ответила она, указав рукой на запад.— Но в штабе сейчас только дежурный.

Она была красива той броской, вызывающей красотой, на которую нельзя не обратить внимания.

— Вы откуда? — поинтересовалась она.

— С Саланга.

— Я иду в столовую. Есть хотите?

— До смерти. Вы официантка?

Она кивнула, чуть заметно улыбнувшись.

В столовой было пустынно и гулко. Холодно горели лампы дневного света. Женщина ушла на кухню, долго гремела посудой, хлопала дверьми. Появилась она опять минут через десять с алюминиевым чайником и тарелкой лапши в маленьких смуглых руках.

— Вот,— сказала она, присев на стул рядом.— Прямо с пылу.

— Вы давно здесь?

— Кажется, всю жизнь.

— Надоело?

— И да, и нет.

— «Да» — понятно. А почему — «нет»?

— В Союз страшновато возвращаться,— сказала она, подперев кулачком подбородок.— Я, собственно, и уехала-то от проблем: семейных, денежных, сами знаете...

— Как же вас муж отпустил? — спросил я, подлив в кружку горячего чаю.

— Понимаете, так я устала от нашей с ним бедности, от долгов, что однажды не выдержала и сказала ему: «Ты бы, Коль, съездил на Север. Подзаработал, а?»

— А он?

— А он наотрез отказался...— Какая-то детская растерянность вошла в ее серые глаза и застыла в них.— Тогда я сказала, прекрасно понимая, что он не позволит: «Если ты не хочешь, я сама поеду и привезу денег».

Женщина нервно постучала вишневыми ногтями по столу и добавила:

— Но он ничего не возразил. Просто повернулся на другой бок. Даже не поинтересовался куда. Так вот...

Она достала из правого кармана бушлата пачку папирос «Беломорканал», долго распечатывала ее. Закурила.

— Но подзаработать не удалось.— Женщина выпустила тонкую струйку дыма, он ударился о поверхность стола и медленно растекся по ней, обволакивая, словно утренний туман, две кружки и опустевшую тарелку.— В прошлом году здесь взорвались армейские склады: все накопленное добро сгорело. Потому-то наш полк и называют «погорельцами»...

От ее лица исходил едва приметный запах сладковатой пудры и легких ландышевых духов. Поежившись от налетевшего сквозняка, женщина обняла себя за плечи.

— Разное тут было,— задумчиво сказала она.— Последний месяц повадился ходить к нам в часть один афганский майор. На днях он мне вдруг заявил: «Ханум[2], я тебя женюсь!» — «Аллах с тобой!» — говорю ему.— Я замужем». А он: женюсь — и все! Потом поняла: он этого добивается, чтобы уехать со мной в Союз. Боится оставаться один на один с «духами»... И смех, и грех, ей-богу...

Ночь я провел в летном модуле неподалеку от столовой. Крысы нагло, с отчаянным весельем, пировали под дощатым полом, не давая спать. Бессмысленно проворочавшись часа полтора на скрипучей койке, я закурил.

За тонкой стенкой офицеры допоздна смотрели видеомагнитофон, и время от времени раздавался их громовой смех. Скоро все звуки стихли, и в комнатку, перегороженную пополам парашютной материей, вернулся ее хозяин — старший лейтенант Вареник. Он сел на стул и долго матерился по поводу того, что «соляру[3] отправляют в первую очередь, а летчиков — лишь во вторую». Вареник зло ударил роскошным ботинком на шнуровке и «молнии» по электроплитке, но успел поймать слетевшую с нее кастрюлю. Потом достал из-под своей койки чемодан и принялся запихивать в него бесконечный свадебно-белый парашют.

— Это зачем? — поинтересовался я.

— Устрою тент на садовом участке,— огрызнулся он.

Часа в четыре начала бить безоткатка. В такт ей вздыхал целлофан на окне, позвякивали танковые колеса, которыми были обнесены стены летного модуля,— самодельная защита от реактивных снарядов.

Я опять лег, но скоро почувствовал, как мне на лицо падают капли ржавой воды из кондиционера. Пришлось поменять положение и лечь головой в противоположную сторону.

Промаявшись всю ночь напролет, я под утро потерялся-забылся в нервном, неглубоком сне.

Снилась бесконечная взлетно-посадочная полоса, уходившая за горизонт, взлетавшие и садившиеся истребители-бомбардировщики. От их рева даже во сне ломило в висках.

...Сколько часов я провел на наших авиабазах в Афганистане под яростными солнцами Баграма и Джелалабада, Шинданда и Кундуза, Кандагара и Герата? Сейчас уж не подсчитать. Острым саднящим клинком врезались в память 39 минут и 42 секунды боевого вылета на МИГ-23 в июне восемьдесят шестого. Тогда, три с лишним года назад, полет вызвал во мне пьянящее чувство странного восторга: представьте, что вы катаетесь со сверхзвуковой скоростью на «американских горках», установленных в аду. Но прошло время и вместе с ним — восторг. Образовалась серая, холодная пустота, постепенно наполнившаяся невнятной смесью тоски и вины. Мы летали четверкой на северо-восток, к границе с Пакистаном, прячась в рельефе гор от паковских радиолокационных станций. Подполковник Карлов и я шли в «спарке», под крыльями которой не было ни одной «пятисотки». И хотя наш МИГ не бомбил, сегодня от этого не легче. Вернувшись тогда на авиабазу в Баграм, я лег на койку в комнате отдыха летного состава и долго слушал, как пиликает на своей миниатюрной скрипке афганский сверчок. Играл он виртуозно и самозабвенно. Его-то музыка как раз и родила первые сомнения, тоску. Несопоставимость МИГа и сверчка раскалывала сознание, словно попытка понять бесконечность или постичь фразу: «я часть той силы, что вечно жаждет блага, но совершает зло».

Последний, или, как говорили наши в Афганистане, крайний, раз я был на баграмской авиабазе неделю назад, в самом начале января. Жил в модуле прямо у ВПП и не мог спать, потому что штурмовики давали форсаж над моей крышей и головой. Познакомился с бравым, лихим военным летчиком, ходившим вразвалочку, руки — в карманы роскошной, вкусно пахнувшей кожаной куртки. Как-то раз сидели мы с ним в ЦБУ[4] — просторной темной комнате, едва освещенной многочисленными приборами. На стенах были изображены свои боевые самолеты и самолеты вероятного противника, висели карта-решение командира полка на отражение воздушного нападения, карта группировки ВВС и ПВО вероятного противника на ТВД[5], ТТХ[6] своих и чужих самолетов. В дальнем углу красовались опознавательные знаки истребителей-бомбардировщиков Афганистана, Пакистана, Ирана, Китая и Индии.

— У каждого из наших летчиков,— сказал Антон, прихлопнув рукой по развернутой на столе карте,— сильно развито чувство профессионального самолюбия. Так что он стремится нанести точный удар, попасть именно туда, куда ему было приказано. Даже если это кишлак, в котором, помимо банды, возможно, есть и мирные. Раз взлетел, значит, надо точно нанести БШУ[7]. Лично у меня такая позиция. Я запретил себе ощущать что-либо во время бомбардировок. Все свои личные чувства и сомнения следует оставлять на аэродроме. Или держать при себе. Если действовать иначе, неизбежно возникнет вопрос: а для чего же тогда мы здесь?

Я посмотрел на стену и прочитал: «F-16 — экипаж один человек; практический потолок — 18 тысяч метров; максимальная скорость — 1400—2100; максимальная перегрузка — 7—8 единиц. Вооружение: пушка «Вулкан», бомбы, НУРС[8]». Потом подумал: «Неужели этот человек испугался журналиста? Или история, рассказанная мне про него,— ложь?»

Суть ее заключалась в следующем: несколько месяцев назад он в паре с ведомым пошел на север наносить БШУ по кишлаку, где засела банда. Через несколько секунд после сброса бомб ведомый крикнул в СПУ[9]: «Кажись, промазали...» Оба штурмовика сделали противоракетный маневр, спрятались в облаках, развернулись, но пошли не на кишлак, а домой — в Баграм. Лишь на подлете ведомый дождался ответа: «Ну и слава Богу, что промазали».

В июне 86-го, находясь здесь же, в Баграме, я, помнится, подсел к одному мальчиковатому летчику. Из кармана его бежевых летних брюк наивно торчала огоньковская книжечка повестей Экзюпери. Взгляд светлых, как небеса, глаз был мрачным. Потерянно кривились ранние горизонтальные морщинки на тонкой коже лба. Я открыл было рот, чтобы задать очередной вопрос, но не спросил, а выдохнул его: мне на плечо положил свою сильную руку замполит. «Оставь парня,— посоветовал он,— не бери у него интервью. Это наш пацифист. Любит, понимаешь, думать».

...Баграмская авиация работала денно и нощно. В среднем она сбрасывала за сутки около 200 тонн боеприпасов. Бывало и больше. Например, в период обеспечения операции «Магистраль»[10]. Тогда ежедневный расход боеприпасов достигал 400 тонн.

Непросто жилось баграмским летчикам. Они рисковали не только в воздухе, но и на земле. Обстрелы РСами участились со второй половины августа 88-го. Особенно тяжко пришлось 13 ноября и 26 декабря.

По другую сторону аэродрома обосновались афганские летчики. Им тоже приходилось несладко. Особенно если учесть, что недели через две вся советская авиация должна была подняться и уйти в Союз, оставив их наедине с оппозицией.

...Поздно вечером того же дня я вылетел из Пули-Хумри на паре вертушек в Найбабад, где расположился резервный КП 40-й армии.

---

[2] Ханум — женщина (дари).
[3] Соляра — пехота.

[4] ЦБУ — центр боевого управления.
[5] ТВД — театр военных действий.
[6] ТТХ — тактико-технические характеристики.
[7] БШУ — бомбоштурмовой удар.
[8] НУРС — неуправляемый реактивный снаряд.
[9] СПУ — самолетное переговорное устройство.
[10] «Магистраль» — кодовое название армейской операции 1988 года, позволившей выбить со стратегической дороги на г. Хост отряды вооруженной оппозиции и доставить в ранее блокадный город провизию и боеприпасы. Операцией руководил генерал-лейтенант Б. В. Громов.

Начало на стр. 6.

своей подозрительности и коварства Сталин не доверял им, они мешали его злодейским замыслам по уничтожению руководителей партии и государства, честных коммунистов и патриотов. В 50-х годах были вновь без каких-либо оснований применены репрессии к высшему командному составу армии.

Повторять сталинскую ложь о возможности военного переворота в СССР — это также заведомая неправда.

И последнее. В редактируемом Вами журнале помещается немало материалов, представляющих в неверном виде советских генералов. Разве это воинское звание в глазах советского народа предосудительно? Ведь генерал — это воин, прослуживший в Вооруженных Силах не менее 25—30 лет, познавший все тяготы воинской службы. Знает ли журнал «Огонек» о том, каков путь от лейтенанта до генерала и чем он устлан? Думаю, что нет.

Вы поместили на обложке Вашего журнала полковника-танкиста с книгой Сталина «О Великой Отечественной войне советского народа» в руках, закрыв его лицо надписью: «Сталин с ними» (не с ним, а с ними). Я не могу согласиться с политической позицией этого полковника. Демонстрация книги Сталина, как я понимаю, показывает его позицию. Но у него на груди **семь** нашивок за ранения на фронтах Великой Отечественной войны. Прошу обратить внимание — семь, и из них три тяжелых! Но Вы не проявили уважения даже к человеку, принявшему такие муки и пролившему такую кровь за Отечество. Попробовала бы мужская часть редакционной коллегии журнала «Огонек» хоть раз сходить в атаку на фашистскую оборону, гореть в танке, быть раненными хотя бы один раз... Если бы Вы такое испытали, Вы не были бы такими жестокими. Какого милосердия и для кого можно ждать от Вас?

Уважаемый тов. В. А. Коротич!

В течение уже нескольких лет журнал «Огонек» допускает выпады в адрес Вооруженных Сил, о которых я пишу в письме. Но в одном, даже большом, письме невозможно рассмотреть главные проблемы армии и флота. Я готов обсудить их с Вами в любой форме: в личной беседе, в интервью на страницах журнала, на телевидении, в диспутах в любых других аудиториях. Прошу Вас опубликовать настоящее открытое письмо в редактируемом Вами журнале. Давайте вести полемику открыто. Наверное, было бы менее корректно с моей стороны и менее удобно для читателей, если я опубликовал бы это письмо в каком-то другом издании.

С уважением

С. АХРОМЕЕВ
Маршал Советского Союза
23 ноября 1989 года

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемый Сергей Федорович, мы публикуем в этом номере и письмо Ваше, и приложенную к нему карту чужих военных баз без изменений. Да и трудно нам было бы обсуждать карту и факты из письма на уровне имеющейся у нас информации: Вы ведь сами знаете, что гласность находится еще на довольно дальних подступах к разговору об армейской действительности. Очень бы хорошо разобраться в том, кто вывел, например, армию и флот из поля зрения самого массового средства массовой информации — телевидения, к примеру. Ведь, кроме, скажем прямо, довольно бесконфликтной передачи «Служу Советскому Союзу», в горячо любимом народом советском телевидении нет ни слова о нашем доблестном воинстве. Ну, разве что программа «Время» сверкает генеральскими и маршальскими погонами в нескольких парадных сюжетах, и все. Случайно ли это? Случайно ли непристойное поведение руководителей нашего Министерства обороны, лишь речь заходит об органах печати, критиковавших их ведомство. «Желтая пресса» еще самое мягкое из их традиционных определений. Можете ли представить себе, чтобы «Огонек» назвал такого оратора солдафоном? А это ведь было бы самое мягкое соответствие предложенному дискуссионному уровню.

Уважаемый Сергей Федорович, Вы обладаете знаниями и воспитанием, позволяющими вести дискуссию на уровне честном и доказательном. Поэтому просто нельзя принять Ваши обвинения в унижении воинов нашим журналом. Мы вели и ведем большую работу по защите прав и интересов наших соотечественников, в частности, тех из них, которые вынуждены были сражаться в Афганистане. Пожалуй, больше всего обидели и унизили их те, кто послал честных ребят, готовых и умеющих служить Родине, погибать вдали от нее. Вы, как человек, в течение многих лет бывший одним из руководителей Министерства обороны, могли бы рассказать об истинных обстоятельствах дела, пожалуй, больше других. Но Вы не рассказываете. И при всех отменах цензур опубликовать любой серьезный материал о делах армейских мы можем лишь с разрешения военной цензуры. Не беспокоит ли это Вас? В частности, с точки зрения защиты человеческих прав военнослужащих, которым бывает, ох, как непросто докричаться до правды. Чуть заговоришь погромче, тут же окликнут, обвиняя в унижении доблестных Вооруженных Сил страны; тут же спросят о том, на чью мельницу льешь воду. А ведь на нашу мельницу, на нашу...

Кажется, хорошо обдуманная сталинская мания преследования не ушла вместе с ним. Помогая объяснить и оправдать огромное количество недостатков системы, свалить их то на врагов внутренних, то на внешних, мы десятилетиями оправдывали многие свои хозяйственные провалы необходимостью расходоваться на оборону, наступающей или прошедшей войной. Сквозь все наши страдания, сквозь немыслимое неуважение к собственному народу, проявлявшееся, в частности, и в страданиях этих,— вспомним лишь судьбы ополченцев и пленных в годы прошлой войны, вспомним переселенные народы и вспомним цифры наших потерь. Мы заплатили за победу такой кровью и потому, что враг был подл и коварен и потому, что держава зиждилась на грандиозном неуважении к простому человеку — его интересам и его жизни.

Надо спорить. Надо научиться выслушивать разные точки зрения (кстати, мы в журнале делаем это, но несколько раз позицию наших читателей, спорящих друг с другом, обменивающихся информацией, Вы считаете позицией «Огонька»).

Повторяю, нам дорога репутация Советской страны, в том числе репутация ее Вооруженных Сил. Но замалчиванием дел не поправишь; попытка объявить ветерана, прижимающего к груди сталинский томик, стоящего под трехцветным российским знаменем, воплощением всех ветеранов войны оскорбительна прежде всего для ветеранов.

Не надо передержек. Говоря о избыточном военном бюджете, можно бы озаботиться его размерами, а также тем, что и Вы представляете в письме советскую границу как потенциальную линию фронта. Зачем же так? Не больше ли соответствует такое представление временам холодной войны? И, учитывая часто используемую Вами формулу «на случай агрессии», не скажете ли Вы, какие страны вынашивают план завоевания Советского Союза? Кто спешит вторгнуться в страну с очень неупорядоченной инфраструктурой, с чрезвычайно озлобленным населением, готовым начать партизанскую войну еще до вторжения противника на территорию СССР?

Кроме того, не кажется ли Вам странным, что руководство Министерства обороны практически отвергло идею создания профессиональной армии еще до того, как были представлены расчеты и глубокий анализ возможных военных расходов в такой ситуации?

Не кажется ли Вам, что Ваши доказательства о невозможности военного переворота в СССР (коль Вы сами затронули эту тему) чересчур общи, если учесть, например, что до сих пор мы не можем узнать, кто конкретно отдал приказ о вводе войск в Афганистан. И спустя восемь месяцев после событий в Тбилиси специальная парламентская комиссия все еще не разобралась в том, что там произошло. И в этой связи любопытно было бы узнать, что Вы имеете в виду, говоря: «Вне политики армии не может быть». Насколько мы знаем, ни в одной европейской стране, ни в США, ни в Японии в парламенте нет ни одного военного, тогда как у нас сформирована даже парламентская группа Советской Армии, в состав которой входит большинство заместителей министра обороны.

Да и в связи с советским военным бюджетом, поверьте, несмотря на полное доверие к его цифрам, сомнения все же остаются. Да и как им не быть, если источником этих сомнений является выступление члена Политбюро ЦК КПСС Е. К. Лигачева на совещании в ЦК КПСС первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партий, которое состоялось в июле этого года. Егор Кузьмич, в частности, сказал: «Многие годы страна отягощена огромными военными расходами. Значительная часть производственной и интеллектуальной мощи страны — притом лучшая — сориентирована на укрепление оборонного потенциала. Заметьте, в 1985 году выпуск военной продукции на оборонных заводах и машиностроительном комплексе составил почти 40 процентов. На мой взгляд, в этом случае просто-напросто невозможна перестройка экономики с выходом на мировой качественный уровень и решение первоочередных социальных задач в сжатые сроки».

Даже если учесть, что с 1985 года прошло четыре года, и даже если предположить, что произошло двоекратное сокращение военных расходов, то все равно, как ни крути, при самых приблизительных подсчетах результат получается намного выше 77,3 миллиарда рублей, объявленных на 1989 год. Поймите, Сергей Федорович, нас, налогоплательщиков, правильно. Мы совершенно не собираемся с Вами спорить. Ведь Вы владеете уникальной и самой полной информацией, а мы, естественно, знаем не все.

И все же, Сергей Федорович, несмотря на самое глубокое и искреннее к Вам уважение, мы не можем не обратить внимание на следующее. Вы пишете, что у США есть 15 авианосных ударных соединений, а по опубликованным официальным данным министерства обороны США, их всего 14. Более того, газета «Вашингтон пост» со ссылкой на представителя Пентагона сообщила, что до середины 90-х годов останется всего 12 авианосных ударных соединений. Кто прав?

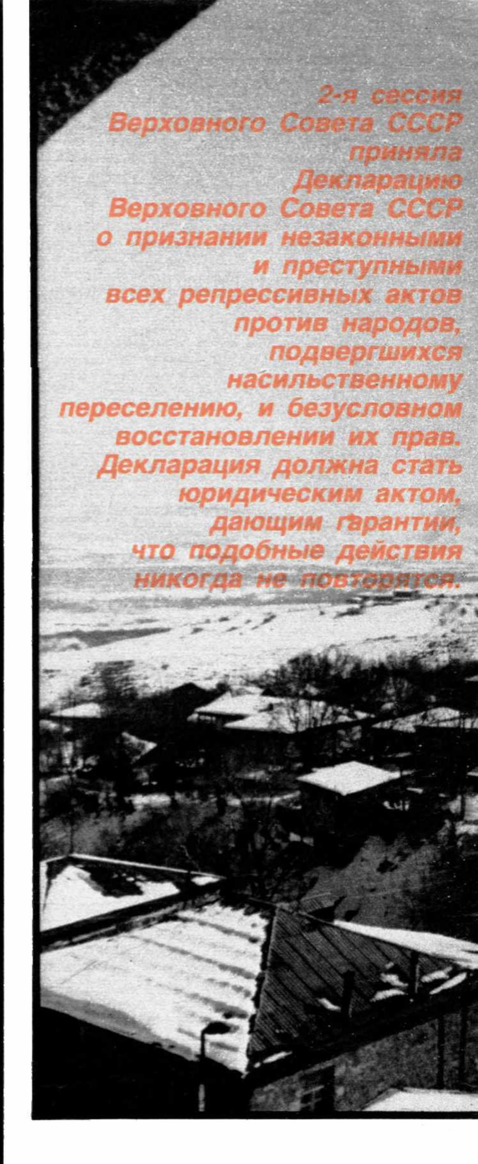
Вы сообщаете, что численность вооруженных сил США с учетом национальной гвардии составляет 3,3 миллиона человек, хотя регулярная армия США насчитывает 2 116 135 человек, а национальная гвардия (подчиненная в мирное время губернаторам соответствующих штатов, а не министру обороны) — 454 тысячи 854 человека. Цифра в 3,3 миллиона получается лишь в том случае, если к регулярным войскам и национальной гвардии добавить всех резервистов в США. Представляете, какое число может получиться, если к нашей регулярной армии приплюсовать всех советских резервистов, войска МВД, погранвойска, ДОСААФ?

В Вашем письме есть и такие строки, характеризующие вооруженные силы стран НАТО: «Все они вооружены современным оружием и содержатся в высокой степени боевой готовности. Эти вооруженные силы не сокращаются». Но как же тогда быть с недавним заявлением министра обороны США Р. Чейни, который распорядился подготовить план сокращения военных расходов в 1991 финансовом году на 3 процента, а с 1992 по 1994 год на 5 процентов? (И как же это увязывается с планируемым сокращением бундесвера?) Досадные нестыковки. Мы бы, возможно, и не придали им значения, если бы не одно обстоятельство. Вы, товарищ Маршал, не просто самое авторитетное лицо среди военных, но и советник Председателя Верховного Совета. Не дай Бог, неточность — да на самый верх!

И все же, Сергей Федорович, мы рады, что Вы обратились к нам с открытым письмом. «История нашей Родины — Советского Союза — так сложилась, что практически постоянно существует военная опасность»,— пишете Вы. Вы же говорите о том, что эта опасность остра и сегодня. На самом деле? Неужели нам надо лелеять такую большую и так вооруженную армию?

Мы не знаем, сколько в Советской Армии высокооплачиваемых полковников и генералов. Не больше ли, чем этого требуют интересы мирного времени? Обидно, но откуда это узнаешь; а надо бы. По зарубежным данным, к примеру, только в Москве служит больше генералов, чем во всей армии США. А по нашим? Вопросы остаются...

И тем не менее нельзя не радоваться тому, что мы их обсуждаем в открытую. Как сейчас. Очень хочется, чтобы авторитет нашей Армии был чист и высок. Только общими усилиями — совместно с Армией — мы можем утвердить такой авторитет. Обновляясь в перестройке, мы все должны стать лучше. Неужели не станем?

Майра САЛЫКОВА,
Семен ЯНОВСКИЙ
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Еще год назад их не всегда называли, перечисляя народы, подвергнувшиеся депортации в период культа личности и до сих пор не вернувшиеся на места своего исторического проживания. Но сегодня, после печально известных Ферганских событий, потрясших всю страну, достоянием широких кругов общественности стало еще одно, не разрешенное до сего дня последствие сталинской национальной политики. Вот уже сорок пятый год кочует по огромной стране маленький народ, который называет себя месхетинскими турками.

КАК ЭТО БЫЛО

В «Огонек» пришли только мужчины. Видно, тяжкая это доля — ходить по инстанциям десятки лет, переживая все заново. В который раз рассказывать то, что лучше забыть навсегда, как приснившийся однажды кошмарный сон. Свидетельства эти необходимо сохранить, без них невозможно представить себе в полном объеме, что же стоит за желанием этого народа вернуться в родные места. Нельзя решать современные проблемы, не зная того, что пришлось пережить не только месхетинцам, но и всем народам, разделившим с ними судьбу депортированных «невозвращенцев».

Тайфур Абузер:

— Мне было 10 лет, когда нас изгнали. Сам я из Аспиндзского района Месхетии, село Хертвези. Нас выгнали в 12 часов ночи на улицу и держали до 4 часов утра, а потом сказали: «Мы временно вас увозим». Мне мать сказала: «Иди к бабушке», — а бабушка наша

где сын твой, земля?

жила в другом селе. Я должен был сообщить ей, что нас куда-то увозят. Но, как только я вышел на дорогу, меня схватили и бросили в первый попавшийся студебеккер. Отлученный от родителей и родственников, я был привезен в Алма-Атинскую область. Еле выжил в дороге. Рассказывать, что творилось по дороге в товарняках для скота, в которых нас везли, просто нет никаких душевных сил... Я не видел родственников с 1944 по 1948 год. Потом случайно на базаре меня увидела моя тетка, потом приехали отец, брат. А позже вернулся из армии дядя. Его вызвали в комендатуру и говорят: «Снимай ордена, погоны». Все это и документы в придачу у него забрали. После этого он сник, проболел год и умер.

Я юрист по образованию, окончил Московскую академию, не хочу никаких должностей, поеду и буду работать на ферме, в колхозе, скотником, кем угодно — только бы вернуться на родину. Мне больше ничего не надо!»

«...ОЧЕНЬ НАДЕЕМСЯ НА ВАШУ ПОМОЩЬ»—

писали члены Временного организационного комитета месхетинских турок председателю правления Советского фонда культуры академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Речь в обращении шла о беззаконной высылке в ноябре 1944 года граждан турецкой, а также курдской, хемшинской, азербайджанской национальностей с территории пяти районов юга Грузии: Ахалцихского, Адигенского, Аспиндзского, Ахалкалакского и Богдановского — с общим географическим названием Месхетия-Джавахетия. О том, как, депортированные в республики Средней Азии и Казахстана, эти народы оказались в крайне тяжелом положении. Из 115 тысяч стариков, женщин и детей за месяц пути в битком набитых вагонах и первую зимовку в фанерных строениях и землянках погибла четверть. Это происходило в то время, когда 40 тысяч турок с первых дней Великой Отечественной войны сражались в рядах Советской Армии. В живых из этих воевавших мужчин осталось 14 тысяч. Все вернувшиеся с войны: и Герои Советского Союза, и орденоносцы, и инвалиды — оказались в одинаковом положении с сосланными. В положении резервантов с жестоким комендантским режимом, ослабление которого произошло лишь в 1956 году.

Стремясь быть поближе к родине, немалая часть турок расселилась в Азербайджане, Кабардино-Балкарии, Краснодарском крае и других регионах страны. Везде наблюдается постепенный процесс ассимиляции. Были попытки создания турецких школ, но огромная территориальная распыленность маленького народа делает нереальным в данных условиях создание единого очага культуры. «Этот вопрос,— говорят они,— может быть решен только при компактном расселении нашего народа».

Члены Временного организационного комитета отметили, что возвращение на свою историческую родину — Ахалцихский регион Грузинской ССР даст возможность возродить исчезающую национальную культуру. Реальность такого возвращения, как считают члены ВОКа, подтверждается наличием на территории Месхетии-Джавахетии нескольких десятков разрушенных и пустующих сел.

До сих пор остается нерешенной проблема этнического происхождения месхетинцев. Одни представители этого народа считают себя месхетинскими турками — их большинство, другие месхами — частью единой грузинской нации. **Эмма Панеш,** ученый из Ленинграда, сделала доклад по этой теме на заседании совета по развитию и сохранению культуры малочисленных народов Фонда культуры СССР. Вот ее точка зрения:

«Месхетия-Джавахетия — это пограничье. Если представить себе, что на протяжении многих веков на пограничной территории жили и соседствовали контактирующие этносы турок и грузин, то, обращаясь к мировой истории любого пограничья, ситуация могла быть довольно типичной. Если бы эта территория была турецкая, то грузин, как обычно это делали в таких случаях, переселили бы в глубь страны, а на территории пограничья были бы устроены военные поселения. Если бы территория была грузинской, то было бы то же самое, только с другой стороны. Что и было сделано в 1944 году. С пограничья были выселены мусульманские народы. Месхетинские турки были вывезены, а на освободившуюся территорию заселили грузин. Хотя, несомненно, была и часть выселенных грузин-мусульман. Мы думаем, что вопрос о происхождении необходимо решать спокойно. И очень важно, чтобы при решении этого вопроса не оказывалось давления на самосознание месхетинцев, ибо вопрос это тонкий и деликатный».

Существует и другая точка зрения. Грузинский историк **Гурам Мамулиа:**

«Эта проблема — одна из самых сложных для грузин. Для всей республики. Та группа людей, о которой говорится как о турках, на самом деле месхи. Так как издавна население того края было исключительно грузинским. Турки как таковые, я имею в виду османских, там никогда не проживали. Даже в официальной статистике прошлого не было такого понятия — «турки». В результате экспансии Турецкой империи процесс мусульманизации месхов протекал в тех местах почти три столетия. В связи с этим произошла потеря языка со всеми вытекающими последствиями. Но говорить, что в Месхетии испокон веков жили турки и что это турецкая земля — сплошное недоразумение. Месхетия являлась центром грузинской культуры. И даже если посмотреть на этот край с точки зрения материальных памятников культуры, то именно там находятся самые крупные христианские церкви. И позже уже можно проследить по историческим документам, по мере запустения края, мечети, которые возникали в результате этой мусульманизации. Часть месхов перешла в результате гонений в католическую веру. Самосознание месхов в результате этого распалось на три части: часть была тайными православными, которых относили к грузинам, часть католиками, которых называли французами, и часть омусульманизированного населения, которое называло себя татарами, но не турками.

Я могу сказать, оглядываясь на историю этого края и историю месхов, что эта часть грузинского населения веками была жертвой большой политики государств. Они жили на границе и постоянно испытывали давление со стороны государств. Даже в советский период их записывали и азербайджанцами, и грузинами, а в 1944 году они были высланы как турки. И так называемая турецко-месхетинская нация была образована на почве религиозного, а не национального самосознания. К сожалению, в ближайшей истории были события, которые еще остались в памяти людей. Когда турки в 1918 году наступали через Месхетию, мусульманское население края подняло восстание. Доходило до резни. Христиан и мусульман. Там, где христиане и мусульмане жили бок о бок, часто мусульмане спасали, укрывали христиан. Но были и ужасные сцены. И это по сей день живет в сознании людей.

Сегодня среди месхов есть значительная часть, которая понимает и осознает свое грузинское происхождение. Они просят дать им возможность возвратиться на родину. В разные районы Грузии, включая и Месхетию. Мы поняли, что это то крыло, на которое можно опираться в решении этого вопроса. Но тяжело приходится не только с месхами, но и с грузинами. Ведь, когда месхов выслали, среди народа велась соответствующая пропаганда. Надо было заселять опустевшую пограничную территорию. Грузины туда ехать не хотели. Поэтому заселение проводилось в принудительном порядке. В основном из районов Западной Грузии. Туда специально вступали войска, разрушали дома, буквально силой сажали на машины и заселяли таким образом месхетинские села.

Все это происходило зимой. Условия климатические были совершенно другие. Это сейчас в Месхетии построили дома, а тогда там жили в основном в землянках. Погибли почти все младенцы. Чтобы люди не бежали в свои родные места, установили комендантский режим. И чтобы как-то удержать людей, им вбивали в головы, что из этих сел выселили предателей. Что мы, мол, освободили вашу землю от турок, а вы не хотите здесь жить, потому что не являетесь патриотами. И вся идеологическая и пропагандистская машина была пущена для соответствующей обработки населения. Долгое время оттуда практически нельзя было выписаться и уехать.

И потому население настороженно сейчас относится к возвращению месхетинцев. Очень большие сложности могут возникнуть и возникают при неправильном поведении тех из них, кто допускает незрелые, непродуманные заявления, приезжая в те края с целью осмотреть места будущих заселений.

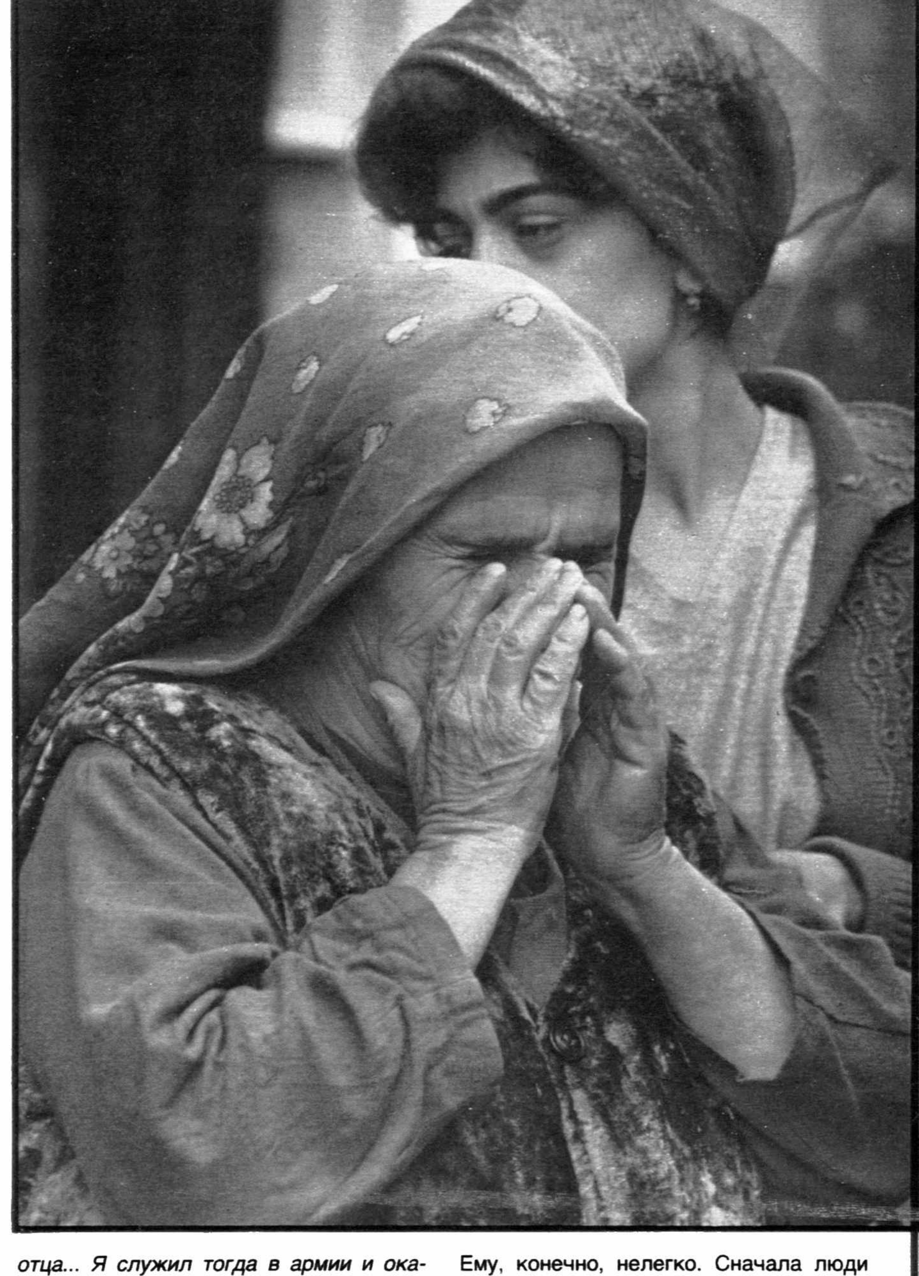
Расул Мамедов:

«Советское государство нам доверяет границу охранять в любом месте Советского Союза. Кроме нашей родины — Месхетии. Парадокс. Почему так? Мой сын, например, служил в Афганистане, сын соседа-земляка погиб от пули душманов. Как так получается, что мы можем служить везде, даже за пределами страны, и здесь национальный вопрос не возникает. Где справедливость? А как только зашел разговор о нашем возвращении, возникла вдруг проблема нашего происхождения. Кто мы — турки или грузины? Так вот что я хочу сказать тем, кого так занимает этот вопрос,— у нас Конституцией закреплено право на свободу совести. Хочу — буду мусульманином. Хочу — христианином. Хочу — я могу записаться грузином, хочу — турком. Но никто не имеет права меня заставлять или вынуждать меня записываться грузином. И еще вот что хочу сказать. Если многие ученые в Грузии считают, что мы — омусульманенные грузины, что же они все эти долгие 45 лет не били во

все колокола? Что, мол, наши братья грузины пропадают в изгнании? Что же все эти долгие, мучительные для нас годы не пригласило нас обратно грузинское правительство? Почему вопрос: турки мы или грузины, возник тогда, когда зашла речь о нашем возвращении в Месхетию?»

Исмаил Гуняшев:

«Везде в нашей стране стоят памятники солдатам, погибшим в Великую Отечественную войну. На них написано, кто погиб, когда, все можно узнать. Так неужели 40 тысяч турок, воевавших в те годы, а погибло из них 26 тысяч 267 человек, не заслужили такого памятника или обелиска на родине? Когда в тех местах, где мы сейчас живем, открывали обелиск погибшим односельчанам, я спросил: «Почему же наших соплеменников не включают в эти списки?» И мне председатель райисполкома ответил, что, мол, мы ставим обелиск тем солдатам, кто из нашего села ушел и не вернулся, а ваши солдаты не из нашего села ушли. Вы должны поставить им обелиск в своем родном селе». А как я могу это сделать, если я даже попасть туда не могу? Долгое время вся территория, на которой мы проживали официально, входила в погранзону. Въезд был по особым спецпропускам...»

КАКАЯ ОНА, МЕСХЕТИЯ?

В воспоминаниях месхетинцев всех: и тех, кто считает себя месхами, и тех, кто считает себя турками,— это была земля счастья. Счастья жизни на родине. Полностью ощутить все, что под этим подразумевается, могут люди, слишком дорого заплатившие за горькое это знание.

По дороге в Месхетию, в селе Хашури, живет возвратившийся в Грузию из Средней Азии Бахадыр Матанов. Ему было 11 лет в 1944 году, жил он в Аспиндзском районе, в селе Ошора. Помнит весь этот ужас от начала и до конца. Потом, после снятия комендантского режима, отслужил в армии, окончил институт, работал.

В 1973 году, взяв путевку, поехал отдыхать в Боржоми. И вдруг экскурсия, собираются на Вардзи. А дорога туда как раз через его родное село. Он знал, что по паспорту, где было записано, кто он и откуда, его никто дальше шлагбаума не пустит. Знал. И все равно записался. Когда доехали до шлагбаума, все вышли из автобуса. Шла проверка документов. Он сказал, что забыл паспорт, но есть депутатское удостоверение и документы, что он является заместителем председателя райисполкома в Средней Азии. Долго перезванивались пограничники с начальством, пока наконец, махнув рукой, не сказали: «Поезжай!» А когда автобус прибыл в Ошору, он уже не мог сдержать себя. Попросил остановить в центре села, выбежал на улицу и закричал во всю глубину легких: «Я здесь родился! Здесь жил мой отец! Я здесь, и теперь можете делать со мной, что хотите!» Казалось, вся жизнь до этого мгновения была ради этих нескольких минут. Он думал, что к нему побегут, станут выдворять обратно, но экскурсовод, поняв, в чем дело, просто умолял не кричать так громко. И многие люди в автобусе плакали...

Много лет прошло с тех пор. Он познакомился с грузинской семьей, которая сейчас живет в бывшем их доме. Они стали почти родными людьми. И не оставляло его с тех пор жгучее желание вернуться. И он вернулся. Правда, живет не в Месхетии, но все-таки на родине, в Грузии. Считает, что они, месхи, грузинского происхождения. Учит грузинский язык. Хотел записаться грузином в паспорте, вернуть себе грузинскую фамилию. И, как мы узнали недавно, ему это удалось. Сейчас в его паспорте записано новое имя — Бадри Метонидзе.

Кошали Алиев:

«Я лично выселял своего родного отца... Я служил тогда в армии и оказался среди тех солдат, которые занимались выселением турок. И я сам выселял собственного отца из родного дома. Отец мой погиб в дороге, и я даже не знаю, где его могила. Мать умерла от горя. Остались четыре брата и две сестры. Два года я искал их, писал в Москву и нашел их в Казахстане. Так это было. Вы понимаете, я сам грузил свою семью на студебеккер, четыре семьи на одну машину...»

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА?

С чего начиналась Месхетия для тех, кто решил посетить этот древний грузинский край? С пограничного шлагбаума при въезде в самую обширную на территории Советского Союза погранзону. Месхетинцы считают, что зона была создана специально для них. Чтобы не было возможности не только вернуться, но даже посетить могилы предков. А грузины, переселенные сюда тоже насильно, считают, что этот шлагбаум был предназначен для них, чтобы они не смогли уехать из Месхетии в родные края тогда, в страшные сороковые годы.

Совсем недавно шлагбаум при въезде на территорию Месхетии-Джавахетии был снят. Но проблема, созданная в далеких сороковых годах, еще не решена.

Мы спросили: «Сколько месхетинцев сейчас живет в самой Месхетии?» Нам ответили, что официально три семьи, но реально проживает сейчас в Ахалцихском районе только один Марат Бараташвили. Сын Латившаха Бараташвили, посвятившего всю свою жизнь делу возвращения на родину. Считает себя месхом.

Марат работает в местном краеведческом музее.

Занимается этим вопросом уже много лет. Он единственный смог вернуться на родину. Привез туда свою семью. Ему, конечно, нелегко. Сначала люди относились с опаской, многим не нравилось, что он, работая в музее, имеет доступ к архивам. Но все-таки его природное миролюбие, стремление прикоснуться к своим историческим истокам, воспитанность потихоньку привели к терпимому отношению. Пока так.

Наш разговор с Маратом был долгий. «Более запутанного вопроса — кто мы? — в СССР нет. Иди разберись! Профессионалы головы ломают, а тут простой крестьянин. Что ему надо? Ему земля нужна, ему семья нужна, ему работать надо, детей растить. Что там политика? Дайте землю, где родился, откуда родом, где предки похоронены. Вопрос не в том, чтобы всех перевезти на свои старые места. Все дело в действительной реабилитации месхов и высланных вместе с ними представителей других этнических групп.

Марат Бараташвили говорит об этом, как о самом важном аспекте вопроса. Он считает недопустимым тот факт, что вот уже спустя 45 лет после высылки он единственный месх, вернувшийся на землю предков.

Вахпи Ахметов:

«В 18 лет меня мобилизовали в Советскую Армию 23 июня 1942 года. Наша 77-я стрелковая дивизия формировалась в Дербенте. После демобилизации всех солдат встречали с музыкой, а нас кто встретил? Приехали в родное село — никого нет. Правда, через полчаса появились два милиционера, говорят: «Тебе здесь делать нечего. Давай езжай отсюда...» «Куда?» — спрашиваю. А они — в Среднюю Азию, мол, вся семья твоя там находится. Я четыре месяца искал свою семью, голодный, холодный... Когда нашел, уже почти никого не было в живых, только один брат-инвалид и сноха. Остальные все умерли. За что мы воевали? Неужели даже теперь мы не имеем права жить на родной земле? Ведь ветеранов становится год от года все меньше. Не дали нам жить на родине, так хоть умереть там. На это мы имеем право? Пока я был на фронте, ничего не знал о судьбе моих близких. Писем после 44-го не получал совсем. Несколько раз обращался в политчасть, там отвечали: «Не знаем, пока война...» Хотя все они тогда знали, просто им совесть не позволяла сказать мне правду. Ведь мы тогда все могли в любой день умереть. За Родину».

Мы посетили все районы края Месхетии-Джавахетии. Видели, как живут там сейчас люди. Читали справки, предоставленные нам, о том, что Месхетия

является сейчас районом экономически отсталым, дотационным. Проблем много. У тех людей, кто живет там, не хватает строительных материалов, земли. Нас убеждали, что восстанавливать старые, разрушенные села месхетинцев невозможно, что земля сейчас не годится для современного уровня земледелия. Люди во многих селах, узнав, откуда мы и по какому вопросу, обступали нас и делились своими мыслями.

Беспокойство людей понятно. Тяжелая экономическая ситуация в районе ложится бременем на плечи местных крестьян. Возвращение месхетинцев, даже пока в незначительном количестве, может создать, как считают многие, трудности не только экономического характера, но и психологические. Те, кто был переселен сюда насильственно

в дома месхетинцев, говорили нам: «Разве они смогут забыть эту несправедливость? Разве они смогут смириться с тем, что мы заняли их земли? Что на месте мечети, например, построили школу или что-то еще? Разве сможем мы рядом с ними жить спокойно?»

Совершенно обратное говорили нам месхетинские турки, нелегально посещавшие свои села в недавние, более спокойные времена. О том, как радостно и тепло принимали их, как плакали все вместе. Откуда тогда это беспокойство? Ведь известно, что Временный организационный комитет месхетинских турок записал в своем Уставе отказ от претензий возврата жилищ, оставленных в результате депортации 1944 года. Но тревога не отпускает людей. В селе Удэ вспомнили люди о событиях 1918 года, о которых рассказывал нам Гурам Мамулиа. Водили нас на сельское кладбище, где покоится прах жертв тех лет.

И подумалось тогда: если память человеческая так долго хранит воспоминания пусть немногочисленных, но черных страниц истории, то скоро ли забудутся нашими современниками события последних лет в Армении и Азербайджане и других регионах страны? Скоро ли смогут забыть месхетинские турки события в Фергане? Возможно ли вообще забыть об этом? Но если помнить об этом всегда, вечно, то что же может ожидать нас всех впереди? Идти вперед, оглядываясь назад, только для того, чтобы в оправдание своей собственной нетерпимости представить черные страницы давней и недавней истории?

КОГДА НАСТУПИТ ВРЕМЯ?

В Москве состоялась неофициальная встреча граждан грузинской национальности с представителями месхетинских турок.

Не по всем вопросам было достигнуто согласие. Но главное, что вынесли и те, и другие,— нужно наводить мосты между людьми. И обязательно учитывать сложную ситуацию, которая сложилась в Грузии. Представители грузинской национальности заявили, что «теперешнее общественное мнение в республике складывается не в пользу возвращения месхетинских турок в Месхетию. Причины этого — события последних месяцев: это 9 апреля, беспорядки в Восточной Картли, напряженность в Абхазии и Южной Осетии. Грузинскому народу надо дать время разобраться в самом себе».

Ясно одно — вопросы эти должны решаться спокойно. Нельзя не учитывать реалии сегодняшнего дня. И положение в Грузии. И положение народа, который 45 лет лишен родного очага. Учитывать, что после печально известных ферганских событий десятки тысяч месхетинцев стали беженцами. Нельзя жить без надежды на справедливое разрешение этого вопроса. Но одной надежды мало. Время идет. Подрастают новые поколения. Что ответим на их вопросы завтра? Как посмотрим в их глаза?

Пока материал готовился к печати, нам сообщили из Тбилиси, что Марат Бараташвили, поселившийся недавно на родине, там уже не живет. Ему пришлось покинуть край его предков — Месхетию.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Теплое течение Тихого океана. 8. Английский драматург, автор комедии «Школа злословия». 9. Сок хвойных растений. 10. Морское парусное судно. 11. Точное календарное время определенного события. 12. Традиционный персонаж итальянской комедии масок. 14. Государственная награда за особые заслуги. 16. Древний ударный музыкальный инструмент. 17. Город-герой. 18. Единица длины в астрономии. 19. Грызун с ценным мехом. 21. Горная страна в Восточной Сибири. 22. Слой почвы, прилегающий к корням растений. 25. Болгарский народный танец-хоровод. 27. Укол в фехтовании. 28. Способ спортивного плавания. 29. Картина Н. А. Ярошенко. 30. Один из Курильских островов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Сказка К. Гоцци для театра. 2. Глянец, блеск. 3. Горы в Греции. 4. Дробная часть десятичного логарифма. 6. Басня И. А. Крылова. 7. Партизанка, Герой Советского Союза. 8. Река в Центральной Африке. 12. Прибор для отметки билетов, чеков. 13. Государство в Южной Америке. 14. Минерал, разновидность агата. 15. Футляр для сабли, шпаги. 18. Русский советский писатель. 20. Лекарственное травянистое растение. 23. Лесной бык. 24. Порт на Азовском море. 26. Плод растений с твердой скорлупой. 27. Судовая лестница.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Воображение. 8. Зебу. 9. Флаг. 10. Огове. 11. Черевик. 12. Стрепет. 13. Оптик. 14. Феникс. 16. Способ. 17. Репутация. 22. Аккорд. 23. Аварец. 24. Ольга. 26. Ледоруб. 27. Сименон. 28. Офорт. 29. «Окно». 30. Иней. 31. Драматургия.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Яблоко. 2. Самостоятельность. 3. Вереск. 4. Тетерев. 5. Вучетич. 6. Ефремов. 7. Баженов. 15. Стенд. 16. Спика. 18. Уклейка. 19. Водород. 20. Карелия. 21. «Человек». 24. Обойма. 25. Астара.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Сергея ПОЯРКОВА (Киев)

Дом старого учителя из села Березники Алексея Гавриловича Пичугина — настоящий музей. Стены его увешаны произведениями народного художника.

Жизнь этого человека полна трагедий и тяжких испытаний. В начале войны стал зенитчиком. Вскоре попал в плен и лишь незадолго до Победы был вызволен американскими солдатами. В школе преподавал литературу и русский язык. Но недолго. По злому навету был приговорен как «враг народа» к двадцати пяти годам. Шесть лет каторжных работ в Красноярской тайге, покуда не пришло оправдание и полная реабилитация.

Пришел Алексей Гаврилович из концлагерей с измотанным здоровьем, но, как он говорит, с несломленной душой. Ожила в нем давняя любовь к изобразительному творчеству. Начинал с примитивных поделок, а с годами и сложные композиции стал вырезать из дерева. Затем решил воплотить в дереве произведения великих русских художников — «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова», героев литературных произведений и сказок. Захотелось выполнить в материале и свои собственные задумки. И появилось родословное панно семьи Пичугиных, портреты родных, множество натюрмортов с цветами. Долгие годы ушли на создание грандиозных композиций по сюжетам басен Крылова.

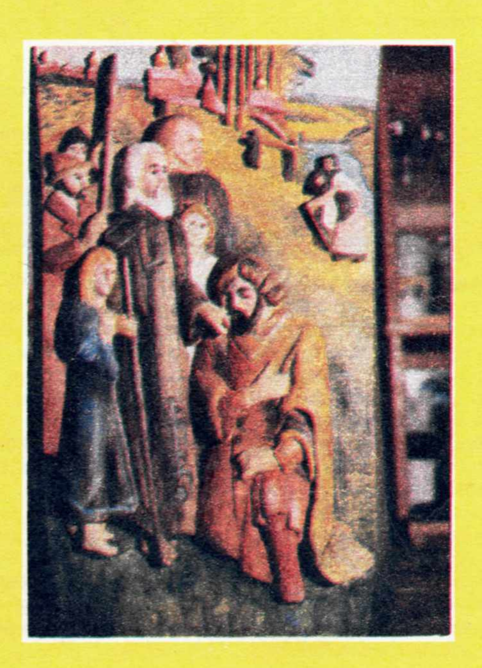
Ярославская обл.
Михаил САВИН
Фото автора

40 коп
Индекс 70663